

МОЯ ВОЙНА

Воспоминания солдата

ГРИГОРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ
ЗАДВОРНЫЙ

МОЯ ВОЙНА

Воспоминания солдата

*«История учит тому,
что ничему не учит»
Г. Гейне*

Санкт-Петербург
2011

СОДЕРЖАНИЕ:

Часть I. ЛЕНИНГРАД

ГЛАВА 1. НАЧАЛО ВОЙНЫ

Практика	11
Война	13
Ленинград	16
Окопы	20
Последние дни в гражданской	23
15 сентября	31

ГЛАВА 2. ПОЛИТБОЕЦ

Учение	37
Полк	44
Под Тихвин	47

ГЛАВА 3. ОБОРОНА И ОТСТУПЛЕНИЕ

К переднему краю	53
Мессершмитты	55
Первые бои	57
Попытка взять деревню	64
Отступление	68
Оставили Тихвин	71

ГЛАВА 4. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

В стрелковой роте	77
Ночные атаки	81
Моисеев	85
Сожженная деревня	88
Катюши	89
Немецкий блиндаж	91
Солдатские радости.....	92
Деревня Заболотье.....	96

ГЛАВА 5. В ГОСПИТАЛЯХ

Сокол	103
Березники	107
Снова в часть	117

Часть II. СТАРАЯ РУССА

ГЛАВА 1. ДОРОГА

Лагерь в Кунгуре (Молотовская обл.)	123
Дорога	124
Вологда.....	126
На фронт	129

ГЛАВА 2. РАМУШЕВСКИЙ КОРИДОР

На Демянском выступе под Старой Руссой... ..	137
Первый бой (под Рамушевым)	140

Спасение Малинина	143
Гибель нашей роты	147
В седьмой роте	148
Налет Юнкеров	149
Ласточка.....	149
Концерт	150
Смерть Литвинова	152
Артналет под песню	155
Дожди.....	156
Английские ботинки	158
Военная игра.....	158
 ПОСЛЕСЛОВИЕ	 163
 ПРИЛОЖЕНИЕ	 169

ВОЕННОЙ

[illegible]

Уважаю аристократов. Вам мо-
жет быть интересно. Замечательная
погода, пасмурно, солнце не
вышло. Нас развело в море.
Идем здорово, с
весом, как палец,
мы идем и идем.

CARTE POSTALE
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Коаста-Рика

у. Супрункова 137.

Михаилу Старосельцу
Заслуженному
? Ленинград

Adresse
de l'expéditeur
Адрес
отправителя

Великому

19/4/19

Ленинград

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I
НАЧАЛО ВОЙНЫ

"Альма матер"
(гидравлическая лаборатория)

Практика

В июне 1941 года Дима Головин, Лешка Майоров и я отбывали последнюю, преддипломную, практику на строительстве Мстинских ГЭС в городе Боровичи.

Места на Валдае красивые. Лето стояло отличное. Горячее солнце, синее небо, прохладная, прозрачная река Мста. Город небольшой, тихий, весь утонувший в зелени, истинно русский. Над красавицей Мстой ажурный мост, близ которого мы любили купаться. На керамических и кирпичных заводах работало много веселых и компанейских девчат, имевших, не только в Валдайских краях, широкую и отчасти сомнительную известность.

По вечерам гремела музыка в городском саду, дрожали танцплощадки, серебрился девичий смех. Мужчин в городе было заметно меньше и, тем не менее, они доставляли немало хлопот местным властям, особенно в воскресные дни. Тогда для транспортировки в вытрезвитель им приходилось привлекать не только телеги, но и все наличные подручные средства, даже ручные тачки. Мы жили в общежитии. Работали на должностях помощников прорабов. Оклад 800 рублей. Для нас это были немалые деньги — три стипендии. Своими должностями и зарплатами мы втайне очень гордились, ну и вкалывать, конечно, приходилось до седьмого пота.

На стройке работало много «зэков». В их среде негласно сложились суровые порядки. Верховодили всеми «паханы». В лагере среди заключенных то и дело возникали разные неприглядные истории. Нам поэтому рекомендовали держаться от заключенных подальше и не вмешиваться в их внутренние дела.

Дима, ближе ознакомившись с обстановкой, подался работать в технический отдел, на «чистую» практическую работу. Лешка успешно командовал земляными работами: бульдозеры, экскаваторы, автосамосвалы — дело у него шло гладко.

Мне же досталось строить бетонный завод с подъездными эстакадами — не столь уж простое деревянное сооружение. Конечно, строить из бревен (и не только из бревен) я еще не умел. Весь мой багаж был, так сказать, сугубо «теоретическим».

Я получил полсотни плотников из бывших кулаков и сотню «урок» — землекопов, и начал ими распоряжаться. С «урками» дело обстояло более-менее сносно. Дисциплина у них железная — ее четко обеспечивает их «пахан». Работа простая: копай лопатами грунт и отвози его в насыпь на тачках. Я положился на совесть и предприимчивость «пахана» и не мешал ему терроризировать бригаду. От меня требовалось только смотреть сквозь пальцы, подписывать туфту каждый вечер и следить, чтобы надували в объемах работ не слишком безбожно. С плотниками было гораздо сложнее. Они облепили строительные леса эстакады, как галки, целыми днями тюкали топорами, а дело почему-то не двигалось с места. Бывшие «кулаки» откровенно не желали работать. Почуввав мою слабость, они с удовольствием издевались надо мной: требовали показать им, как делать то, как делать сё, даже простой стояк сделать они якобы не умели. Мучили они меня нещадно. Прораб по нескольку раз на день насканивал петухом, материл меня и всю вселенную в хвост и в гриву, гнул из меня салазки. Я от всего этого жестоко нравственно страдал, но... дело все равно шло туго. С работы едва доползал до дому, вымотанный до полусмерти.

И тем не менее, поужинав, умывшись, надев белые брюки и вышитую сорочку — мчался на танцплощадку, едва слышав музыку в городском саду. Как можно было усидеть дома?

То были волшебные вечера. Запах свежей зелени, чудный воздух, полумрак, шелест листьев, шум, смех, говор, музыка, танцы. Девушки и будущее нам улыбались. Мы неумело крутились в вальсах, энергично топтались в фокстротах, пытались тянуть танго. А то просто бездумно болтали, гуляя по тенистым аллеям или сидя на скамейках парка. Тело и душу переполняла легкость, ощущение свежести и предвкушение счастья. Долгожданными были выходные дни — награда после нелегкой недельной работы.

Поздно встав, после столовой мы веселой компанией в выходной собирались на берегу реки. Там блаженствовали в воде и под солнцем, шутили, пели и, по-видимому, слишком много смеялись.

Так резвились до 22 июня, не ведая, что нам уготовано судьбой. Для мирной жизни оставались уже последние считанные часы и минуты.

Война

В воскресенье 22 июня выдался на редкость ясный, без единого облака день. Казалось, он сулил лишь радость. Мы встали поздно. Пошли в столовую. Весь день намеревались загорать и купаться. Вчетвером: Дима, двое москвичей из МИСИ и я заказали знакомой официантке Маше наш обычный двойной обед. Зал был полон, в основном это были молодые люди. Громко разговаривали, шутили, смеялись. Маша в белом фартуке и наколках подходила к нам с заставленным тарелками подносом.

В этот момент репродуктор, висевший над дверью, неожиданно закричал, зафырчал и... обрушил на нас те памятные слова: «Слушайте важное сообщение. Будет говорить председатель совета народных комиссаров Вячеслав Михайлович Молотов».

Голос диктора прозвучал необычно. Зал сразу притих, почуяв недоброе. Маша застыла с подносом, еще сохраняя улыбку для нас.

ВОЙНА! Немцы перешли наши границы. Идет сражение. Бомбят наши города. Зал охнул. Маша уронила поднос. Разбились тарелки, котлеты смешались на полу с борщом, осколками и гарниром.

Война... Страшное слово. Казалось, мы ее всегда ждали и готовили себя к ней в течение всех прожитых лет. А все-таки, где-то в глубине души у каждого жила надежда, что она, может быть, чудом, но нас минует. Нет, не минула и застала нас всех врасплох. Этот миг стал для каждого и для всей страны черной гранью, резко отделившей всю прежнюю жизнь с ее радостями и заботами от предстоящей кровавой борьбы не на жизнь, а на смерть. Кончилась наша юность. Чуждая, враждебная сила перекорёжила нашу жизнь. С этой минуты пошел иной счет времени, по-иному оценивалось ранее привычное и понятное. Яркое пламя войны высветило в лицах людей как все напускное, ненужное, ложное, так и подлинное, ценное. В этот миг мы, конечно, еще не могли осознать до конца весь грозный смысл происходящего. Тем не менее, для меня стало ясно: войне быть долгой и жестокой. Фашизм — это смертельный наш враг, а Германия — первоклассное государство. Она сожрала почти всю Европу и опьянела от крови и легких удач. А мы ведь в мире одни и окружены врагами.

Мысли путались. Сердце сжалось от большой тревоги. Гнев и горе

Г. М. Задворный с боровичскими друзьями 22.06.1941

распирали грудь: «Мерзавцы, — вы просчитались! Мы не Франция и не царская Россия, а Советский союз!»

Столовая быстро пустела. Люди расходились суровые, озабоченные, молчаливые. Я с ребятами пошел фотографироваться, чтобы осталась память о том, какими нас застала война — мало ли что с нами случится... А Дима так расстроился, что и в фотографию не пошел. Так что мы запечатлены лишь втроем: двое ребят из МИСИ и я. Эта фотография сохранилась: там юные лица мальчишек сороковых годов.

Перед фотоателье выросла большая очередь. Не помню, как прошел остаток этого мрачного дня. Мысли были на нашей границе, где уже шли бои. Думалось о себе — что теперь тебя ждет? Ведь все прежние мечты потеряли смысл. По радио непрерывно передавали музыку и, время от времени, — грозные, но какие-то неконкретные сообщения о приграничных боях. Все это взвинчивало, так как не вносило ясность в положение дел.

В понедельник, в обычное время, все пришли на стройку, но было ясно, что теперь ей конец. Несколько дней, по инерции, продолжались

работы. Заключенные очень притихли и выглядели, как ошпаренные. Среди них подспудно бродили нам неизвестные слухи. Работа на стройке стала явным притворством.

Город изменился: на улицах проводы новобранцев, выкрики, топот, мат, отчаянный смех, женский плач, объятия и поцелуи. На вокзале речи, оркестры, торжественные проводы эшелонов мужчин. Город с горя пил и веселился — провожая на фронт, а может и на смерть, мужей, отцов, сынов и братьев. Мальчишки, как взбесившиеся, азартно играли только в войну. Сообщения с фронтов с каждым днем становились тревожнее. Похоже, что немцы рвутся внутрь нашей страны. Бои за Вильнюс и Каунас. Мы оставили Брест и Гродно. Появилось Минское направление. Что это? Не так, совсем не так нами представлялось начало войны. Когда же, наконец, скажет веское слово Красная Армия, для которой мы ничего не жалели, на которую так надеялись и так любили? С каждым днем вести с фронтов становились все более грозными. Было до боли обидно, возмутительно и тяжело. Третьего июля выступил по радио товарищ Сталин.

«БРАТЬЯ И СЕСТРЫ! ДРУЗЬЯ МОИ!»

Непривычно задушевные и откровенные слова ударили в самое сердце. Выложенная им правда открыла глаза, укрепила дух и вызвала жажду борьбы и уверенность в конечной победе, какой бы она не была трудной.

Наша стройка на днях свернется. Основной костяк строителей будет переброшен на возведение укреплений. Наш институтский комсомольский передовик А.И. уже примазался к строителям, а мы, все остальные, возвращаемся в институт. Шестого июля, в последний день стройки, я был дежурным и ночью передал приказ остановить водоотливные насосы и законсервировать котлован.

С этого момента Боровичская Г. Э.С. навсегда заглохла. После окончания войны ее строительство не возобновлялось.

Восьмого июля днем мы стояли с чемоданами на железнодорожной платформе в Угловке. Ждали поезда на Ленинград. Ожидали долго. Расписания уже не существовало — все пошло вкривь и вкось за эти несколько военных дней. На душе было муторно и беспокойно: что всех нас ждет впереди? Там, в Угловке, я собственной кожей впервые наглядно ощутил войну как стихию, народное бедствие.

Сзади платформы была стена, а над платформой — железная крыша. Уже долго ни в каком направлении нет поездов, вокруг — мертвая тишина. Вдруг в этой жуткой тишине послышался мягкий шелест и царапание — и с крыши через наши головы посыпались на железнодорожный путь крысы. В это же время справа и слева крысы мощным потоком стали обтекать нашу платформу и переправляться через железнодорожный путь. Им не было числа. Задние напирали, крысы лезли по стенке на крышу и прыгали с нее друг за другом. Зрелище было омерзительным. Серая масса с отвратительными хвостами ползла и ползла, повинуюсь стадному чувству — почти бесшумно, противно и грозно. Мы застыли в удивлении и ужасе, пока не прошло всё полчище крыс. Сколько времени это длилось, не знаю, но нам оно показалось бесконечно долгим.

С того дня и на всю жизнь в моем сознании (и, увы, — часто во сне!) вторжение немцев в нашу страну отождествляется с тем омерзительным шествием крыс в Угловке. Крыс огромных, противных, одетых во фрицевские шинели, беспощадно жестоких и злобных в своей безликой толпе. Так я впервые всей кожей и всеми чувствами ощутил, что беда пришла как стихия, беда для всех: и моих родителей, и сестрѐнки, и для меня, — война, где решается судьба моей страны и народа.

В конце концов, подошел поезд, и мы кое-как втиснулись в переполненный вагон. Что-то нас ждѐт в Ленинграде?

Ленинград

Мы добрались до Ленинграда утром девятого июля. Как же изменился город! Почти исчезли молодые мужчины. Оконные стекла домов крест-накрест заклеены полосками бумаги. Памятники забиты досками и закрыты мешками с песком. Ночью город погружается в беспросветный мрак, а звезды непривычно блестят на удивительно светлом небе. На лицах прохожих застыла тревога: фашисты прут. Девушки в военной форме гордо проносят аэростаты, похожие на гусениц, раздувшихся до огромных размеров. Всё говорит о том, что фашисты зашли далеко в наши пределы: в городе начата эвакуация ценного оборудования и даже заводов.

Вместе с тем среди ленинградцев преобладает уверенность и спокойствие, нет и следов панических настроений, все подтянуто, как никогда. Вместо ушедших на фронт мужчин за станки встали — женщины и даже дети.

Ленинградки, в своем большинстве, от эвакуации наотрез отказались, заявив, что останутся в городе, где родились, в городе, из которого ушли их мужья и сыновья на фронт.

Стоит прекрасное лето. В небе умопомрачительная синь. Большинство наших ребят-политехников еще не сумели вернуться с практики, разбросанной, как обычно, по всей стране. Кое-кто уже успел уйти в истребительные отряды или в народное ополчение.

Встретил Витьку Кагана на Невском проспекте. На нём солдатская форма висит мешком, как на чучеле. Пилотка доходит до самых ушей, огромные ботинки и до самых колен зелёные обмотки. Он во всем этом вышагивал комично и имел весьма несуразный вид. Вступил в народное ополчение, скоро в бой. Какой из Витьки боец! Смех только. Он ведь беспомощный неумеха, и к тому же почти слепой. Я напомнил ему об этом и получил ответ: «Я еврей, пусть знают, что не все евреи трусы».

Мысли, мысли! Они, как клещи, терзают душу и рвут на части мозги. Как дальше жить? Что делать? В институте говорят, что мы последний, выпускной курс, 1-го сентября начнутся занятия, чтобы никуда не рыпались.

А немцы прут, как оголтелые. От родных нет писем. В душе разброд и тоска. Все сложное пока отбрасываешь на потом, когда придет «решительный час». В общежитии все ночи режемся в карты, чтобы хоть ночью ни о чем не думать. А днями мы с Лешкой, как каторжные, разгружаем баржи. Барж много на всех набережных: с дровами, цементом, песком, кирпичом. Их некому разгружать. У барж шурует вольница — «волки», племя, выплеснутое войной. В их числе много мужчин неопределенных занятий только что выпущенных из тюрем. Всё это пьяницы и матершинники высокого класса. Здесь азарт и свободное предпринимательство. Вот стихийно собралась разгрузочная артель — несколько десятков живописно одетых здоровенных верзил с кирпичными лицами. Её только что подобрал бригадир. Заключив подряд на

разгрузку баржи, он на несколько суток для каждого царь и бог. Как только выгрузят баржу, бригадир немедленно ставит всем «деньги на бочку», и после расчёта артель разбегается. Когда пропьют деньги, сколачивают новую бригаду для разгрузки другой баржи. Ребята ночуют кто на пристани, кто у знакомых — мало у кого есть дом и прописка.

В такую артель и заявились мы с Лешкой. Он парень здоровый и крепкий, бывший танкист. Его приняли охотно и меня заодно с ним, поморщившись конечно. Я не признался, что студент: студентов волки обычно гнали взащей с порога.

Ранним утром мы приступили к разгрузке. В барже были сырые осинового дрова — полутораметровка. Я занял, как и все прочие, вместе с тачкой место в зале. Первый блин вышел комом. Грузёную дровами тачку я едва поднял за ручки и стал её толкать по дрожащим мосткам. Мостки над водой высоко, берег далеко, тачка вихляет, коленки дрожат. На середине мостков сырые, скользкие дрова, как по маслу плюхнулись в реку, подняв фонтан брызг. Добро, что хоть тачку удалось удержать! В ушах свист, улюлюканье, хохот и хлесткий мат. Посыпались, как дрова, сочные остроты. Пристыженный, вернулся я вместе с залогом снова грузиться — теперь уже под насмешливым вниманием всей бригады. — Та же история и на том же месте!

Что было дальше, я думаю всем понятно. Я не стал ждать событий — ноги в руки и драпал так быстро, как мог, едва увертываясь от летящих за мной подручных предметов. Для моей спины в этот раз быстрота оказалась спасительной.

В другую артель я нанимался уже на совсем другой набережной и, уже умудренный опытом, запросился не в каталь, а на укладку. Укладчик для бригады обуза, он ниже рангом, чем каталь, ему платят меньше. Однако, каторги здесь не меньше: надо, без минутной задержки, обслуживать четырех каталей, не разгибая спины от солнца до солнца. Пусть трудно, зато работа проще. Меня приняли на укладку и терпели все время пока мы с Лешкой не уехали на окопы.

Так весь июль мы с ним, как звери, днями зашибали деньгу (он 150, а я 80 рублей в сутки), а ночами так же зверски резались в карты.

Там, на набережных, я впервые наблюдал нечто похожее на прообразы будущих наших атак и прорывов из окружений. Об этом следует рассказать. Представьте себе теплый вечер, еще светло. Набережная Фокина. Туман над водой еще не поднялся. Наша артель только что разгрузила баржу с дровами. Высоко над водой поднялись мостки с катальными досками. Мы, усталые и блаженно-ленивые, отлеживаемся на берегу, у самой бровки. Ждем с нетерпением бригадира с зарплатой. Он должен вот-вот прийти. В это же время мы замечаем, что с берега осторожно спускаются к нам, как оцепление, какие-то женщины. Они медленно подбираются ближе и ближе, но держатся в разумном удалении от нас. Их действия нашим артельщикам явно не нравятся. Многие беспокойно оглядываются, вглядываются и, похоже, как бы что-то прикидывают в уме.

Но вот — о радость! Несут зарплату. Все впиваются глазами в шапку бригадира. Быстро происходит раздача. Еще быстрее накаляется обстановка. Деньги розданы, женщины замерли в оцеплении, наши с отчаянными лицами запихивают последние пачки в карманы дырявых штанов. Набравшись мужества, ребята всемопом, дружно устремляются вперед, пытаясь сразу прорвать заслон дерзким тараном.

Не тут-то было! Таран застрял: женщины мертвой хваткой вцепились в карманы. Визг, крик, ругань и даже драка. Растрёпанная пожилая тетка вцепилась в штаны матерого мужика. Тот сердито рычит и пинает ее босыми ногами — бесполезно: не отцепить! Ему приходится жертвовать меньшим, дабы не потерять большее.

В итоге мои товарищи, облегченные (кому как повезло), постепенно просачиваются в пивную, цель их мечты. Теперь из пивной волка никаким арканом не вытащить до тех пор, пока он всё решительно не пропьет, всё до последней копейки. Через несколько дней он, опухший и посеревший, охрипший и злой, снова пойдет набиваться в артель, чтобы начать всё сначала. Начать сначала с тем же концом.

Так мы с Лёшкой жили до окопов, глуша картами и зверской работой мысли о будущем и настоящем, тянули время до начала занятий.

Окопы

С каждым днем все тревожнее вести с фронтов. Говорят, что немцы уже подходят к Луге. Все меньше мужчин на улицах города. Закладывают окна подвалов мешками с песком, устраивают амбразуры. Эвакуируют детей. Сотни тысяч женщин и девушек уехали рыть окопы. В конце июля узнали, что ехать на окопы надо и нам: сбор политехников завтра на Витебском вокзале.

Утром мы с Лешкой поехали на вокзал, но наших институтских почему-то там не оказалось, и мы пристали к первому попавшемуся эшелону. Какая разница? В этом эшелоне оказались студентки Лесотехнической академии. Нас приняли с радостью. Поезд медленно полз и дошёл только до станции Торковичи, где мы и выгрузились. Бог мой! Так это же совсем под Ленинградом! Неужели немцы так близко?

От станции по профилированному шоссе мы дошли до очень красивого озера. Здесь нас разместили в деревне. Как теперь понимаю, мы строили оборону, по-видимому, у озера Белое, близ Оредежа. Стояла изнурительная жара. Тысячи женщин с раннего утра до позднего вечера, не разгибаясь, рыли противотанковые эскарпы. Работали не то, что изо всех сил, а сверх силы. Никто не позволял себе поблажки — таково было всеобщее настроение, никого не нужно было уговаривать или подгонять. Только песен в этой спешной и злосчастной работе на Оредеже я что-то почти не слышал. Лишь лопаты звенели, да руки у наших девушек были в кровавых мозолях.

У нас с Лёшкой никто не спросил документов. Как узнали, что мы студенты-строители, тут же назначили нас бригадирами, дав по участку и по сотне девчат.

Каждый день над окопами высоко в небе появлялась серебристая «рама» — красивый чужой самолет с непривычными формами и надоедливый, угрожающе-неприятным звуком мотора. Рама нахально, как у себя дома, спокойно фотографировала наши работы. И не было на неё «ястребков» в небе. Много раз нас пытались пугать немецкие мессершмитты. С воем проносились они вдоль окопов, но жалели патроны. В эти мгновения женщины, все

как одна, падали и замирали в окопах. Великим старанием народа работа двигалась быстро и споро, но нам с Лешкой становилось все более очевидным, что эта работа впустую. Система обороны, задуманная военными чиновниками, никак не учитывала реальные обстоятельства. В то короткое, отпущенное нам, время она без техники была не выполнима даже в самых общих чертах. Во имя достижения ее цельности напрашивалось очевидное решение — немедленно пойти на упрощение с учётом реальных возможностей. Немцы не подождут!

Товарищи военные не хотели ничего слушать и не желали ни о чём думать. Их ослиный догматизм, беспечность и нераспорядительность возмущали нас с Лёшкой до глубины души. Не доведённый до логического завершения этот «рубеж обороны», как мы поняли, не сможет принести сколько-нибудь заметной пользы. Он едва ли будет способен выполнять свое назначение, несмотря на тот адский труд, в него вложенный.

Мы за день уставали до смерти и вечером, как подкошенные, валялись с ног. Но черные мысли о пустоголовых военных и сомнения в пользе нашей работы, нам долго не давали заснуть. Наши худшие опасения подтвердились: работы были ещё в начальной стадии, а пошли слухи, что сдана Луга. В августе по вечерам мы стали ходить к озеру и вслушиваться в тишину. Через несколько дней стал устойчиво доноситься орудийный гул. С каждым днем он усиливался. Наконец, на дороге в Торковичи появились машины, повозки и военные с фронта. Немцев можно было ждать со дня на день, а наш «рубеж обороны», задуманный с неоправданным размахом, в который нами вложено столько сил, представляет собой всего лишь нечто бесформенное, никому не нужное. Горько было это сознавать!

Эти мысли мы, естественно, держали при себе, чтобы не стать «паникёрами». Тем не менее, твёрдо решили уехать в Ленинград, пока ещё можно успеть к началу занятий. Благо мы здесь были свободные люди, никакими обязательствами не были связаны.

В конце августа мы сдали начальству свои участки работ, сердечно простились с девушками и двинулись на вокзал в Торковичи. Нас удивило в этот день обилие на шоссе военных машин. Мы не стали на них садиться, так как заметили, что на заставах из кузовов вытря-

хивают всех подозрительных лиц. У нас же, кроме паспортов, не было никаких документов. Поэтому, оценив обстановку, мы предпочли идти пешком, внимательно следили за дорогой и тщательно обходили лесом заставы. К полудню добрались до станции в Торковичах. Там скопилась уйма народу, в основном, — женщины с окопов. Слухи об оставлении Лужского рубежа полностью подтвердились.

Все штурмовали проходящие поезда, набитые сверх меры народом. Толпы бросались к дверям товарных вагонов, но втиснуться туда удавалось не многим. После нескольких неудачных попыток, пропустив не один состав, мы, наконец, влезли в теплушку. В ней можно было только стоять, плотно прижавшись, друг к другу. Нам очень повезло: это, как, оказалось, был один из самых последних составов, добравшихся до Ленинграда. Как бы там ни было — мы едем. А, что ждет оставшихся на окопах? Увидев, что здесь творится, еще тревожнее стало на сердце.

Едем. Крепко держимся друг за друга, чтобы не вывалиться из настеж открытых дверей. Лица у всех озабоченные: ясно, что немцы подходят к самому городу. Ленинград становится почти фронтом. Похоже, нам предстоит уличные бои.

В дороге нас всех возмутил поразительной наглости случай. Неожиданно с пронзительным воем сирены на наш поезд спикировал мессершмитт. Поезд резко затормозил, нас всех сплюснуло, чуть не раздавило. Женщины закричали, но поезд тут же опять набрал скорость. Мессер пронесся на бреющем полете вдоль состава, пройдя чуть ли не на уровне наших глаз. Затем взмыл вверх, развернулся, сделал новый заход и вновь пронесся вдоль поезда, не стреляя, а только пугая народ омерзительным воем сирены.

Так он тешился несколько раз, а мы напряженно ждали, когда же начнет нас расстреливать или бомбить. Лётчик хорошо был виден в кабине, когда самолёт обгонял нас. Вдруг впереди фашист заметил козу, пасшуюся на пригорке. Тут же на наших глазах, он её метко срезал очередью из пулемёта. Коза рухнула и задёргалась беспомощным белым комочком. Так веселился лётчик у нас на глазах, безнаказанно, как и сколько хотел, будто у себя дома и, наконец, улетел, когда надоело.

Плохо же ты, Фриц, знаешь русских людей! Даже у женщин всё это вызвало не столько страх, сколько гнев, возмущение и желание

проучить прохвоста. В эти минуты я дал себе клятву, что в решительный час пойду добровольно на фронт и на смерть, если нужно. Этот фашист дал мне ясно понять, что в данный момент не до институтов. Какой может быть институт, когда всем нам грозит позорная доля!

В прекрасный августовский ранний вечер (что-нибудь в начале двадцатых чисел) мы прибыли в Ленинград и подались в наше общежитие на Флюговом переулке.

До сих пор я не знаю судьбу тех девчат, с которыми рыли окопы. Успели ли выскочить или попали к немцам? Как сложилась их жизнь, этих милых девчат, студенток второго курса Лесотехнической академии, — девушек в косынках, с кровавыми мозолями на нежных руках.

Последние дни в гражданской

Какая чудесная осень стоит! Как не вяжется очарование природы со всей этой мерзостью, которую творит человек. Немцы подошли совсем близко. Стали частыми воздушные тревоги, но массированных налётов на город пока нет, — прорываются лишь отдельные самолёты.

Из Ленинграда спешно эвакуируют детские сады, женщин с детьми, оборудование, институты, заводы. Один за другим отходят от платформ груженные эшелоны. Ленинградские женщины не желают покидать свой город и не хотят эвакуировать детей: «Здесь мы родились, здесь на фронте наши мужья, если надо будет, сами пойдем на фронт». Не забыть коренных ленинградоков, исполненных гордости и большого человеческого достоинства. Чувствовали ли вы, что вас ждет? Сознавали ли в полной мере нависшую над вами опасность? В известной мере, конечно, сознавали, но не покинули город и встретили без паники те суровые дни. Тогда ленинградцы проявили глубокое презрение к врагу и великую силу народного духа. И все же всей полноты предстоящего бедствия тогда никто не мог знать. Многие из вас, очень многие, навечно остались в родной земле на кладбище Пискаревском. Вечная память вам дорогие, безмерное уважение и низкий поклон! Вас теперь нет, и это очень заметно. Наш город без вас многое потерял.

Наш институт безлюден. Рядом с парком, на стадионе, установлена батарея зенитных орудий. При каждом их звонком выстреле над

соснами парка взлетают тучи испуганных грачей. Они носятся с отчаянным гвалтом и долго не могут уговориться. Как сироты, бродили мы по пустым аудиториям и коридорам. Здесь дорог каждый закоулок. Большинство однокурсников все еще нет. Где они и что с ними никто не знает. В деканате нам говорят, что с 1 сентября обязательно начнутся занятия, что надо срочно организовать наш выпуск. Какие занятия, когда немец под боком? Надо воевать, а не учиться!

А жаль покидать институт. Он стал для нас родным домом и воплощением лучших надежд. Здесь многое полюбилось, здесь подружились, здесь промелькнула наша короткая юность.

До окончания осталось всего-навсего год, а скорее и того меньше. Трудно, очень трудно, так вот сразу порвать с мечтой! Однако, суждено нам, как видно, другая судьба, и мы с Николкой Бердинским день за днём упорно обходим военные академии и училища. Везде предлагаем свои услуги. Наши усилия тщетны — нигде не берут. Будь проклят наш 5-ый курс! По указанию Правительства 5-ый курс на брони, нам указано продолжать учиться. Кто был курсом старше нас — теперь инженер при деле. Кто был курсом младше, тех взяли в военное училище. А мы оказались между двух стульев. Это очень обидно и глупо. Похоже, что кончится тем, что вступим в войну с бутылкой КС простыми солдатами. Но ведь хочется в этот трудный момент принести именно максимум пользы. Неужели мы напрасно учились?

Между тем по улицам стало просто стыдно ходить — как смотреть в глаза женщинам, у которых мужья или братья воюют? Лёшка Майоров давно уже воюет танкистом на фронте. Многие, плюнув на всё, пошли в ополчение или в истребительные отряды.

А мы с Николкой, Вадимом и Димой всё ещё таскаемся по училищам, да демонтируем трансформаторы в высоковольтной лаборатории, предназначенные для эвакуации. В остальное время добываем еду.

Так в пустых хлопотах и заботах, мучительных размышлениях и сомнениях, на фоне непрерывных воздушных тревог приблизилось первое сентября — день начала занятий. Первого сентября, как и обещали в деканате, начался наш последний учебный год. Выдалось безоблачное тёплое осеннее утро. В институт добрались на трамвае, без воздушных тревог. Собрались в гидрокорпусе. Нас оказалось немного. Большая часть ещё не вернулась с практики. Юрка Никольский, Ни-

колка Исаченко, Венька Руссавский, Борис Фельдман, Гришка Рубинштейн, Сергей Шершень и многие другие еще в июне–июле ушли на фронт. Юра Никольский и Венька Руссавский уже, говорят, погибли, от Лёшки Майорова тоже нет слуху. Наши немцы Готфрид и Фриц куда-то бесследно пропали.

Декан факультета Иван Иванович Леви поздравил нас с началом учебного года, отметив, что он совпал с суровым моментом для города и страны. Отсюда вывод: мы должны проявить большую сознательность и дисциплину, чтобы суметь досрочно — за три–четыре месяца, завершить учебу и защитить дипломные проекты.

Потом в аудитории шлюзов «дядя Боба» что-то чертил мелом на отсвечивающей на солнце доске и бубнил себе под нос нечто далекое от сегодня и, казалось, ненужное в этот суровый момент. Его лекция очень скоро была прервана воем сирены, возвещающей о начале воздушной тревоги. Нас заставили влезть в институтский подвал. После отбоя лекция продолжилась, но вникать в неё не было ни сил, ни желания. Вскоре, после нескольких воздушных тревог, нас отпустили досрочно. Пообедав по карточкам в институтской столовой, мы поехали к себе на Флюгов. В пути всех выгнала из трамвая воздушная тревога. Так продолжалось и в дальнейшие дни. Воздушных тревог было больше, чем между ними занятий, а на душе тоска и неопределенность.

В качестве дипломного проекта мне достался Куйбышевский гидроузел, а руководитель — профессор Чертоусов. Рылся в архивах кабинета дипломного проектирования, ездил за материалами в Ленгидроэнергопроект. Дело не увлекало.

А немцы уже перерезали Октябрьскую железную дорогу между Бологое и Тосно, где мы были когда-то на геодезической практике. Прорван рубеж, где мы с Лешкой рыли окопы. Пал Талин.

Восьмого сентября немцы заняли Мгу. Это означает, что Ленинград отрезан. Связь теперь возможна только по воздуху да по Ладоге, пока озеро не замерзло. Прекратилась эвакуация. Люди стали возвращаться из-под Мги. Их эшелоны были обстреляны. Те трансформаторы, что мы грузили, так и застряли у высоковольтной лаборатории.

В Ленинград эвакуировали город Пушкин. Людей выселяют даже с Международного (теперь Московского) проспекта. Роют окопы у средней Рогатки. В самом городе строят амбразуры на перекрестках.

Закладывают мешками с песком окна в нижних этажах домов. На танкоопасных направлениях устраивают сваренные из рельсов «ежи».

Днём и ночью каждый день частые и бестолковые воздушные тревоги, но массированных бомбёжек всё ещё нет. Бой ежечасный идёт в воздухе где-то на подступах к Ленинграду, а в город прорываются лишь отдельные самолёты. Тогда, как оглашенные режут сирены, лихорадочным лаем захлёбываются зенитки, пляшут по небу лучи прожекторов. Они выхватывают аэростаты, а главным образом, — пронзают молниями воздух. Лишь изредка высветится в лучах серебристое изящное тело вражеского самолета. Тогда на него устремляются все лучи и вспышки разрывов зениток. Начинается волнующий всех спектакль. Самолёт увертывается, как в балетном танце, и лишь иногда, к нашей великой радости, падает, оставляя за собой след светящегося дыма.

Воздушные тревоги пока не опасны и всем надоели. Бегать по-минутно в бомбоубежище очень тоскливо и нет никакого смысла: только время терять зря.

На Дворцовой площади выставлен сбитый над городом мессершмитт. Мы с Вадимом ездили его смотреть. Злой, как оса, чуждый, нахальный, он враждебно вылупил чёрную свастику под хищным орлом. У орла маленькая безмозглая головка. В этой злой головёнке с хищным клювом жестокость и жажда крови, нет в ней ничего от человечности и добра. Глядя внимательно в мертвящий глаз этой мерзостной птицы, я понял вдруг, что никакой пролетарской солидарности с рабочими Рура не будет, лишь злоба, угроза и смерть застыли в том мёртвом глазу. Возвращались домой, когда вечерело и наблюдали, как медленно поднимаются над городом на длинных тросах стада аэростатов заграждения. Очень много в городе стало зенитных орудий.

Первый массированный налет на город был сделан 8 сентября перед заходом солнца. В этот вечер мы с Вадимом сидели в своей комнате на четвёртом этаже флюговского общежития. Вдруг по-особому, непривычно завывали все разом сирены, и тут же раздался со всех сторон истинный лай сотен зениток. Мы быстро, через чердак, взобрались на крышу. Зрелище открылось потрясающее.

В лучах заходящего солнца, высоко в темно синем вечернем небе, на недостижимой высоте спокойно и легко скользили над городом

сотни красивых серебристых машин, юнкеров, как я понял. Много ниже их рвались снаряды зенитных орудий. Картина предстала немного жуткой, но очень красивой. Всё ещё не верилось, что это не игра, а всерьёз. В воздухе медленно опускались на город тысячи и тысячи блестящих на солнце листовок. Как потом я узнал, немцы предупреждали нас, что город отрезан, что наша песенка спета, требовали сдаться, и угрожали, что будут бомбить.

Самолёты очень красиво, медленно и спокойно, очень нахально прошли, как у себя на параде. Ни одного нашего ястребка я не заметил, а зенитки достать их были бессильны. Казалось, это была просто безобидная игра. Бомб на город, как нам казалось, не было сброшено, во всяком случае, я не видел.

Мы, как зачарованные продолжали смотреть вслед удаляющимся самолётам и не сразу заметили на юго-западе медленно поднимающийся чёрный дым. Стена дыма в районе Ржевки постепенно заполнила весь горизонт и поднялась, как джин, высоко к небу. Густой жирный дым был кроваво окрашен закатом. Потом мы узнали, что это горели Бадаевские склады, в которых хранились запасы продовольствия для Ленинграда. Их подожгли эти на вид безобидные, лёгкие и красивые самолёты, которыми мы любовались. Склады горели всю ночь и весь следующий день. От них на город ползла стена смрадного дыма. В тот день Ленинград лишился запасов продовольствия и был обречён на голод.

Мы тогда этого, конечно, не знали, как не знали и всех грозных последствий происходящих событий. Той же ночью город был подвергнут страшной бомбёжке, которые с этого момента не прекращались.

Мы с Вадимом (да и не только мы!) толком ещё не понимали, что всё это значит и любовались с крыши столь интересным зрелищем, волнующим и острым. Представьте: голубая, прозрачная, лунная ночь. В небе настойчивый гул чужих самолётов. Лай зениток сливается в сплошной рёв. Бомбы в разных местах города рвутся со страшной силой. Ярким пламенем, оставляя освещённые огнём столбы дыма, вспыхивают глухие разрывы бомб на Старо-Невском, Литейном, у Зоосада, в центре. Дом наш вздрагивает от сотрясений земли. Сверху на парашютах сбрасывают фонари, освещающие город волшебным светом. Лучи сотен прожекторов лихорадочно мечутся в небе, вы-

хватывая невидимые самолёты. Снаряды зениток рвутся красиво в воздухе, ещё красивей трассирующие очереди зенитных пулемётов. Варварская симфония звуков, волшебство красок в ночи.

Мы с большим интересом смотрели с крыши эти ночные бомбёжки, в бомбоубежище нас было не загнать. Осколки зенитных снарядов шлёпали и шелестели рядом, но нас всё это не устрашало. Наш район толком ещё не бомбили.

Было очень обидно, что немецких самолётов на наших глазах почти не сбивали и, возмущало, что в городе оказалось достаточно много предателей и диверсантов. С крыши было хорошо видно, как в разных районах города немцам подают сигналы ракетами. Многосигнальные ракеты пускали в районе Немецкой Гражданки, рядом с нашим институтом. Даже с крыш института пускали. И всё время сквозь звуки разрывов зениток и бомб и пулемётные трели слышался назойливый звук чужих моторов. Не передать радости, когда видели, как падал объятый пламенем, их самолет. Мы тогда плясали на крыше.

С тех пор бомбят каждую ночь. Мы с Димой ездили смотреть город. Староневский сильно разбит. Особенно много разрушений в районе Московского вокзала. Рухнувшие дома, начисто выбитые стёкла. Улицы завалены горами кирпичей. Ограждения в тех местах, где зарылись в землю неразорвавшиеся бомбы. Огромные воронки от бомб. Попадают дома — разрезы: взрывом отвалило половину многоэтажного дома, а вторая половина ещё цела. Дом, как ножом, разрезало с крыши до нижнего этажа. Видны все квартиры, полы, перекрытия, лестничные площадки и марши. Там стоит пианино, там — стол и стулья, там кухня, а там шкафы с книгами, болтается люстра. Нет только людей, живших в этих домах. Успели ли укрыться в убежище, сбросила ли их на землю взрывная волна?

Все говорят, что от бомб пострадал зоосад, и убило слониху, что львы убежали из клеток. Муторно на душе.

Урезали нормы по карточкам, и мы с Вадимом что-то числа десятого или двенадцатого сентября взяли вещевые мешки и поехали на Среднюю Рогатку. Там, говорят, брошены поля и, можно накопать картошки. Выехали с самого утра перекладными трамваями, но до Международного (Московского) проспекта добрались нескоро. По пути было несколько воздушных тревог. Тогда

трамвай останавливался, и всех пассажиров загоняли в бомбоубежище. Наконец доехали до «Электросилы». Дальше трамвай уже не ходили, и мы двинулись вместе со всеми пешком. Вышли за город — Средняя Рогатка. Вплоть до Пулково перед нами равнина, как стол. На ней уже бесхозные картофельные поля и люди, выкапывающие для себя картошку. То тут, то там на картофельном поле встают столбы пыли и дыма. Это немецкая артиллерия бьёт откуда-то с Пулковских высот, а может с вороньей горы.

Вот оно что! Немцы почти в городе! Народ не обращая внимания на разрывы снарядов, лихорадочно запасает картошку. Мы тоже принялись за работу, и вскоре наши мешки были полны.

Тут на поле появились военные и стали с руганью прогонять народ: «Разве не видите, что местность обстреливается, что здесь убьют?» В такие страсти нам тогда трудно было поверить: как это могут нас в своём городе и в своей стране ни с того, ни сего и убить? Казалось, что поднятый военными шум — обычная всем надоевшая перестраховка или неуместная шумиха.

Уступая силе, народ, ворча и с неохотой, медленно покидал картофельные поля. Ушли и мы, тем более что наши мешки уже были полны. Домой добрались только к вечеру. Несмотря на усталость немедленно в общежитии был устроен грандиозный пир. Ему не могли помешать никакие бомбежки и никакие тревоги.

На следующий день нас, комсомольский актив, пригласил к себе в деканат авторитетный для нас член партии Н. А. Б.

Он всегда держался с нами как старший товарищ, как коммунист, и мы всегда весьма уважали его. Все кто как мог, разместились в тесном кабинете, и начался у нас душевный разговор. Обсудили положение на фронтах, грозную опасность, нависшую над Ленинградом, вспомнили наших товарищей, ушедших на фронт, говорили о жизни, о наших заботах, учёбе, роли партии и комсомольском долге.

Когда речь зашла о комсомольском долге, Н. А. со слезой в голосе проникновенно сказал: «Вот что, мальчики, Вам надо идти на фронт, защищать наш город. Так вам велит комсомольский долг!» Затем продолжил, глядя нам честно в глаза и положив руку на сердце: «Если бы не больное сердце, я не толкался бы до сих пор здесь, в институте, а давно уже был бы на фронте». Всё, что он сказал, было правильно, но

я опешил — что-то лживое в его лице заставило внимательней взглянуться в него. В самом деле: Н. А. едва ли больше тридцати с малым хвостиком лет. Он выглядит, как здоровый и крепкий бугай, плотный, румяный, жилистый и сухощавый. Я впервые заметил, что глаза на его грубовато-простецком лице совсем не простецкие, а хитрые, прикрытые сеткой веерообразных морщинок.

Хорошо! Вы идите, а я подожду. Пусть так, но постеснялся бы! Он, конечно, наступил на мозоль, который и без него ныл и мучил все эти дни, давил беспощадным стыдом.

Эта демагогия пронзила меня тогда и вызвала возмущение на всю жизнь ко всем демагогам, не брезгавшим наживать капитал за счет других.

Кстати мое прозрение оказалось верным. Н. А. вместе с институтом подался в Ташкент. Там, будучи хозяйственным чином, в мутной воде грёб, что плохо лежит. Сытый и обеспеченный, отбил молодую жену у профессора и т.д. Кончилось тем, что его выгнали из партии и судили.

После войны мы с Женей Туймедовым и Симой Богдановым встретили Н.А., только что выпущенного из мест отдаленных. Он потускнел, потерял самоуверенность, но, тем не менее, хотел снова влезть в душу. Так к нам и льнул, пряча глаза.

Мы обласкали его разговором, не задали ни одного скользкого вопроса, угостили тогдашним суррогатным пивом и только дома вымыли руки. До сих пор не пойму, почему нам стало жаль его, почему не плюнули ему в рожу?

Может быть, потому что был жалок и липнул очень. Может быть, потому что все-таки пострадал, в отличие от многих подобных, кто вылез наверх на гребне народного горя. Может быть, потому, что священная память о краткой юности нашей была священна для нас после всего того, что с нами случилось.

Да... как ни крути, а наряду с героизмом и народным горем война породила немало бездуховных людей, шкурников и подлецов, гораздо более ловких и скользких, хитрых и более удачливых, чем наш Н.А. Это тоже одна из самых серьезных наших военных потерь, последствия которой мы столь болезненно ощущаем, и будем ещё долго ощущать.

15 сентября

Такой чудесной осени уже не было много лет в Ленинграде. Солнце радостно греет. Тихо падают с сонных деревьев пожелтевшие листья. В природе — осенняя сказка, симфония красок. Ночью над темным затихшим городом ярко светятся тысячи звезд, волшебным образом восходит и заходит луна, льет тревожный прозрачный свет на грешную землю. В природе великий контраст той гнусности, которой заняты люди!

После войны фрицевские генералы хором стали вопить, что их планы разрушила русская злая зима. Наши союзники им в этом вторят. Но почему, хотя бы для приличия, никто из них даже ни разу не вякнул о том, как благоприятствовало им и вредило нам в тот страшный год столь затянувшееся, прекрасное, сухое и тёплое лето? Всё тогда было на руку им: наша неподготовленность и беспечность, недостаток техники, неумение воевать, неумение быть жестокими. Даже погода и та вовсю мочь помогала им, а не нам! Как мы мечтали тогда о дождях и тучах!

Крепко, под самый дых, нас стукнули и оглушили. Всё у нас стало трещать, а опомниться не давали.

Ленинград уже обстреливали из орудий. И для города и для страны наступили самые чёрные дни. Занятия в институте продолжались, но какой в них толк, если в городе спешно возводятся баррикады?

Как ни горько, как ни страшно, но жизнь требует тебя на фронт. Там мы должны разделить судьбу молодёжи нашего поколения. Кому же отстаивать право на жизнь на земле нас самих, наших женщин, детей и близких? Примеры достойного поведения были тогда в Ленинграде на каждом шагу. В те памятные годы это был великий город, а жители — великий народ. Суровая опасность пробудила самые лучшие качества человека — благородство, красоту, душевную силу, гражданственность. Я имею в виду самых обычных простых людей, тех, которые составляют основу народа.

Вечером 15 сентября Дима, Николка и я сидели в нашей комнате общежития на Лесном. Разговаривали о разном. Вдруг дверь комнаты с грохотом распахнулась и, как всегда стремительно, ворвался Вадим! «Ребята, Ленинград объявлен в опасности. Только что объявлен набор в политбойцы!» Вадим, Николка и я тут же решили идти завтра записываться. Дима долго молчал и наконец, выдавил, что пока подо-

Головин
Дмитрий М. (1941)

Безубов
Вадим Петрович (1945)

Задворный
Григорий Михайлович (1941)

ждёт: будет продолжать учиться. Между нами тремя и Димой тотчас пролегла незримая грань, отделяющая жизнь от смерти.

Все, в общем-то, понимали, на что идём. А жить в 22 года, честное слово, очень хотелось! Жизнь в эту минуту стала особенно дорога. Вместе с тем, как ни странно, на душе сразу стало легче и спокойнее, совесть перестала грызть и терзать.

Я лёг спать умиротворённый, и спал в ту ночь, как убитый, без сновидений, как давно уже не спал.

Следующий день, 16 сентября, вспоминается, как очень сумбурный. С самого утра я был подхвачен мощным потоком, Заранее определявшим следующие друг за другом поступки, уже не подвластные моей воле. Утром втроём поехали в институт. Там комитет комсомола направил нас в Выборгский райком ВКП (б), где дали направление в политбойцы Выборгского района.

Итак, с гражданкой покончено. Еду в общежитие, укладываю вещи в ящики и чемоданы, сдаю в камеру хранения их до конца войны, а может, и навсегда. Особенно жаль книги, которые успел накопить. Долго я листал их и рассматривал напоследок, расставаясь, как с друзьями. И не вытерпел: взял с собой Конан Дойля на английском. Смешно, — но факт!

Политбойцы Выборгского района формировались тут же, в студгородке на Флюговом переулке, и отсюда же направлялись на фронт.

Нам выдали по паре сапог, по две пары портянок, две пары белья, брюки гимнастерку, пилотку, брезентовый ремень, плащ-палатку стёганку вместо шинели, вещмешок, саперную лопатку, подсумок, флягу с чехлом и противогаз. Построение в 18:00 у 4-го корпуса для отправления в часть.

Вадим с туго набитым мешком, противогазом и сапогами под мышкой тут же поехал прощаться с Галей. Мы с Николкой пошли в общежитие. Я переоделся во всё военное у Тимки. Времени было в обрез. Переодевшись, попросил Тимку сдать мои вещи на хранение и выслать квитанцию моему отцу.

Позже выяснилось, что Тимка не внял моей просьбе — то ли по халатности, то ли поняв, что я уже почти стопроцентный покойник.

Во время войны он окончил наш институт в Ташкенте, и выбился в большие начальники. Мы встретились спустя много лет после войны. Тимке явно не хотелось смотреть мне прямо в глаза, хотя я ему ни о чем не напомнил. Дима умер в блокаду. Его мать и отец долго не могли в это поверить.

Как новенькие пятиалтынники, мы с Николкой вскоре предстали перед девушками во всей военной красе. Миг прощания с ними для нас многого стоил. Милые девочки, Оля и Галя! Как вы были прекрасны! Вам очень жаль было нас тогда, и вместе с тем, мы видели, вы нами явно гордились. Какими трогательно-нежными были для нас ваши лица! Да, девочки, я всё понял, и всё видел и, куда жив, не забуду тех ваших участливых лиц.

Нам пора идти в строй. Они пожали нам руки и благословили, пожелав нам удачи. Взяли шефство над нами с Николкой и обещали писать на фронт: Оля мне, Галя — Николке. Я был рад, что мне будет писать Оля — забота такой девушки, как она, должна принести мне на фронте удачу. Провожаемые девушками, мы, наконец, заняли место в строю. Кончилась наша гражданская жизнь, наступила военная служба. Почти стемнело, прошел назначенный срок, а Вадима всё нет — это Вадима, который везде и всегда так спешил.

Вадим опоздал, задержавшись на Литейном, у Гали, и, как я потом узнал, ушёл на следующий день, на фронт, с другой партией политбойцов. Так мы тогда с ним расстались и встретились снова только после войны.

Раздалась, наконец, команда:

«РАВНЯЙСЬ!» «СМИРНО!»

«НАПРАВО!» «ША-АГОМ МАРШ!»

И наша колонна затопала в неизвестность...

Р. С. В 1941 году по призыву партии из Ленинграда ушло на фронт 15 тысяч политбойцов. Их задачей было укрепление фронта, морального духа бойцов. Для этого надо было стать для бойцов примером. Эти люди справились со своей задачей, но следует помнить — какой ценой!

ГЛАВА II ПОЛИТБОЕЦ

Дорогие папа, мама и Милек!
Каким неожиданным должно
быть предвидение мое
Сколько оно привнесло вам
непокоя. Но много не подумайте,
дети, потому что ведь раньше не-
мало: днем раньше, днем позже.
Эта часть ~~всего~~ все равно меня
жестко, как и каждого маленького чуж-
данца, это, надеюсь вы сами чувст-
вуете. Так по-моему, лучше раньше:
тогда быстрее наше будущее успеет
устроиться. И когда наступит момент
встречи.

21/IX-41

г. Армавир,
Краснодарский край,

ул. Пуршевская, 137

Михаилу Параскеву
Захарову

Дорогие
и дорогие
Дети

Учение

Темная сентябрьская ночь. Ни зги не видно. Мёртвая настороженная тишина, в которой притаились рядом невидимые во мраке громады домов. Гулко отстукивают по мостовой наши тяжелые, кованые сапоги да брякает неумело подогнанная амуниция.

Мы, молча, идём в неизвестность, стараясь не сбиться с ноги. Может быть, прямо в бой. Громче стука сапог слышим удары собственного сердца. Зато усталая совесть наконец-то спокойна.

Я скоро запутался в тёмных проспектах и начисто потерял ориентиры. Через несколько минут наша колонна втянулась в большой замкнутый двор. Утром узнали, что нас привели в пехотное училище имени С. М. Кирова (бывшее юнкерское) на Лермонтовском проспекте. Здесь началась моя военная жизнь. В это время курсанты училища вместе с начальствующим составом где-то сражались, заткнув одну из очередных дыр на фронте.

Нас, политбойцов временно поместили в освободившихся казармах. В нашем втором взводе политбойцов Выборгского района многие имели высшее образование. Это были инженеры, гуманитарии, учителя, а также студенты различных вузов. Попадалось немало очень опытных инженеров с крупных заводов и немало пожилых людей явно не призывного возраста. Было много и квалифицированных рабочих. Все, как правило, члены партии, либо комсомольцы. Нас студентов-политехников, к нашей радости, оставили в одном отделении. На следующий день я написал домой, в Армавир, следующее письмо.

Из письма от 17.09.1941г:

«Дорогие папа, мама и сестренка! Прошу вас не очень переживайте, что я пошел на фронт. Я иначе не мог поступить в это трудное время. Эта участь, поверьте, все равно бы ждала меня, как и каждого молодого человека. Милые! Сколько отцов, мужей, сыновей и братьев сейчас на войне — чем же я лучше их? Заверяю вас честным словом, что насколько возможно буду себя беречь. Я вынослив, хладнокровен, не трус, не дурак — все это мне помогает. Так что попусту не расстраивайтесь — все идет своим чередом. Лучшие выпейте хорошего вина за нашу будущую встречу. Мы обязательно победим. Живите хорошо!»

В вещевом мешке у меня Конан Дойль на английском и англо–русский словарь. В кармане у сердца ваши фотографии. Они будут согревать меня в холод и придавать мужества, когда страшно. В Ленинграде — карточки. Паяк не велик: служащим, например, полагается 200 грамм хлеба на день. Спички тоже по карточкам.

Нас кормят сытно. Ребята хорошие. Настроение бодрое. Не беспокойтесь, если от меня долго не будет писем, — в моих условиях трудно писать.

Крепко целую. Гриша.

Мой адрес: Ленинград 103, ул. Лермонтовская 54, почтовый ящик № 297.»

«Мы находимся на военном положении и намертво заперты за забором. В город, конечно, нас не пускают. Идет военная муштра. С непривычки она тяготит. Жизнь проходит в казарме и четко размечена от подъема до отбоя.

Нас в отделении 14 — все комсомольцы, политехники старших курсов. Среди нас Мишка Грин, Коля Бердинский, Дима Зеленков (Дима Длинный), Сухоруков и другие, которые я знал еще в институте, но теперь их фамилии забыл. Только наш командир отделения («папаша!») — пожилой в наших глазах и не политехник. Он участвовал в гражданской войне и для нас он как второй отец. Мы все его уважаем и любим. Свободного времени почти нет. Чем занимаемся? — зубрим уставы: строевой, полевой, боевой, караульной службы. Каждый день политзанятия на примитивном уровне...»

Двадцатого сентября нам выдали новенькие, шершаво выделанные винтовки с трехгранными штыками, а вскоре патроны и по две ручные гранаты Р. Г. Д. После этого стали спешно изучать материальную часть, то есть собирать и разбирать винтовку, пользоваться противогазом.

Стрелять из винтовки нам почти не пришлось, так как патроны, как в мирное время, были на строгом учёте. Главным занятием была строевая учёба, освоение ружейных приёмов и приёмов штыкового боя. Наибольшую часть времени занимала строевая подготовка: строй, повороты, равнение, построения — на месте, на марше. Команды: «направо», «налево», «кругом», «правое плечо вперёд», «левое плечо вперёд», «ряды сдвой» и т.д. и т.п. Строевой шаг! Лупим с треском землю сапогами, изо всех сил вытягивая носок. Даже по двору и в столовую (корпус рядом) ходим с песней и строем. А выправка? — Грудь четвертого человека! Приветствия в

строю и вне строя. Мы недоумевали — к параду нас, что ли готовят? Да и плохо получалось у нас всё это. Совсем не так лихо, как жаждали сержанты.

Больше всех бедствовал Мишка Грин — как ни старался, бедняга. Бог не дал ему способностей даже строевой шаг освоить. Прижмет он изо всех сил локти к бокам, точно лошадь уши, весь скособоится и лупцует по земле цыплячьими ногами, комично задрав голову и опустив носки сапог вниз. Без смеха невозможно было смотреть. Попробуй только хмыкнуть — мигом наряд в сортир заработаешь.

Ещё мне крепко запомнилось обучение приёмам штыкового боя. Как только ни кололи мы трехгранным штыком бедное чучело из соломы! Мы проделывали это всякий раз со зверскими лицами, а штык, как на грех, почему-то некстати за что-то цеплялся — никак его сразу не выдернуть было.

Много пота потратили на отработку ружейных приёмов: «на пле-чо!», «к но-ге!» — в два приёма, в три приёма. До помрачнения маршировали вокруг казармы с винтовками «на плечо». Руки при этом так отсыхали, что к концу учений держать винтовку, просто не было мочи.

Немного понюхали мы и науки: как отрывать ячейки для стрельбы, лежа, для стрельбы, сидя и в полный рост. Жизнь (бомбежки) заставили нас спешно отрыть траншеи зигзагом в самом нашем дворе для защиты от бомб и снарядов.

Вот, пожалуй, и все, что мы успели освоить за те немногие дни, что нам оставались до фронта. Еще нас научили мотать портянки. За это я больше всего благодарен училищу. Умению ползать, идти в атаку, пользоваться правильно планкой прицела и многому другому, жизненно важному на войне мы научились потом, в ходе боев на фронте (не все, конечно, а только те, кто остался в живых после первых боёв). Как мне представляется теперь, комсостав пехотного училища занимался с нами по довоенному шаблону, без какого-либо учёта обстановки, не говоря уже о каких-то творческих выводах из войны. То есть, здесь, по сути, происходило то же, что и на окопах (см. первую главу). Нас больше старались до предела, чем попало занять, а не с умом готовить к предстоящим боям. Мы это уразумели, но всё же очень ответственно относились к учёбе и неимоверно старались, чтобы хоть что-то нужное почерпнуть.

В душе, естественно, возмущались, что эти балбесы учат совсем не тому, с чем придётся столкнуться на фронте. На этой почве у нас с комсоставом были конфликты. В конце концов, мы поняли, что наша наука будет на фронте, и рвались на фронт. Мы были дружны и дисциплина, основанная на сознании, была у нас очень высокой, гораздо выше, чем у курсантов училища. Нас часто ставили им в пример.

Между тем, оставшаяся часть курсантов пехотного училища, бывших на фронте, вернулись в училище после боев. Хотя мы мало с ними общались, так как были изолированы от них, но увидели ясно, что им крепко досталось. И ребята и комсостав выглядели подавленными и растерянными.

Днём 28 сентября была объявлена боевая тревога. Через 5–6 минут всё были в строю, нацепив на себя амуницию, и выступили в поход. Мы были уверены, что идём на фронт. Оказалось, что пришли на Мойку, где размещались курсы политсостава. Я сразу отправил домой письмо.

Из письма от 31.09.41. Ленинград, п. я. № 346.

«Нас перевели на новое место. Здесь мы разместились в помещении курсов среднего и младшего политсостава. Паек получаем курсантский. Отношение к нам, политбойцам, хорошее. Здесь все поставлено на армейскую ногу. Командиры — люди, уже бывшие на фронте. Это чувствуется по постановке дела. С нас требуют гораздо больше, но это только приятно, потому что здесь нет той безтолковищины, как на прежнем месте. Нас, политбойцов, здесь целая рота. Люди с высшим образованием и близким к нему выделены в отдельный взвод. Нас всех 12 политехников так и оставили в своем отделении. Оно выделяется среди других дружеской спайкой и деловым, хорошим настроением. Кровати у нас всегда заправлены, обмундирование пригнано, выправка пусть еще и плохая, но лучше, чем у других. Наш комвзвода до войны был инженер-мелиоратор. Он к нашей студенческой братве благоволит. Вообще здесь лучше чувствуется дух Красной армии. Меня бы вы сейчас ни за что не узнали, особенно когда нацеплю всю боевую амуницию — ранец, винтовку, подсумки, лопатку, гранаты, флягу, надену пилотку почти на ухо, затяну пояс так, что едва дышу, и застучу коваными сапогами. Нравится мне дух в нашем отделении. Он настоящий, хороший. Командир нашего отделения, «отец» — хороший старикан. Он граж-

Григорий Михайлович, Наталья Семёновна, Людмила Михайловна, Михаил Тарасевич
20.07.1938 (Ст. Дондуковская)

данскую войну прошел. Каким-то образом прибил к нам и сразу всем очень понравился. Он учит нас всему тому, что сам знает, и заботится о нас. В семь часов у нас подъем, через 7 минут строимся на физзарядку. После умывание. Потом занятия с перерывами в 5–10 минут. В 12 часов обед, мертвый час, — и опять до ужина занятия. После ужина немного свободного времени, вечерняя проверка и отбой.

По приказу Совета Оборона в город нас не пускают. Даже по двору можно ходить только строем. Это тяжело и непривычно. Положение на фронте под Ленинградом, как чувствуется, немного улучшилось и, кажется, есть поворот в лучшую сторону. У нас говорят, что в этих казармах мы пробудим не меньше месяца. В городе почти каждую ночь воздушные тревоги. Его бомбят и обстреливают из орудий. Уже видно немало разрушений. Однако не столько разрушено зданий, сколько стекол побито. Вам все, что у нас происходит, наверное, рисуется, как ужас. На самом деле все иначе: человек привыкает ко всему и продолжает в иных условиях свою обычную жизнь. Вот и сейчас за окном бухают зенитки (ночь и воздушная тревога), а в нашей светлой комнате с затянутыми

иторами играет гармошка. Кто читает газету, кто пишет, кто шьет — всяк занят своим делом и, ей богу, не думает о том, что сейчас на город сбрасываются бомбы, как будто ничего особенного не происходит.

Вот так мы пока и живем. Верьте в лучшее будущее. Оно непременно наступит !»

Из письма от 12.10.1941г., главный почтамт, п.я. № 346.

«Я все еще на старом месте. Мы все больше становимся похожими на кадровые части. У нас жесткая дисциплина. Наш облик меняется на глазах. Пишу вам в день, когда узнал, что наши оставили Орел. Конечно, настроение не из приятных. Берет злость, большая злость. Немцев начинаю ненавидеть не только как фашистов, но, к стыду вообще, и вообще. Думаю, что теперь вы, хоть в душе, отстранив личное, не осудите меня за то, что ушел в армию, лишив вас опоры.

Ведь не я это сделал: всю нашу прежнюю дружную жизнь вверх ногами перевернули и разбили, эти сволочи. Все, что нам дорого, все, что любили, теперь под ужасной угрозой. Я не могу и не желаю даже представить себе наши края под сапогом этих хамов. Конечно, кончить институт было бы хорошо, тем более, совсем немного осталось. Стать гидротехником увлекательно, но теперь все это — к черту!

Ко мне с вами судьба еще благосклонна. Ее не сравнить с долей многих миллионов людей, лишенных крова, средств к жизни, всех радостей, — оставшихся по несчастью в Белоруссии и на Украине.

Я думаю, что сейчас не должно быть ни одного русского, который способен был бы думать только о себе и своих собственных интересах. Если получится, что личные интересы у нас превозмогут, то мы пропадем. Тогда нас действительно вычеркнут из истории и загонят в Сибирь, как жалких овечек. Тогда стыд, позор и большие несчастья всех нас постигнут.

Может быть и другое: все будут сознательны в ущерб себе, а кто-то отсидится за нашей спиной, а потом выползет на свет, как огурчик. Пусть такой человек будет начисто лишен даже капли совести! В противном случае, если у него хоть капля совести есть, я ему не позавидую — ни ему, ни его близким. Совесть не даст ему жить человеком после войны

В эти дни в Ленинграде чудная погода. Воздух холодный, но утрам легкий иней. Деревья пожелтели. Небо синее — настоящая поздняя осень. По ночам в прозрачном неподвижном воздухе особенно слышны разрывы сбрасываемых с самолетов бомб и гавканье зениток. После некоторого затишья бомбардировки города

усилились. По-моему, самое правильное это не обращать на них внимания и каждому заниматься своим делом, вне зависимости от того днем бомбардировки или ночью. Кое-где так и делается, но, в общем, слишком много им придается значения. Что обидно: эта суета во время бомбежек приносит не столько пользы, сколько порядочный вред. Сегодня, когда мы были на физзарядке, заметили, что лужи покрылись тонким слоем льда. Несколько позже пошел небольшой снег. Сейчас он тоже идет.

Как я живу? Прилично. Местом, где мы сейчас находимся, я доволен. Ходят слухи, что многих из нас направят на курсы политруков или командиров — это, конечно, вещь!

Но все это, как говорится, вилами по воде писано. Паяк у нас неплохой, его не сравнить с тем, что получают в городе. Связался с ребятами в институте и даже сумел получить от них письма. С учебой у них — детские игрушки, как нетрудно догадаться. Большую часть своего времени они тратят на то, чтобы обеспечить обед. Обо мне не беспокойтесь: я здоров, сыт, обут и одет — желал бы, чтобы и у вас в этом отношении так же хорошо было. Плохо лишь одно: в город не пускают. А здесь замечательный актовый зал, часто бывает кино и концерты с участием хороших ленинградских артистов.

Если бы вы знали, как хочется получить от вас письмо, особенно после того, как вы узнали, что я в армии. Я бы очень хотел, чтобы вы относились к этому без излишних волнений, потому что, в сущности, теперь это удел каждой семьи, старайтесь больше обращать внимание на хорошие стороны жизни, она многообразна всегда, в ней всегда есть блюда любого ассортимента. В связи с событиями в Киеве очень беспокоит судьба Иры и дяди Жоржа. Что вы знаете о них? Жаль, что они в это суровое время не с вами. Последнее письмо от вас я получил 2 сентября, перед самым уходом. На Ленинградском направлении немцев сейчас во многих местах отбили. Самый опасный для Ленинграда момент был тогда, когда нас формировали. Он, кажется, позади. Во всем чувствуется поворот к лучшему на нашем фронте.

Нас только что вели по городу. Греет солнце. Ласковое небо. В воздухе весело жужжат наши самолеты. Мы шли здорово: с песней, с присвистом, лихо! Подумать только, что мы представляли собой всего каких-нибудь две недели назад. Всего вам хорошего! А Гитлеру у вас не бывать: мы постараемся об этом. Не зря ребята говорят, что, видно, дело тогда по-другому пойдет, когда мы начнем воевать на фронте.

До встречи!»

Полк

Поздно ночью 18 октября нас подняли по тревоге и погрузили в автобусы. Через несколько часов мы выгрузились у чухонской деревни на Карельском перешейке, где-то близко от старой финской границы. Впереди финский участок фронта. Там тихо.

Разместились в сараях для скота. Спали на жидкой подстилке из прелой соломы, тесно прижавшись, друг к другу. Крыша сарая вся в дырах, в дощатых стенах щели. Нас со всех сторон продувает ветром. На улице сылет крупа, лужи покрылись льдом. Всю ночь мы, с не привычки, мы корчились и дрожали, клацали зубами вразброд. Очень ощущалось отсутствие у нас шинелей: стёганки коротки и не держат тепла. Мало помощи и от плащ-палаток. Утро наступало мучительно долго. Оно выдалось неприветливым, хмурым. Когда полностью рассвело, из больших деревянных домов показались местные жители той деревни. Они встретили нас откровенно враждебно. Мрачные лица, неприязненный взгляд. Явно ждут, когда нас выгонят отсюда финны. Даже дети смотрят точно волчата и жмутся к заборам, подальше от нас. Все упорно молчат. Хотя бы один малыш подошел. И взрослые, и дети на все наши вопросы лишь пожимают плечами, делают вид, что не знают по-русски. Конечно, это вранье: жить столько лет в Советском Союзе, под носом у Ленинграда и не знать всей деревней ни слова по-русски. Чушь!

Никто из местных жителей не дал солдату кружки воды, даже пустого ведра, чтобы зачерпнуть из колодца. Никто в тот собачий холод не пригласил даже в сени, чтобы обогреться. Если бы не начальство, мы, возмущенные, вправили бы им мозги. Однако начальство приказало строго: ничего не просить, не заговаривать, ничего не брать, не обижать, быть предельно вежливыми, несмотря ни на какое хамство. Не обращать никакого внимания на их недружелюбие, как будто бы его и нет.

Мы считали, что наше начальство слишком цацкается с ними. А они воспринимали нашу деликатность как слабость и нагнали ещё больше. Мы тогда были ещё очень наивны.

В том сарае, где мы спали, я на следующий день написал письма родным и друзьям и мысленно со всеми ими простился.

Из письма от 20.10.1941 г., Полевая почта 726**552 С.П., 1-й батальон, 1-ая рота.**

«Милые мои! Знаю, что этому письму будет трудно дойти. Пишу из действующей армии недалеко от Ленинграда. Сюда отправлен 18.10. вместе с другими политбойцами попал в пулеметную роту вместе с Колей Бердинским. В боях еще не был, но ждать их недолго.

Обмундирован я хорошо. За предыдущее время кое-чему научился, так что не беспокойтесь за меня. Сами видите, что происходит. Тяжелые дни, особенно в октябре. От вас писем пока не пришло. Их переишлют мне ребята. В дальнейшем учтите, что письма с фронта долго идут и не всегда доходят, так что, возможно, буду долго молчать.

Если случится вам эвакуироваться из Армавира, будем держать связь через Беззубова (Бийск), Головина (Архангельск), Зырину и Веретенникову (Ленинград) и Бердинского (Горьковская область, село Большие мурашки). Все эти адреса у вас есть. Местом будущей нашей встречи пусть будет Армавир.

Итак, до встречи, мои дорогие!

Мама я знаю, что тебе нелегко, но смотри на все с оптимизмом. И ты, сестренка, будь молодцом, хорошо учись. Пиши мне — может, и получу что. Заботься о маме и папе, помогай им во всем.

За конечный результат не беспокойтесь. Сердце чувствует: немца мы выгоним непременно, в конце — концов. Вот тогда и будем заново жить, а сейчас крепитесь! Папа, прости меня, что лишил тебя заслуженного отдыха. Я знаю: ты поймешь меня. Будем верить в лучшее будущее. Лично я твердо верю в него, но знаю, что оно нелегко придет. В виде манной с неба нам его никто не пошлет. За свое существование нам надо биться самим. Буду стараться писать вам возможно чаще и обо всем одну суровую правду.

Крепко целую! Всего наилучшего.

Итак, нас передали в 191 стрелковую дивизию, которая располагалась в ближайшем лесу. Эта дивизия отступала от самой границы и только что с боями вырвалась из, Ораниенбаума, — но в каком виде! Как мало людей и техники у нее осталось! Нас ошеломили грязь и отрешённость полумертвых, смертельно усталых бойцов. Обовшьевающие, заросшие, неумытые, с красными воспаленными глазами сидели ребята в землянках, уныло поругиваясь и до крови расчёсывая

покрытую грязной коркой кожу. Обмундирование изорвано, засалено до предела, сидит кое-как. Нам показались жалкими и недисциплинированными эти кадровые ребята, хлебнувшие сверх меры лиха, и мы отнеслись к ним по глупости, свысока. Хуже всего, что у многих из них была подорвана вера в наше оружие и в наш успех. В их разговорах сквозило разочарование. Немцам приписывались, чуть ли не сверх естественные возможности. В общем, это был жидкий остаток дивизии, уцелевший после бесчисленных боёв и ещё не оправившийся после отступления и потрясений. Выглядели бойцы в тот момент, прямо скажем, безрадостно. Мы, необстрелянные и зазнавшиеся, конечно, не могли в то время их понять, да и они не приняли нас в свою среду как равных. Так что откровенного общения у нас с ними не получилось. Как я теперь жалею об этом! Понимаю, что в их глазах мы были тогда желторотыми, и они не стали метать перед нами бисер. Сколько стоящих, интересных людей, прошедших огонь и воду первых месяцев войны, моих сверстников мог я узнать! Сколько мог почерпнуть того, что безвозвратно ушло вместе с ними! Тех солдат, встретивших грудью эту бойню с начала войны, теперь очень мало осталось. То, что пережили они, как сражались, как отступали, что думали, как гибли и о чем мечтали, скрыто теперь под сырой землей. Через пару дней после прибытия политбойцов равномерно распределили по подразделениям 552 полка. Так что нам пришлось расстаться. Мишка Грин стал миномётчиком, Димка Длинный и Сухоруков стали стрелками, наш «отец» совсем выпал из поля зрения. Мы с Николкой Бердинским вызвались в станковые пулемётчики, и попали в один расчет 1-ой пульроты, 1-ого батальона полка. Николка стал первым номером, а я, очкарик, — вторым. В нашей пулемётной роте, оказывается, не осталось ни одного из прежних бойцов, так что её пришлось формировать заново (мы как-то недооценили вначале этого обстоятельства). В роте было сформировано три взвода. В каждом взводе по три расчета. В каждом расчете по семь человек (командир — сержант, первый номер, второй номер и подносчики патронов).

В бою пулемётчики действуют повзводно: каждой стрелковой роте прикрепляется пулеметный взвод (придаётся). Пулемет «Максим» на громоздкой тележке с колёсами оказался тяжёлым и неудобным в лесу. Лошадей для него у нас не было, стало — быть, предстояло таскать

его на горбу. А вес пулемёта немалый: тело весит 32 кг, и столько же тележка (салазки). Сразу началось спешное изучение материальной части. Нам она была незнакома. Стали нас учить стрелять боевыми патронами. Только теперь я узнал, как пользоваться планкой прицела, как устранять перекосы патрона, как охлаждать пулемёт, как его разбирать — собирать и ряд других необходимых для ведения боя сведений. Обучали нас сержанты и командиры взводов.

Между тем, холод быстро усиливался. Днём ещё грело солнце, земля оттаивала и превращалась в грязь. Ночами, особенно по утрам, мы насквозь промерзли и всё больше, вместе с Николкой, мечтали о тёплых шинелях (и шапках). Нам их так и не успели добавить.

Немецких самолётов не было в воздухе. На этом участке фронта стояла мёртвая тишина. Такое впечатление, что войны вообще нет. Конечно, мы находились где-то во втором эшелоне, но выстрелы орудий нам были бы слышны. Мы там не рыли окопов, не укреплялись, лишь спешно занимались учебой, чтобы хоть что-то усвоить за те недолгие дни, которые нам отвела судьба перед боями. Местные жители ждали финнов, как манны с неба, и ненавидели нас.

Под Тихвин

На Карельском перешейке мы пробыли всего несколько дней, затем наша дивизия была переброшена под Тихвин. К этому времени обстановка под Ленинградом резко ухудшилась. Как я теперь знаю, несколько раньше, 14 октября, наша ставка хотела провести операцию по де блокаде Ленинграда. Встречными ударами 54, 55 армий и Невской оперативной группы предполагалось разгромить Синявинскую группировку немцев под Ладожским озером, чтобы восстановить сухопутную связь Ленинграда со страной. Однако 16 октября, когда подготовка к задуманной операции ещё не была закончена, немецкая группа «Север» внезапно развила наступление на Тихвинском направлении. Главный удар наносился на Грузино, Будогощь, Тихвин. К 20 октября немцы прорвали оборону противостоящих им 4-ой и 52-ой наших армий и стремительно стали продвигаться вперед. В столь неблагоприятной обстановке пришлось бросить все возможные силы на Тихвинское направление. Дальней-

шее продвижение немцев могло привести к полному удушению Ленинграда, соединению на Свири немцев с финнами и общему крушению Ленинградского фронта.

Всего этого мы, бойцы, тогда, конечно, не знали. Просто ночью в конце октября нас срочно погрузили в автобусы и к утру привезли в Осиновец, где начиналась дорога жизни. Я долгие годы так и не знал, куда нас привезли тогда. Но несколько лет назад мы с Алешей и Наташей поехали осмотреть музей в Осиновце, где начиналась Дорога Жизни. И я узнал так памятные мне места, вспомнил, что было. Вот маяк, а вон лес рядом с бухтой, в котором мы тогда укрылись. В сознании вдруг годы сместились, земля покрылась тонким, ярким снежком. По небу ветер погнал клочья туч, сквозь их разрывы шпарило, но не грело слепящее солнце. Ладога злобно бушевала. Десятки юнкерсов и мессершмиттов, непрерывно сменяясь, водили над бухтой страшный хоровод, грозя нам черными ненавистными крестами. В жутком ритме очередной из них, с пронзительным воем, то и дело пикировал на причал. Рвались бомбы, вздымалась земля, жужжали и шипели над нами осколки. Стлался дым и возбуждающе остро бил в нос запах гари.

Это был тот самый причал, который тогда весь день немцы непрерывно бомбили. От этой адской бомбежки мы тогда не пострадали потому, что ещё рано утром замаскировались в расположенном рядом лесу. Там, в Осиновце, я пытался рассказать обо всём этом, сам не веря, что речь веду о реальных событиях, а не о чёрном сне. То, что было в действительности, я, конечно, не сумел рассказать, спустя 35 лет не следовало и пытаться.

Как только стемнело, фрицы убрались, и нас стали грузить на баржу. Наверное, это старое, утлое и скрипучее судно давно было списано перед войной, как и старик-капитан вместе с его столь же почтенной командой. Плавучесть этой баржи в бушующей Ладоге была очень сомнительна, — но что делать? Мы, солдаты, разместились на палубе вместе с техникой, так как в трюме едва хватило места для командиров.

Ночью, лишь мы вышли в озеро, начался сильный шторм. Судно сбилось с курса. Мы шли в крошечной тьме, без огней — в двух шагах ничего не видно. Массы ледяной воды обрушивались на палубу, перекачивались через борт. Волны нас покрывали с головой. Помертвев-

шими от холода и напряжения пальцами мы с Николкой вцепились в канаты. Всё усилие воли направленно на то, чтобы удержаться. А стёганки впитывают воду, как губки. Плащ-палатки срывает ветер. Ничто нас не прикрывает от волн. Баржа то ныряет в пропасть, то взмывает на гребень волны. Когда судно ныряет, нас накрывает водой до головы, и Ладога пытается смыть нас за борт. В тебе всё заоченело, а руки неизвестно как ещё держат канат. Ты твёрдо знаешь: если отпустишь пальцы, то пропадёшь. Кого-то только что смыло за борт, и его крик захлебнулся в тёмной пучине. Кому-то раздавило ноги, сорвавшейся с расчалок пушкой, а пушка ушла за борт. Даже сквозь грохот волн слышен пронзительный крик пострадавшего парня. Санитары с риском для себя, сумели забрать его в трюм.

Как ни покажется это странным, но первыми не выдержали напряжения этой ночи старичок-капитан и его команда. Они первые подняли панику на борту. Сбившись с курса, стали метаться по палубе и кричать: им показалось, что они видят в кромешной ночной темноте вражескую подводную лодку. Паника быстро передалась кое-кому из бойцов. Там и тут слышались вопли. Рядом с нами боец заорал дурным голосом: «То-оним!» Если бы паника распространилась, с таким судном и командой мы бы действительно пошли ко дну. Положение спас наш политрук Сохин. Выскочив из трюма, он страшным матом сумел привести капитана с командой в норму. Решительными действиями ему удалось прекратить панику на барже в самом начале. А мы с Николкой, помню, в промежутке между двумя валами набросились на орущего рядом с нами и заткнули ему глотку. До сих пор не умерло во мне воспоминание о том нехорошем чувстве, с каким я зажимал его вопящий рот. Парень хрипел, вырывался, но мы все равно заставили его замолчать. Затем на долгие часы (и минуты) все мысли умерли, кроме одной: удержаться, не дать очередной волне сбросить тебя за борт.

Стиснув зубы, вцепившись всеми пальцами в канат, крепко прижавшись к палубе, мы встречали напряжением всех своих сил каждую перекачивающуюся через нас гору воды. Каждый раз казалось, что именно эта наша последняя, и каждый раз начисто забывали, что замерзаем, что держимся из последних сил. Все-таки к утру шторм постепенно затих, и волны оставили, наконец, палубу нашей баржи

в покое. А брызги теперь для нас были уже плёвым делом. Стало светать. Подводных лодок не было видно. Старичок-капитан скорректировал курс. Вот, наконец, впереди показалась Новая Ладога.

Еле живыми сосульками мы пришли туда ранним утром в самом конце октября. На этот раз пронесло!

ГЛАВА III ОБОРОНА И ОТСТУПЛЕНИЕ

Уважаемый(ая)

*Григорий
Александрович*

Ломоносовский РК КПСС, Исполкомы районного и городского Советов народных депутатов горячо поздравляют Вас, активного участника боев по полному освобождению города Ленинграда от 900-дневной блокады, с 47-й годовщиной начала операции Невы-2 и с Новым 1991 годом. Желаю Вам доброго здоровья, личного счастья, благополучия и больших успехов в Вашей деятельности на благо нашей Родины.

С праздником, наш боевой друг!

Ломоносовский РК КПСС
Исполком районного Совета народных депутатов
Исполком городского Совета народных депутатов
Совет ветеранов Ораниенбаумского плацдарма

К переднему краю

С трудом, ворочая оледеневшими ногами, мокрые до нитки, почти падая от усталости, с вывернутыми наизнанку желудками и всё ещё плавно покачиваясь на волнах, — выползли мы по сброшенным деревянным сходням на спасительный твердый грунт. Впереди чернели неказистые избы и деревянные заборы, неизвестно какого посёлка, а справа темнел припушённый свежим снегом сосновый лес. Солнце только начало подниматься и ещё не пробилось сквозь мглу, застилавшую редкие клочки туч. Скрипя проржавленными суставами, мы добрались до леса. Там, маскируясь от самолетов, развели спасительные костры.

Строго следили за тем, чтобы не было дыма. В лесу пробыли целый день. Жарко пылают сухие сучья, обдают нас, голых, проникающим в самую душу теплом. На перекладинах и кольях вокруг костров развешены наши шинели, ватники, гимнастёрки, брюки, ены сапоги. Нательное бельё и портянки мы, для скорости, держим в руках над огнём. От всего этого валит обжигающий пар и прёт на версту густым, острым запахом едкого солдатского пота. Вот уже мы в сухом белье. Блаженно обжигаемся чаем, сидя на еловой подстилке. Жизнь и бодрость восстанавливаются с каждым глотком. Наконец, в котелках забулькал горох-концентрат и пшённая каша. Теперь жить можно. От еды отвалились тогда, когда полностью уничтожили весь н. з. (неприкосновенный запас), выданный нам вперед на трое суток.

Солдат на войне не планирует будущее дальше, чем на две минуты. В блаженной лени после обильной еды облизывая ложку, каждый вновь заулыбался и забыл все трудности прошедшей ночи. Послышались солёные остроты, байки, и анекдоты не для дамских ушей, зазвучал весёлый, душевный смех.

Как стемнело, нас автобусами отвезли к железной дороге. Дальше ехали куда-то поездом, шли пешком. К утру заняли оборону во втором эшелоне. Мы оказались в густом лесу (сосна, ель, береза). Фронта не слышно. Приказано срочно окопаться. Командир взвода каждому указал его место для окопа. Мой окоп пришелся как раз над выступавшем из земли корнем стройной бере-

зы. Портить дерево я, конечно, никак не мог — ведь мы с отцом когда-то собственными руками вырастили сад! Поэтому я сознательно сместил окоп, дабы не повредить дереву. За эту наивность меня высмеяли ребята, и крепко взгрел командир взвода. Вот какими мы шли тогда на войну со «сверхчеловеками-арийцами».

Наши пулеметы задержались где-то в пути. Тем не менее, закончив окопы, мы сразу начали возводить пулемётные дзоты. Каждый расчёт к вечеру должен сделать дзот и подготовить сектор обстрела. Несмотря на усталость и пустой живот (н.з. съели ещё вчера), мы дружно работали. Кто рыл котлован, кто валил лес, кто подносил брёвна, кто их пилил, кто отёсывал. К вечеру дзоты были готовы, и каждый стал нашей землянкой. В нём лежанка из земли, укрытая хвоей, и печка, выдолбленная в земле. Над нами — проконопаченный мохом накат из бревен, сверху которого уложен толстый слой земли, замаскированной снегом. Перед амбразурой оставлен нетронутый целик земли — «стол» для станкового пулемёта. Перед амбразурами расчистили лес, чтобы иметь сектор обстрела. Поздно вечером мы без ужина, на одном чайке, повалились как мёртвые, выставив караулы для наблюдения. Ночь прошла без происшествий.

Утром пришли долгожданные кухни с горячей едой и пополнение — тихвинские мальчишки. Это были ребята 1922-го года рождения, с тоненькими шейками, как у гусят. Ещё пару дней возводили вместе с ними блиндажи и дзоты. Работали, как на лесоразработках. Темп был предельно высок. Тянуть на одном горохе такую работу было не просто, тем более присланным мальчишкам. Они, бедные, гнулись под тяжестью брёвен, как хворостинки, а к вечеру и без груза шатались, зверея от голода. Кто-то из них, не удержавшись, стащил из блиндажа общий хлеб. Расправа была жестокой. Попытка сдержать страсти не увенчалась успехом.

Мы с Николкой осознали тогда, что закон солдатского товарищества в суровых условиях фронта тоже очень суров. Много позже я убедился, что в той обстановке иначе и быть не могло.

В те дни впервые в жизни по-настоящему узнал наш средне-русский лес. Ведь я вырос на юге, где совсем другая природа. А здесь вдруг ощутил запахи ели, сосны и березы, аромат дыма

костра. Поразился красотой тонких и стройных берез, похожих на девушек перед свиданием. И как я мог раньше не замечать всего этого?

Полностью завершить работу по возведению дзотов на этом участке нам не пришлось: спешно отправили на другой участок, ближе к передовой. Перед самой отправкой нам с Николкой удалось раздобыть у старшины шапки и старенькие шинели.

Мессершмитты

25 октября, задолго до рассвета, нас подняли по тревоге. Предстоял долгий и опасный марш. В то время немецкая авиация контролировала все дороги. Она паслась над нами почти безнаказанно, бомбила обозы, расстреливала войска. Зачастую мессершмитт гонялся даже за отдельным солдатом. Поэтому в то грустное время нашим уделом в собственной стране стали ночи и леса. Мы двинулись в поход в темноте, рассредоточившись по взводу. Наш взвод вышел самым последним. Перед рассветом мы оказались на открытой со всех сторон дороге, которая пролегла через брошенную жителями деревню. Место это было явно опасным. Деревню надо было скорее пройти, пока нас не застал рассвет. Вместо этого мы дорвались до даровой картошки и кинулись в подвалы. Там же запустили пальцы в кадушки, набивая с жадностью рты квашеной капустой. Она так смачно хрустела у нас на зубах!

Когда выбрались из деревни, из-за леса показалось солнце. Оно осветило поляну за деревней, за которой через несколько сот метров темнел сосновый лес — наш спаситель. Лишь поравнялись с последним сараем, который стоял близ дороги у самой околицы, из-за леса выскользнула тройка мессершмиттов. Длинные, как осы они с противным визгом обрушились на наш растерянный взвод.

Теперь судьбу решали секунды. Мы все, как стадо, метнулись в сарай — под крышу, но было уже поздно: нас заметили. Первый мессер уже пикирует на сарай, включив сирену. Всем телом ощутили свист бомб. Земля вздрогнула от удара и заколыхалась,

нас подбросило вверх и оглушило взрывом. К счастью немец промазал.

Судьба оставила ещё несколько секунд на размышление, пока в пике не войдет следующий самолет. Конечно, этому сараю сейчас будет гроб, — скорее прочь отсюда! Мы с Николкой рванули наружу, так что второй взрыв застал нас уже в кювете дороги, ведущей в лес. Там мы, в мелком кювете, крепко прижались друг к другу, втиснувшись в землю.

Что было дальше, я смутно помню. Вся сила воли, все способности твои, все мысли были направлены лишь к одному — добраться до леса. Те метры, что отделяли от леса, отделяли смерть от жизни. С воем и рёвом над самыми нашими головами носилась чёрная смерть. Нас спокойно и безнаказанно расстреливали из пулемётов на бреющем полёте. Иногда казалось, что самолеты пытаются нас просто раздавить своим тяжёлым брюхом. Они встали над нами в страшный круг и вертели, как хотели свой хоровод. Давно, вспыхнув пламенем, взметнулся вверх наш сарай, а мы, как черви, рыли носами землю, метр, за метром продвигаясь к лесу.

Лишь только очередной мессершмитт проходит над головой, мы разом вскакиваем и бросаемся на несколько шагов вперед. Затем нужно было скорее падать ниц, плотно вжиматься в землю и снег, пропуская над спиной очередную визжащую гадину.

Сколько времени продолжалась эта охота за нами, я не могу сказать, только мне она показалась с вечность. Наконец, нам удалось достигнуть опушки леса. Быстро пробрались вглубь. Здесь только и успокоились, упав без сил на снег. Постепенно собрались бойцы. Придя в себя, мы обнаружили, что у Николки пробита пулей шапка у правого виска (повезло!), а я держу в левой руке почти полный котелок с картошкой. Как она не вывалилась из него — можно считать необъяснимым чудом. Выходит, что во время всей этой свистопляски со смертью, извечный инстинкт собственности превысил у меня над чувством страха. Вот и разбери человеческую натуру! Вот и строй с такими коммунизм! Только представить себе, как можно было сохранить картошку в том открытом котелке. Причем бессознательно.

Немного покругжившись над лесом, немцы смотались, а мы

стали перевязывать раненных и собирать народ. Раненных оказалось человек пять, а наш лейтенант, командир взвода, застыл на дороге, уткнувшись в кювет. Его, молча, принесли в лес на плащ-палатке.

Так мы были наказаны за легкомыслие и беспечность, понеся потери, ещё не дойдя до фронта, ещё не сделав ни одного выстрела по врагу.

Сержант временно взял на себя командование взводом, и вскоре мы догнали свой батальон. На светлое время полк укрылся в редком молодом лесу. В полдень над нами долго кружила «рама». Кто-то порывался ее пугнуть, но командиры не дали. «Рама» — самолёт-разведчик, ему только и нужно, чтобы мы себя обнаружили. Все отдыхали, лёжа на кочках, едва присыпанных снегом. Молодые берёзки едва ли хорошо нас скрывали. Под вечер снова обрушились мессершмитты. Теперь их было много. Сначала они просто пронеслись, почти касаясь верхушек деревьев. Затем вернулись и стали прочесывать лес пулемётным огнём. Надо полагать, они всё видели. Ненавистные машины пикировали и расстреливали нас на бреющем полёте — как им хотелось. Мы беспомощно вжимали свое живое, тёплое тело в мох, как котят, моля судьбу, чтобы пронесло.

Стрелять по самолётам начальство почему-то запретило. Что может быть унижительнее для человека (пусть он даже не с большой буквы), чем так вот, как щенок, лежать носом к земле, дрожа от страха, чувствуя пули спиной и свою полную беспомощность? Мессершмитты убралась лишь тогда, когда стемнело. Полк постепенно приходил в себя. Перевязывали раненных, хоронили убитых. Меня распирали стыд, гнев и обида. Хотелось скорее добраться до фронта, чтобы отплатить им.

Первые бои

До того, как мы вступили в бой, было несколько перестрелок на марше с немецкой разведкой. Впечатление от них острое, — ты возбуждён и напряжён. Внезапной струей из придорожных кустов подлеска широким веером или узким пучком прорезают

воздух трассирующие пули, и слышится треск автоматов. Мы быстро залегаем вдоль дороги, прячась за кустами, и ведем бесприцельный огонь, ориентируясь на трассы пуль и звуки. Быстро высылаем разведку. Немцы, обычно, отходят, и мы продолжаем движение в авангарде нашего батальона. Тучи покрыли небо сплошной серой пеленой — их авиация сегодня бездействует. Так мы двигались в течение всего дня. Вечером чуть не случилась паника. Когда стемнело, мы остановились в лесу на привале. Вдруг со всех сторон затрещали автоматы. Раздались выкрики: «обошли!» Кое-кто кинулся бежать. Обстановку вновь разрядил тот же наш политрук Сохин. Он спокойно объяснил, что просто несколько автоматчиков, которые просочились, шьют из своих шмайссеров разрывными пулями неизвестно куда. Ударяясь о ветки и даже листья деревьев, пули разрываются, создавая иллюзию кругового огня. Панику быстро прекратили, стали сами стрелять, и немцы притихли, исчезнув куда-то. Я поразился двум вещам: как немцы слаженно и нахально действуют и как уже приучили многих из наших бойцов ждать от них неизвестно чего! Это сознание их военного превосходства и собственной неполноценности очень довлело вначале над нашим братом, крепко мешало в бою. Оно было сломлено только после нашей победы под Москвой.

К утру 26 октября мы заняли исходные позиции для атаки. Ночью выпал снег. Было тихое с морозцем утро. Землю и ветви елей покрыл пушистый снег. В небе — серая пелена. Солнца совсем не видно, но очень светло от снега. Нас от немцев разделяет покатый лог, по дну которого протекает ручей. По его берегам уже образовались ледяные закраины. Кое-где стоят огромные сосны, возвышаясь над более молодым лесом. Мы ещё ночью отрыли ячейки, в которые поставили пулеметы. Для командиров отрыли небольшие землянки, закрыв их накатом из бревен. Наш пулеметный расчёт вырыл себе даже две ячейки: основную и запасную. Где-то позади, заняли позицию миномётчики, справа и слева расположились стрелковые роты.

В атаку пойдут стрелки с целью выбить немцев из их позиций, которые находятся перед нами в каких-нибудь ста метрах. Наша

задача поддерживать «огнём и колесами» свои стрелковые роты. У нас с Николкой всё готово к бою: протянуты ленты, заправлен водой чехол, стоят рядом с пулемётом коробки с лентами. Неприятное волнение нарастает. С обеих сторон тишина.

Вдруг прочертила дугу красная ракета и, шипя, опустилась на передний немецкий край. Наши пулеметы разом затарахтели, а стрелки тотчас пошли вперед. Ребята идут почти в рост, палят в белый свет из винтовок, на ходу, прислоняясь к деревьям, — будто на охоте. Бегут от дерева к дереву в полный рост, гремит все дальше наше «ура!»

Мы плечем пулями в сторону фрицев безостановочно, ленту за лентой. Подноски патронов уже взмокли от пота. Вот наш второй пулемётный взвод, расположенный слева от нас, уже снялся с позиций и тронулся вслед за своей стрелковой ротой, быстро продвинулся почти до фрицев и ведёт оттуда по ним сильный огонь. А немцы, как ни странно, молчат — ни звука!

Когда наши, поднимаясь по ложу с той стороны ручья, дошли, чуть ли не вплотную до немецких позиций, немцы открыли по нашим ребятам шквальный огонь. Воздух огласился сплошным рёвом, в котором слились звуки сотен автоматов с хлесткими пулемётными очередями. Потекла кровь. Ротными миномётами они отсекали нашу пехоту, устроив за её спиной сплошную огненную преграду разрывов. Ребята залегли. В тыл поползли недобитые раненные. Стало ясно, что атака сорвалась. В это время наш пулемётный взвод пока ещё не очень тревожили, и мы продолжали палить в белый свет из раскалившихся пулеметов.

Я увидел, как из-за куста выполз наш боец с огромной кровавой дырой вместо рта. Рот и подбородок ему начисто разнесло разрывной пулей. Это было так безобразно и страшно, что я задрожал от ужаса и запомнил этот рот на всю свою жизнь. Кровавая эта пасть мне, потом часто будет мерещиться и даже сниться.

Мы жадно жрем снег, пытаюсь унять вдруг охватившую нас неуёмную жажду. Теперь становится худо и нам: пули «вжикают» у самого уха, сбитые ими сучья падают за воротник, комья земли бьют в лицо. Вот уже и первый прицельный снаряд упал чуть позади, второй — впереди. Похоже, что мы в вилке! Я ре-

шительно тащу пулемёт в запасную ячейку. И вовремя! Только что мы туда ввалились, как на наши позиции обрушился шквал огня. Минометчики отвечали немцам редко и скоро вовсе притихли — их немцы тоже разнесли шквальным огнем.

А бой продолжался. Наши ребята гибли на глазах. Большинство наших пулемётов уже молчало. Николка, стиснув зубы, жал и жал на гашетку. Я его остановил и не дал больше стрелять целыми лентами, иначе нас обязательно засекут. Мне представлялось, что надо бить короткими очередями, под шум боя, тогда есть шансы нам продержаться. Так мы с ним и решили и поступали так весь день, обманывая фрицев и меняя позиции.

Ближе к вечеру меня вызвали к командиру роты. Он назначил меня своим связным к взводам. Первым делом послал возвратить второй взвод, если там еще кто-нибудь остался в живых. Было страшно ползти почти к немцам под интенсивным огнем, но спасали кусты и деревья, а также огромное возбуждение, почти безумство. Там, где немцы открыли огонь, окровавленные трупы и тяжело раненные лежали, чуть ли не на каждом шагу.

Мне повезло: я вскоре встретил остатки нашего второго пулемётного взвода. Пять-шесть ребят (все, кто остался) тащили на плащ-палатке тяжело раненного командира и развороченный, вышедший из строя пулемёт. Когда мы добрались до командира роты и положили командира взвода у его ног, тот набросился с бранью на комвзвода: «На кой чёрт ты полез с пулеметным взводом в самое пекло? Погубил бестолково все пулемёты и всех бойцов!» Лицо комвзвода было мертвенно бледно. На белых тонких губах уже проступила розовая пена. Он ответил: «Прячься в землянке, немца не победишь. Я хотел сделать как лучше...» Сказал это, захлебнулся пеной и стал быстро синеть. Он умирал и уже был не с нами. Командир роты всё ещё бегал вокруг и что-то орал, но это выглядело уже как издевательство над мёртвым. Он честно, может быть и с ненужной кровью, старался выполнить свой долг и разделил смерть вместе с бойцами. Живой он, может и был неправ, но умирая, он заслуживал спокойной смерти. До комроты что-то в этом роде, наконец, дошло, и он прекратил матюгаться. Мёртвого комвзвода его ребята снесли в санчасть.

Меня в тот день ещё много раз посылали в разные концы. День стал уже клониться к вечеру. Бой затихал. Собственно это был уже не бой, а спокойное добивание наших не умеющих воевать батальонов. Было тяжело, очень тяжело на душе.

В воздухе стоял запах гари и сладкой крови. Немецкие пулемёты уже почти не строчили. Снаряды рвались лишь изредка, стреляли лениво. А раненные всё шли и ползли. Недавно нежный и пушистый белый покров был загажен воронками и отвратительной чёрной копотью. В тот день мы погубили цвет полка, а рота потеряла восемь пулемётов. В исправности остался лишь один — наш с Николкой. Вечером в тот день мне стало страшно, так страшно, как не было, пожалуй, во всю остальную войну, хотя встречались ситуации куда сложнее. Если в начале атаки я, по дурости, не боялся пуль и почти не скрывался от них, бравирюя этим, то к вечеру, хорошо поняв сущность происходящего, стал так всего бояться, как последний трус. Понадобились следующие бои, чтобы привыкнуть и найти в себе разумное равновесие в этой противоестественной обстановке. После разгрома мы остались на тех же позициях. Ночью нам подвезли новые пулемёты, хорошо накормили и выдали по сто грамм.

Наутро мы снова пошли в атаку. Наученные опытом, стрелковые роты уже не в рост и далеко не столь стремительно шли в пекло. Перед атакой была небольшая артподготовка. Пулемёты заметно меньше строчили и только короткими очередями. Наши ряды вчера сильно поредели, среди солдат и командиров не чувствовалось уверенности в успехе. Шли в атаку как бы из-под палки, только потому, что приказано идти, и действовали явно с оглядкой, наметив заранее путь куда отступать. В этом бою было намного меньше потерь, но и те, что были, были бессмысленными, так как успеха с самого начала никто не ждал.

Так мы продолжали воевать на этом месте в течение нескольких дней. Мне много раз приходилось туго, так как надо было часто ползать и пробираться по полю боя во время атак с разными поручениями. Я постепенно привык. Отбросив страхи, смирился с вероятной участью всех нас, попавших сюда. Чем я лучше других! Так на войне легче жить. Для поддержки гаснущих

наших атак нам, наконец, дали три танка. Я видел, как они ярко горели, как стога сена. А нашего брата становилось всё меньше.

Как-то увидел обросшего, грязного и измятого Димку Длинного, похожего на выходца с того света. Он огорчил меня сообщением о смерти Мишки Грина. Мишка стал замполитом в миномётной роте и был при обстреле убит. В день встречи мы с Димой скорбно пожали друг другу руки и, как, оказалось, расстались навсегда. Да больше я Диму не видел.

Итак, я научился преодолевать страх смерти, когда есть рядом с тобой товарищи по несчастью. Но, вот, однажды пришлось мне бежать с донесением вдоль фронта, и я попал под жестокий миномётный обстрел. Один, как перст, в не известном никому ольховом лесу. Мины визжали и рвались вокруг, а я лежал оглушенный взрывами и осыпанный комьями земли. Вещмешок колотил меня по спине во время ближайших взрывов. Мне показалось, что придётся окончить жизнь именно здесь, одному, в этом темном, глухом, проклятом лесу, — и никто не узнает об этом. Стало жалко себя и до боли обидно, страх и мороз прошёлся по коже. Тогда я отделался лёгкой контузией, которая очень скоро прошла. Но страх одинокой смерти в этом унылом, гнусном лесу я буду помнить всю жизнь, наверно до смерти.

Вскоре нас отодвинули немного в тыл и дали пополнение. Затем стали совершать по воле высшего начальства ежедневные нам непонятные манёвры: всю ночь движемся куда-то, а на рассвете с ходу с марша идём в атаку, откатываемся с разбитой мордой, снова ночью куда-то идём и снова атакуем. Сколько окопов мы нарыли! Мы очень устали, пообморозились. Тело чесалось от вшей, как при чесотке. Таскать на себе станковый пулемёт по кустам и болотам — совсем не легкое дело. Тело «максима» весит 32кг и очень режет плечо. Станок («салазки») весит столько же, но его удобней нести — можно надеть на себя, как хомут. Однако второй номер кроме салазок, должен нести еще и свою винтовку. Подносчики патронов тащат винтовки и по две тяжёлых коробки с пулемётными лентами.

Если в расчёте не хватает людей, на долю каждого придётся ещё больший груз. Кроме того, у тебя вещмешок за плечами,

на поясе подсумки с патронами, противогаз и лопатка. Со всем этим добром мы делали марши по 40–50 км, копали по несколько раз окопы, с ходу (часто без отдыха) кидались в атаки и вели бои. Только юности при сверхчеловеческом напряжении сил могли быть посильны такие нагрузки. Кем считало нас начальство, и был ли такой метод лучшим в оборонительной тактике — не мне судить!

Мы старались себя облегчить, как только могли. В мешке не было ничего лишнего: только бритва, помазок, мыло, зеркальце, полотенце, котелок, нитки с иглой, бинт, ну и оставшийся с утра хлеб, если он остался, а сахар лично у меня всегда был под рукой — в кармане. За одним сапогом ложка, за другим — ручная граната. На шее сушится смена портянок. Противогазы мы выбросили как ненужную тяжесть, а кое-кто приспособил их вместо вещевого мешка. Штыки оказались совсем не нужными, кроме того, они очень мешали: цеплялись за ветки и кусты в лесу. Вскоре мы их тоже выбросили в снег. Что каждый боец берег, так это лопатку, а также подвешенный к поясу штык-нож, если им удалось разжиться.

Мы жили, если это можно назвать жизнью, в лесу, днём и ночью под открытым небом. В землянках почти не ночевали, так как большую часть времени проводили в боях, либо в маршах. Спали урывками: в окопе, ячейке, под деревом, прикрыв лапником или сучьями снег. Ляжешь вдвоем, одну плащ-палатку подстелив, второй накроемся с головой, прижмемся друг к другу — вот и тепло. А если ноги замерзли — надо почаще стучать ими друг о друга. Очень редко, при особо благоприятных условиях делали палатки из наших плащ-палаток, а то и шалаши из веток. Это было для нас редкостной роскошью.

¹Здесь, пожалуй, проявилась некая политкорректность моего отца. Эти строки написаны им в 1980-е годы. Однако вот, что он напишет в 1992 г. в тетрадке озаглавленной «Заметки»: «Когда я окончательно понял, что марксизм есть сочетание материалистического анализа действительности и идеалистических выводов из этого анализа? Что социализм и коммунизм — иллюзия чистейшей воды? До войны или сразу же после? Мне кажется, что я вплотную подошёл к этому ещё до войны, ну, а к 1945–47 гг. был уже полностью лишён иллюзий (о чём очень сожалел долго-долго!)» (Прим. А. Г. Задворный).

Попытка взять деревню

Наш комроты очень себя берег. Мы его не любили. В бою он почти не вылезал из блиндажа и, вообще, очень осторожничал. Последнее, кстати, в известной мере способствовало сохранению бойцов роты.

Истинной душой роты, человеком, которому мы доверяли, был наш политрук роты Сохин. Он всегда находился среди бойцов. И у костра сидит с нами на равных, угостит «звёздочкой» или «беломором», и в трудный момент шутку скажет. В бою он не в землянке, а вместе с нами. Если надо принять в сложной обстановке немедленно разумное решение, — это скорее всех сделает наш политрук Сохин. Он был невысокого роста, ничем особенным не выделялся — простое русское лицо, скверная заправка. Но это был отзывчивый и мужественный человек, свой брат и настоящий коммунист — в высоком и благородном значении этого слова. Когда я слышу (теперь очень часто) слова: »Мы, коммунисты», я вспоминаю нашего Сохина, и мне становится больно и стыдно за эксплуатацию почем зря этого святого¹ слова. Последнее, что я помню о нём, — это, как он вывел нас из минного поля. Мы туда по дурости забрались. Он взял длинную палку и стал ею лупить по земле, сделав проход. Это были небольшие толовые противопехотные мины. Мы вышли за ним. Потом мне пришлось воспользоваться этим опытом, что сохранило мне жизнь под Старой Руссой.

Погиб наш Сохин в начале ноября 1941 года. Иначе и не могло быть — чаще всех погибали именно лучшие люди. Война делала естественный отбор человеческого материала.

Перед октябрьскими праздниками нас отвели с передовой в тыл на несколько километров, пополнили, и дали день отдохнуть. Зима уже набирала силу. В тот год она пришла рано. Снег уже был глубоким, реки и ручьи покрылись еще некрепким льдом

Утро 5-го ноября 1941 года. Наш батальон выстроен у опушки густого леса перед большой поляной. Тихо падает снег большими хлопьями. Нам читают приказ на наступление: во что бы то ни стало надо выбить немцев из большой деревни. Стратегически это очень важно. Выступают с речами политруки, за ними комму-

нисты. Мы клянемся, что выполним задачу любой ценой, тем более что завтра столь знаменательный день. Нам предстоит марш и внезапная ночная атака, которых, как нам объясняют, немцы очень боятся.

Скрытно движемся мы к месту атаки. По замыслу, мы должны, не потревожив их, с трех сторон окружить деревню и, по сигналу ракеты, внезапно одновременно ударить. Движемся гуськом друг за другом. Передо мной маячит спина Николки. Он давно уже обессиленный и весь какой-то больной, спотыкается о корни и кочки, качается под тяжестью пулемета. За ним я, согнувшись, тащу на плечах «салазки». За мною ребята несут коробки, нацепив их по паре на дуло винтовки, перекинутой через плечо. Мы петляем какими-то нехоженными тропами, прокладывая путь в снегу по болотам. Несмотря на мороз, болота под снегом еще не замерзли. Сапоги то дело проваливаются, чавкают, ноги давно промокли. Мы уже не чувствуем их. Главное — не упасть. Иначе можно сломать себе хребет пулемётом. У меня ещё есть силы, но Николка давно уже выдохся. Ребята к нему хорошо относятся и предлагают его сменить. Он не хочет — качается, но не отдаёт пулемёт. Да, таким был Николка! Я заставил его это сделать насильно и передохнуть немного. К вечеру мы, не обнаружив себя, подошли к деревне и скрытно заняли позиции для атаки. Мы, пулемётчики, расположились в лесу и кустах, у самого склона котловины, в которой, как в сковородке лежала деревня. Справа от нас было открытое место. Там была дорога в деревню. По ней должен был идти в атаку наш батальон. Наконец, стемнело. Все звуки в деревне постепенно затихли, немцы улеглись спать.

В полночь взвилась сигнальная ракета. Разом застучали наши пулеметы. Бог мой, что поднялось в деревне! Какая паника! Немцы орали в испуге истошным криком, как жеребцы, беспорядочно и бестолково метались, стреляя, чуть ли не друг в друга. Нам многое было видно от света ракет, трассирующих пуль, а также хоть редких, но ярких вспышек разрывов наших снарядов и мин. Тут мы злобно и радостно ещё пуще застрочили по ним, не хоронясь и не жалея патронов. С омерзением я услышал, как визжат под пулями раненые фрицы. Раненый фриц визжит по животному-

му, как поросёнок! Наш брат, русский, как бы ни было больно, такого позора себе не позволит на поле боя. Будет скрипеть зубами, рвать на себе рубаху, кусать руку, застонет, заорет, заматерится, но не завизжит.

Радость, гнев, презрение и мстительная злоба охватили нас до полного самозабвения, и мы яростно направили на них, метущихся и орущих, как стадо, свой смертоносный огонь. В тот полусумасшедший миг я реально ощутил (не умом, а всем своим существом), что мы, в конечном счете, побьем немцев: у нас сильнее дух, чем у них. Будь они в нашей шкуре — уже бы не выстояли.

Мы запросто и малой кровью могли взять ту деревню и перебить в ней всех фрицев, как зайцев. Но... увы! Что-то не сработало в организации атаки. Стрелковые роты не воспользовались благоприятным моментом и топтались на месте. А время работало уже против нас. Вот уже то здесь, то там строчат с чердаков, как швейные машинки немецкие пулеметы. Вот уже вся деревня окрысилась со всех сторон огненными струями трассирующих пуль. Захлопали ротные минометы и с шелестом полетели в нашу сторону мины, заглушив своими разрывами шум боя. С каждой секундой только что растерянное, в страхе мычащее стадо приобретало привычный для нас вид хорошо организованной убойной машины. Поразительная дисциплина, поразительная четкость!

Тут-то, вразброд, и пошли в атаку наши стрелковые батальоны. Пошли, к тому же, не с трех, а только с двух сторон. С третьей стороны атака совсем не сработала, так как 3-й батальон опоздал к атаке. Взмыли вверх немецкие ракеты и осветили поле боя ярким голубоватым светом. Стало светло, как днем. И опять мы, чуть не плача от обиды, должны были смотреть (в который раз!) со своего бугра, как гибнет бесславно, без пользы наша братва.

Дали фрицы нам тогда хорошо прикурить. Теперь уже они были совсем не те, чем несколько минут назад: расстреливать, не умеющих воевать ведь проще! Их машина уже была налажена и работала без осечек. Я впервые узнал здесь, что такое «ишак» — немецкий шестиствольный миномет. Он метает снаряды с противным скрипом: «И-а! И-и-а-а!», а потом они рвутся на большой площади,

уничтожая там все живое и выворачивая наизнанку землю. Наши несколько раз повторяли атаку, мы много раз меняли позиции, чтобы уменьшить потери, которые были велики в пулеметных ротах. Когда совсем рассвело, мы отошли с окровавленной мордой. После отлеживались в нескольких километрах от деревни, зализывая раны. Нам прислали пополнение — сибиряков, еще не воевавших кадровых ребят в новеньких полушубках, и мы изготовились к новой атаке. Наши пулеметы были выдвинуты на прежние позиции и вели огонь по деревне. Когда мы перетаскивали свой «максим» на новое место, немцы нас засекли, и Николке прострелило руку. Уже начинало смеркаться. Я уговаривал Николку идти в санчасть. Он ни за что не хотел, пришлось применить силу. Согнувшись под обстрелом, перебежками от куста к кусту, стал он удаляться от нас, а я лег за пулемет на его место. Больше мы с Николкой никогда не увиделись. Он погиб под Сталинградом в 1943 году, будучи лейтенантом.

Он ушел, и я остался теперь совсем один. Вскоре, как только стемнело, мы атаковали эту деревню. После жидкой артподготовки мы открыли сильный пулеметный огонь, — и сибиряки пошли! На этот раз у немцев не было никакой паники. Деревня, насторожившись, молчала, только со всех сторон взмывали осветительные ракеты, да прорезывали воздух редкие очереди трассирующих пуль, отмечая наше движение. То, что произошло дальше можно назвать только бойней, больше ничем. Немцы подпустили эти новенькие, столь соблазнительные для них меховые полшубки до самой деревни, а потом безжалостно расстреляли, осветив, для удобства, десятками ярких ракет.

После этого нам было приказано вновь собрать и подчистить все, что осталось, и вновь повторить атаку. Настроение у всех нас, конечно, было паршивое — предстоит бессмысленная мясорубка, а не война.

В этот момент прибежал возбужденный парнишка — связной от командира роты и передал приказ: немедленно сниматься с позиций и топать быстро за ним на командный пункт. Когда отходили, заметили суету в ротах — подразделения поспешно покидали позиции и спешили в тыл. На командном пункте роты узнали, что

где-то немцы прорвали наш фронт и прут теперь прямо на Тихвин. Нам грозит окружение. Если хотим выскочить, надо опередить немцев. Так что теперь наша цель Тихвин. Там пункт сосредоточения нашей 191-й дивизии. Я перекрестился, что отправил Николку в санчасть: он так обессилел, что ни за, чтобы не вынес отступления и, конечно, попал бы к немцам.

Отступление

Как известно, 5 ноября 1941 года немцы возобновили наступление на Тихвинском направлении. Наша 191 стрелковая дивизия в числе других пыталась его остановить. Как это делалось нашим батальоном 552 с. п. я только что пытался рассказать.

Когда мы в третий раз изготовились к атаке деревни, 39-й моторизованный корпус немецкого генерала Шмидта прорвал оборону и устремился к Тихвину по шоссе. Над нами реально нависла угроза полного окружения. Надо было, не теряя времени, выскочить к Тихвину раньше немцев. Были дороги секунды. Мы действовали без паники и очень быстро. Ночь на 7 ноября выдалась очень темной. Мы скорым шагом продвигались гуськом по лесным тропам, обходили деревни, которые уже заняли немцы. Там где не удавалось скрытно пройти, прорывались с боями. Сдержать нас было нелегко. Командиры то и дело светили на планшетки фонариками, выверяя маршрут по карте. Двигались почти рысью, то и дело, спотыкаясь о корни или проваливаясь в ямы в этой кромешной тьме. До рассвета надо было, во что бы то ни стало опередить немцев. Тащить на себе пулеметы было трудно. Ребята почти падали, а более слабые начали отставать. Отстающих не ждали.

На одном из коротких привалов, когда мы замертво повалились на снег, наш ротный поймал комбата.

«Хочешь сохранить пулеметную роту?» «Тогда дай нам возможность хоть чуть отдохнуть — пусть стрелки пока понесут пулеметы, — потом мы их снова возьмем». Комбат разрешил. Мы с наслаждением разгрузились и почувствовали себя сразу легкими, как балерины. Наш командир шепнул: «Теперь вперед!»

Военная жизнь устроена так, что подчиненный, и тем более солдат, не отвечает за решения командиров, даже если они архинечестные. Облегченные мы рванули вперед и далеко оставили где-то в ночи стрелковые роты. Теперь на путь указывал комроты. Мы двинулись рысью. Этот темп могли выдержать далеко не все, а комроты все торопил и приказал не ждать отставших. Их, дескать, подберут те, кто движется сзади нас. К утру 7 ноября нам удалось выскочить на Тихвинское шоссе раньше немцев. Мы оказались перед большой деревней, только что брошенной жителями. Почти падая, вскочили в ближайшую избу и стали разуваться. В избе до нас уже скопилось много бойцов. Топилась печь, сушились портянки, булькали котелки с водой для чая. Как оказалось, вся деревня была набита войсками, отступавшими раньше нас.

Нас, пулеметчиков, осталось около десятка. Остальные отстали или затерялись в лесах. Лишь только успели разуться и снять прилипшие к коже портянки, на нас обрушился беглый артиллерийский огонь. Противный свист, грохот, взрывы. Вышибло стекло взрывной волной, и я увидел, как взлетел вверх ближайший к нам дом кучей обломков.

Мы выскочили на улицу. Там рушились дома, как спичечные коробки, взлетала земля, разверзались воронки, стоял грохот и свист. По улицам метались, бегущие куда попало, толпы солдат. Кто в шинели, кто в гимнастерке, кто совсем без сапог. Ясно! Надо срочно ретироваться: немцы догнали нас.

А люди топтали друг друга, ринувшись в панике в разные стороны — в лес, прочь от деревни. Надо отдать должное нашему комроты: он сумел выбрать правильное направление — к Тихвину.

Мы молнией выскочили из деревни и проскочили лес. Путь преградила слегка замерзшая река, за которой просматривалось желанное шоссе на Тихвин. Не раздумывая, мы с ходу спрыгнули с обрыва и заскользили по свежему тонкому льду, оставляя за собой трещины и лужи. Только на противоположном берегу вздохнули и оглянулись назад. Глазам представилась страшная картина. Толпа солдат бежала к реке сплошной массой, топча упавших, сметая передних с обрыва в воду. Немецкая артиллерия накры-

ла лед и сделала из него крошево. Сзади бессмысленно напирала толпа, и люди тонули, барахтаясь в ледяной воде. И среди этой каши все время вставали фонтаны разрывов. Там погибло много ребят, а толпа все перла и перла на гибель, как стадо.

То что, произошло в этой деревне, мне никогда не забыть. Я впервые видел панику и ее результаты. Дивизии и полки разных родов войск смешались. Бессмысленные глаза, раскрытые в крике рты. Часть из них погибла, часть попала в плен, а из тех, кто вырвался оттуда, многие оказались на Волховском участке фронта, а не под Тихвином, куда следовало отступать.

В тот момент нам размышлять было некогда, и мы, пять человек, которые теперь остались от роты, быстро устремились к шоссе, оставив полу замерзшую реку между собой и фрицами. Нас волновал вопрос только о том, насколько долго она их задержит? Наши ноги — плохой конкурент их мотоциклам и танкам. До Тихвина оставался последний бросок. Сил совсем нет, и ноги не держат. Двое суток не спали, не ели. Все время были в боях. Идти дальше, кажется, нет никакой мочи. Все равно, стиснув зубы, идешь. Каждый раз ставишь себе задачу: «Дойду вон до того пня!». Когда дохожу, выискиваю новый ближайший объект. Только так мог я идти, иначе не хватило бы ни сил, ни воли. Мимо то и дело проносятся сани с поклажей, облепленные офицерами тыла. Нас обгоняют минометы и пушки. Всюду плетутся усталые бойцы, почти потерявшие солдатский облик. Кто с оружием, а кто и так. Редкое подразделение идет строем, в большинстве — толпы бредущих солдат.

Мы держимся вместе и ближе к командиру роты. Без него мы сброд, могут «замести». Все мы с винтовками, слава богу. Небо покрыто сплошной мглой — авиация не страшна. Пред самым городом силы меня совсем покинули. К счастью, нас обгоняли сани с офицерами тыла. Я намертво ухватился за задок саней и потащился следом. Как ни пинали меня по рукам сапогами, как ни хлестали кнутом, я, спрятав голову, рук не разжал. Так и дошел до опушки леса, за которой увидел мост через Тихвинку, а за ним Тихвин. Тут я решил подождать своих. Разжал разбитые в кровь пальцы и плюхнулся под кусты.

Оставили Тихвин

Вскоре подошли мои товарищи, и мы стали изучать обстановку, сгрудившись перед мостом у опушки леса. Мост нам нужно было обязательно перейти, чтобы добраться до назначенного места сбора нашей дивизии. Обстановка была следующей. День клонился к вечеру. Немцы неумолимо надвигались за нашей спиной и были уже очень близко. К мосту мимо нас спешили смешавшиеся войска: пешие, конные подразделения, обозы, подводы, автомашины, артиллерия и минометные части.

Мост «оседлал» заград-отряд. На мосту ими были установлены станковые пулеметы, из которых били по тем бойцам, что пытались переправиться, в обход моста, по льду через реку.

Всю артиллерию, минометные части, и транспорт беспрепятственно пропускали в город. Всю пехоту и отдельных бойцов останавливали на мосту. Тут же организовывали из них боевые группы, назначали из задержанных офицеров командиров и посылали вправо и влево занимать оборону перед мостом. Кузова всех машин тщательно перетряхивали и выуживали оттуда всех спрятавшихся солдат. На мосту на видном месте торчала большая черная «эмка». На её крыше бесновался огромного роста военный в генеральской шинели. Он размахивал пистолетом и, как безумный орал. Эта затея с созданием заслона выглядела, мягко говоря, несерьёзно. Фрицевские танки одними жидкими штыками и винтовками измученных бойцов едва ли сдержать. Перспектива сходу идти в траншеи на голодный желудок после всего, что мы перенесли, нас не привлекала. Да просто и не было на это никаких физических сил. Мы честно воевали все эти тяжёлые дни и заслужили право попасть на сборный пункт своей части, а не стать пушечным мясом в сомнительной авантюре.

Наш командир роты недолго думал. Он распорол ножом сапог на правой ноге, наложил на голень лубки и перебинтовал. Вырубив себе толстую палку и ещё раз повторив, как найти в Тихвине штаб дивизии, он захромал к мосту, волоча ногу и «морщась от боли». На прощание он нам сказал: «Добирайтесь до штаба дивизии, кто как может!»

Присев за кустами, что бы нас с моста не было видно, мы наблю-

дали, как он минул заград-отряд, генерала на черной «эмке» и медленно, но верно прошкандыбал через весь мост.

Итак, мы брошены на милость судьбы. С нами, солдатами, никто теперь считаться не будет. Что делать? Решение пришло рискованное и простое, с учётом психологической обстановки. Мимо нас как раз проходили расчёты 120 мм миномётов. Перед каждым расчётом — машина. К ней прицеплен новенький миномёт. За ним командир, а за командиром — расчёт. В каждом расчёте человек по двадцать. Идут строем в ногу по два, свежие и молодые, в новеньких шинелях, сапогах и плащ-палатках, накинутых сверху шинелей, как плащи. Все подтянутые и форсят. Любо смотреть! Вот кто бы мог задержать фрицев! Но... их всех беспрепятственно пропускают в тыл, осматривают лишь машины — вдруг туда забился наш брат.

Теперь нас стало четверо. Вид затрапезный, но делать нечего — была, не была! Мы перемигнулись, мигом поняли друг друга. Все тщательно заправились, насколько позволяли возможности, лихо накинули плащ-палатки и изготовились за кустом у самой дороги. Как только поравнялся с нами очередной расчёт — к нему мгновенно пристроились две пары «нечистых». Молоденький лейтенант аж обомлел от нашего нахальства, но что он мог сделать — заград-отряд уже рядом. Он вынужден был прикусить язык от грбеха подальше. Вот нас остановил заград-отряд. Обыскивают с пристрастием машину. Лейтенант молчит — ситуация острая, боится схлопотать себе пулю под горячую руку. Далее мы с дрожью в коленках проходим строевым шагом перед генералом. В длинной шинели, в папахе, огромный, с кирпично-красным лицом и бешеными, как у сумасшедшего, глазами, раскорячившись на крыше кузова «эмки», он истошно вопит в истерике, тыча вверх пистолетом: «Война требует крови!»

Никогда не забыть эту истерику и разъявленный в судороге рот. Мы чётко отбиваем шаг и едим его бессмысленные глаза внимательным и настороженным взглядом. В тот момент любая осечка обернулась бы пулей. Нам было весело и очень страшно. Лишь только прошли мост, лейтенант, до того упорно молчавший, дал волю своим чувствам и выгнал нас «к такой матери». Мы не стали снова искушать судьбу и исчезли немедленно. Всё-таки выскочили! Скорее искать свою дивизию и, конечно, кухни! Между тем, быстро вечере-

ло, и немцы вот-вот должны были появиться. Заслона перед мостом, как мы только что поняли, практически нет. Не похоже было и на то, чтобы кто-либо готовил мост к взрыву. Жителей в городе мы не заметили. Похоже, они его покинули. Зато в разных направлениях бегало много военных. Их беготня не совпадала с общим направлением отступающих войск.

Эти бойцы просто грабили город. Кое-где горели дома. Особенно много бойцов скопилось на железнодорожном вокзале. Здесь царило веселье: штурмовали цистерны со спиртом. Там солдаты, взобравшись на самый верх цистерны, достают спирт котелками через люк, как из колодца, привязав котелок к поясным ремням. Толкают друг друга, срываюся наземь. Тут же пьют из котелков, сидя верхом на цистернах, стаскивают друг друга за ноги, дерутся. Кто-то лезет наверх, вдрызг пьяный, и всё падает, никак не может залезть. Кто стреляет по цистерне. Из дырок хлещут тонкие струи. Под них подставляют кто котелок, кто кружку, кто ладони, кто шапку, а кто прямо пьёт ртом, как из крана. Кругом лужи спирта. В них валяются и вверх и вниз лицом упившиеся и захлебнувшиеся трупы и полутрупы. А кое-кто, упав на живот, сосет эту жижу с земли, хрюкая от удовольствия. Все возбуждены, бессмысленно орут, дерутся и поют. Как мы ни устали, а прибавили скорость, чтобы уйти прочь от этого зрелища. В центре города грабят магазин. Там гражданские и солдаты. Вышибают двери, выбивают стёкла, тащат куда-то сахар, крупы, муку. То и дело пробегают озабоченные люди, спешащие что-то урвать в наступившей сумятице. Остатки войск проходят через город. Почти стемнело. Немцы вот-вот войдут.

В темноте на окраине города нашли, наконец, штаб нашей дивизии. Оказалось, что он уже уехал в деревню Бор. Последние оставшиеся тыловики в большой спешке, если не в панике, грузили ящики в автомашины и суетливо бегали из дома во двор. С большим трудом мы вытрясли из них новую дислокацию штаба. Предстояло пройти ещё не менее 30 км по шоссе на северо-восток от Тихвина.

В это время уже совсем стемнело. Как ни сосало в желудке, как ни ныло всё тело и ноги, отсюда надо было выбираться, да поскорее. Нам было абсолютно ясно, что здесь немцу отпора не будет, что город обречён. И вот мы медленно, в крошечной тьме поплелись на

северо-восток по шоссе, едва передвигая ноги. Сзади, в городе, изредка постреливали, кое-где что-то горело, доносились неясные звуки и крики. По всей видимости, там продолжался грабёж. На шоссе было безлюдно. Войска уже прошли. Лишь изредка нас обгоняла автомашина или подвода. Пройдя два-три километра, мы доплелись до совхоза имени первого мая. Вошли в первую избу, стоящую у дороги. Там светилось окно. Однако дом уже был брошен хозяевами. В небольшой кухне топилась плита. На столе горела лампа. На припечке у плиты грелся белый, пушистый котёнок и облизывал лапку. Тут, в этой кухне, иссякли все наши силы, мы повалились ничком на пол и в ту же секунду уснули, забыв всё на свете, даже еду. Ничего не ведая, мы мертвецки проспали всю ночь.

Смутно помню, что был какой-то шум. Меня, кажется, кто-то тряс, светил в лицо карманным фонариком. Какие-то люди бегали, что-то кричали. Потом опять стало тихо.

Проснулись поздно: утро уже переходило в день. Вышли на крыльцо. Мы на горке. Внизу, вдалеке — настороженно тихий Тихвин. Вокруг нас ни души.

В эту ночь 8 октября немцы, без боя, заняли город. Если бы они продвинулись ещё совсем немного, мы, сонные, попали бы в плен. Только чудом этого не случилось. Нам необыкновенно повезло. А что же теперь с Ленинградом будет?

ГЛАВА IV КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Тов. Задворному
Тригоричу Михайловичу

Вручен знак
«ВETERАН 191 КНСД»

9 мая
1980 г.

35-я годовщина
победы в Великой
Отечественной войне

В ПАМЯТЬ О БОЯХ
ЗА НАШУ РОДИНУ.

Совет ветеранов 191 КНСД

В стрелковой роте

В то позднее утро мы толком ещё не знали судьбу Тихвина. Со стороны города не доносилось ни звука, вокруг безлюдье и тишина. Однако больше, чем неизвестность, в этот момент нас терзал животный голод.

Заглянув в один из длинных сараев, оказавшихся рядом с приютившим нас домом, обнаружили большой совхозный свинарник. В нём на полу вповалку лежали сотни свиных туш. Видимо, вчера этих свиней постреляли из автоматов.

Вот это удача! — именно то, что нам нужно больше всего. Зачем же время терять? Вскоре на раскалённой плите весело булькало в двух вместительных вёдрах, до верха заполненных отборными кусками свинины. В самую душу проникал густой и божественный аромат. Не сходя с места, до донышка, умяли ведро полу сваренного мяса, не в силах утерпеть пока допреет. Сытость разлилась приятной теплотой и силой по телу. Теперь мы опять многое можем! Теперь нам трудности — тринтрава! Надо скорее двигаться дальше, искать штаб нашей дивизии в деревне Бор. Как великую ценность взяли с собой оставшееся ведро с мясом, несли его вдвоём на палке, и тронулись вчетвером по шоссе, зорко наблюдая за обстановкой.

Не прошли и километра, как заметили, что нам на встречу, перебежками и, маскируясь, движется с десятков бойцов. Все молодые, в новеньком обмундировании и хорошо заправленные. По их неумелому поведению мы поняли, что ребята ещё не были в боях. Похоже, они предполагают, что в совхозе могут быть немцы. Это была разведка. Заметив нас, ребята притаились за кустами, полагая, что мы их не видим. Сержант нас окликнул басом: «Стой! Пароль!»

Мы, конечно, пароль не знали и по-дружески предложили им выходить из кустов, так как вокруг никого нет. Недоверчивый сержант мужественно вышел к нам, оставив своих бойцов в засаде. Те взяли нас на прицел. Как умели, мы растолковали этому парню, что к чему и обратили его особое внимание на свинарник. Постепенно подошли и остальные. Закурили их табачок. От них узнали, что немцы ночью заняли Тихвин. Их командование опасается, что и совхоз имени Первого мая тоже у немцев. Их часть только что прибыла из

Сибири. Ребят послали разведать совхоз. Обменявшись полной информацией, каждая группа двинулась своим маршрутом. Сержант нам, видимо, не до конца поверил, так как они по-прежнему играли в «маскировку», способную обмануть только слепых. Им повезло, что наткнулись на нас, а не на немцев. До нас же только теперь дошло, что мы лишь чудом избежали плена нынешней ночью: между нами и немцами никаких войск нет, а до Тихвина рукой подать. Выходит, наша группа последняя и без командира роты. Брошенные на произвол, как какие-нибудь дезертиры, нам трудно будет добраться к своим — какие доказательства им предъявить?

Призадумавшись, тем не менее, решительно движемся вперёд. Пусть будет, что будет! Наш передний край прошли не без заминок, но нас всё-таки пропустили. Видимо, помогли нахальство, уверенность в себе, четкое знание обстановки и цели, ну и обстрелянный вид. А главное, я думаю, отсутствие заград-отряда. Пройдя передний край, мы сразу же подались в лес от греха подальше. Благо, наступал вечер. В лесу, в спокойной обстановке, разожгли костёр, опустошили ведро наше заветное, отогрелись и блаженно проспали ночь, настелив на снег ворох лапника из еловых веток.

Следующие два дня разыскиваем свою часть. Это было не столько трудным, сколько опасным делом. Все леса и дороги вокруг были забиты только что прибывшими и готовившимися к боям частями. А мы оказались посреди них без командира и без каких-либо документов. В то время ни у кого в нашей части не было и в помине красноармейских книжек. Единственное, что можно предъявить, это исправные, вычищенные винтовки да по паре подсумков с патронами на поясе. Штыки и противогазы за ненадобностью давно уже выброшены. Вновь прибывшее пополнение, ещё не воевавшее нам этого тоже могло не простить. По этим и многим другим понятным причинам продвигаемся весьма осторожно. Идём в основном по обочинам дорог, прикрываясь кустами, тщательно обходя лесом, встречавшиеся на пути войска

Под вечер донёсся дорогой сердцу запах дымящихся кухонь. Их оказалось несколько на лесной поляне у перекрёстка дорог. Вокруг кухонь оживлённо сновало много солдат. Мы сразу поняли, что эти солдаты сбродные. К нашему удивлению, повара без разбора щедро

наливали суп и накладывали кашу в каждый подставленный котелок, как говорится, не спрашивая ни имени, ни фамилии.

Это показалось нам до того странным, что заставило долго и внимательно изучать это чудо природы — из-за кустов. Наконец, вступили в бой и мы. Боже правый! Сколько же это котелков я тогда в себя умял? Если бы удалось вспомнить, никто бы мне не поверил. Раз за разом мы с неизменным успехом пристраивались в хвост то к одной, то к другой кухне. Вкуснее похлебки я не едал! Отдав должное, и не раз, каждой кухне мы уползли в сторону и заснули опять мёртвым сном в лесу. На другой день, к вечеру, мы, наконец, разыскали штаб нашей части. Там нас сразу, ни о чем, не спросив, распределили по разным стрелковым ротам.

Не скрою: расставаться с ребятами было обидно — мы очень сдружились за эти дни. В итоге я быстро остался теперь совсем один. Нет Николки, нет друзей политехников, нет политбойцов, нет теперь со мной даже этих ребят пулемётчиков, с которыми вместе делили трудности отступления. Солдатская дружба на фронте длится, как правило, очень недолго!

Я начисто забыл теперь многие лица, но твёрдо знаю: ребята-пулемётчики были стоящими людьми. Не зря именно они вынесли выпавший на их долю жестокий отбор. Все трое были деревенскими парнями. Переносить трудности с ними было легко. Никто не пищал. Все понимали друг друга с полуслова. Больше всех мне запомнился младший сержант. Его фамилия, кажется, Савельев. Крепкий, низкого роста, кадровый, с розовым мило-поросычим лицом и умными голубыми глазами с хитринкой. Свой в доску, проверенный парень, надёжный товарищ в разведке и в любом бою.

Зачем нас вечно разъединяли? К чему такое не доверие? Не понимаю, какой в этой практике был смысл! Ночь я провёл уже в новом для меня отделении стрелкового взвода. Мы все уместились в тесном амбарчике на окраине деревни Бор. Жидкой подстилкой служила гнилая солома. Ветер безбожно дул во все щели. Мы лежали все, то на правом, то на левом боку, спрессованные, как саляки в банке. Когда правый бок уж очень уставал, все разом переворачивались на левый. Иначе просто нельзя было перевернуться. Наши вши беспрепятственно общались между собой, ползая по

гимнастёркам. Войск в этой деревне было напихано до отказа. Даже многим офицерам негде было на ночь пристроиться. В этом смысле нашему отделению крупно повезло. Мы всю ночь отбивали ногами посягательства на наше жилище.

От новых товарищей я узнал, что под Тихвин прибыли кадровые сибирские части. Эти не подведут — дальше немца не пустим. Более того, узнал, что готовится контрнаступление. Это радовало. Также шли разговоры о том, что прежнего командующего, допустившего прорыв нашего фронта, сняли, а нами теперь командует Мерецков. Это тоже поднимало наш дух.

Спустя много лет вот что вычитал я из воспоминаний маршала К. А. Мерецкова, принявшего 8 ноября командование четвертой армией, в которую входила тогда наша 191-ая дивизия, включавшая наш 552-ой стрелковый полк.

«Части и подразделения, потерявшие управление ещё в боях на подступах к Тихвину, прошли город, не задерживаясь в нём. Овладев городом, противник, тоже не останавливаясь, повёл наступление на север — к реке Свирь и на восток вдоль шоссе и железной дороги к Вологде. На этих направлениях группировались и основные силы наших отходивших войск».

И далее:

«Случайность свела меня сразу с командирами двух соединений: 44-ой стрелковой дивизии полковником П. А. Артюшенко и командиром 191-ой стрелковой дивизии полковником П. С. Виноградовым. Мы встретили их в небольшом посёлке Бор. Они стояли у крыльца заднего дома и о чём-то горячо спорили. ...Из докладов командиров дивизий выяснилось, что...191-ая стрелковая дивизия была также сильно ослаблена. В её частях насчитывалось около тысячи солдат, при этом они действовали разрозненно, отдельными подразделениями, фактически без единого командования. Нередко подразделения одной дивизии перемешивались с подразделениями другой... Я решил начинать с походных кухонь и сделать возле них места сбора...

Приказал армейской авиации доставить срочно кухни в разобранном виде. Прибывших солдат и офицеров кормить, выдавать им тёплые вещи и снабжать боеприпасами.

Прибыв в Большой Двор, мы начали восстанавливать управление частями и соединениями.»...

«Неудачи наших войск в оборонительных боях объяснялись в значительной степени тем обстоятельством, что почти все части и соединения 4-ой армии, в том числе и её штаб, не имели опыта ведения боевых действий в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Маневрировать здесь было трудно. Леса и болота почти сплошь покрывали пространство между рекой Волхов и Тихвином. Многочисленные реки и ручьи пересекали пути движения войск. Населённые пункты встречались редко. Дорог было мало, обширные болота не замерзали даже зимой в сильные морозы. Горький опыт, полученный войсками 4-ой армии в ноябре 1941 года, многому нас научил»...

«Бои под Тихвином особенно памяты мне: это была первая крупная наступательная операция, которой я руководил во время Великой Отечественной войны»... «Для нас освобождение Тихвина в то время приобретало исключительно важное значение. Оно являлось вопросом жизни Ленинграда и Ленинградского фронта.»

* Тихвин, год 1941. Лениздат, 1974, стр.166–170, 171–175.

Ночные атаки

У нас предпринималось всё, чтобы остановить немцев и не дать им соединиться с финнами. Если бы последнее случилось, то Ленинграду — верная крышка. Одновременно, как мы чувствовали нюхом, готовилось наше контрнаступление. Конечно, солдату не доступны мысли командования, он ограничен кругом жизни своей роты, батальона, в лучшем случае — полка. Тем не менее, солдаты тоже многое, происходящее в верхах, чувствуют.

Нас, завшивевших, порадовали, наконец, баней. Мы её сложили наскоро в лесу, у ручья. Сделали каменку, поставили на неё большой чугунный котёл, а сверху, над каменкой, укрепили жерди. Такой бани, да и вообще русской бани, я раньше не видел. Наша баня топилась по-чёрному, то есть дым выходил не в трубу (её не было), а в открытую дверь. На жердях мы развесили гимнастёрки и вши сыпались оттуда на раскаленные камни. Вши не выдерживали горячего пара, что мы поддавали.

Запускали по отделениям. Раздевались прямо на снегу. Держа в руках штаны и гимнастёрки, входили в баню, развешивали всё

это на жердях и начинали поддавать пар, хлеща, берёзовыми вениками, друг друга. В тесном, тёмном, заполненном едким дымом пространстве негде было ни толком вымыться, ни повернуться.

Времени и воды отводилось в обрез. Но я едва ли испытал за всю жизнь лучшее блаженство! Горячий пар мигом снимал с кожи струпья грязи, проникал во все поры и освежал до нутра. До чего легко становилось дышать. Мы выскакивали красные и катались, как лошади, на снегу, натирая пушистым снегом до глянца тело.

После, натянув выданное старшиной свежее бельё, пахнущие дымом прожаренные гимнастёрки, новые ватные штаны, куртки, шинели, валенки, шапки и рукавицы, мы замирали в блаженстве, понимая, что теперь жить можно, несмотря на мороз. А морозы, действительно, стали быстро набирать силу. Ещё пара дней ушла на разные неувязки и передвижения вокруг деревни Большой Двор. В наших взводах появились новенькие автоматы (П. П. Ш). Все крепко завидовали их владельцам.

С 14 ноября мы вступили в бои. Две недели с 14 по 27 ноября (день, когда меня ранило) отложились в моей памяти, как вечность, заполненная непрерывными нашими атаками. Их было так много, что каждую уже и не вспомнить. Все они слились как бы в один непомерный, сверхчеловеческий яростный труд, фон которого составляли кровь, страх, преодоление страха, визг мин и снарядов, грохот разрывов, свет предательских немецких ракет, треск пулемётов, посвисты пуль, стоны, крики и потери товарищей — и постоянное, ежесекундное, нечеловеческое напряжение всех твоих нервов, мускулов и духовных сил.

Не претендуя на строгую достоверность и полноту (слишком много времени с тех пор прошло), попробую описать кое-что из того, что было. Наше командование считало, что предпочтительнее других ночные атаки. Предполагалось, что немцы жутко боятся ночи. Нам объясняли, что для того чтобы ночная атака прошла успешно, нужна скрытность, слаженность и внезапность. Мы должны незаметно подобраться к немцам вплотную, затем молча, всем сразу одним броском ворваться в деревню и открыть там самый интенсивный огонь по фрицам, когда они будут метаться в панике. С такими напутствиями мы ночью 14 ноября где-то под Тихвином атаковали

небольшой, занятый немцами посёлок. Вначале у нас всё шло, как по маслу. Бесшумно, не звякнул ни один котелок, подобрались к деревне и заняли исходное положение на опушке леса. Перед нами огороды, покрытые снегом и огороженные заборами из жердей. За огородами на фоне ночного неба темнеют силуэты изб. В них давно уже нет местных жителей, одни фрицы.

Всё спит. Лишь время от времени дежурный пустит ракету или прорежет трассирующими пулями темноту. Наше волнение нарастает. Наконец, взмывает ракета — надо, как нас учили, молча идти в атаку, скорее врываться в деревню. Однако все наставления мигом забыты. Как оглашенные, все от волнения заорали во всю глотку: «Ура-а-а!!» Орём раз за разом: «Ура-а-а!», — а сами ни с места, прилипли к опушке. Командирам стоит немалых усилий выпихнуть нас в атаку. Сразу начинается какой-то разброд, благо в темноте каждого плохо видно.

Кто поскакал вперёд по глубокому снегу, кто ползёт и сверлит снег носом, а кто вообще остался в кустах в качестве наблюдателя дальнейших событий. Оказывается, управлять ночным боем, когда нет чувства локтя, исключительно трудно, тем более, когда бойцы собраны совсем недавно с миру по нитке и мало обстреляны.

Бедные наши командиры носятся туда и сюда, отчаянно всех торопят. А рота с каждой секундой расползается и тает в темноте. У бойцов нет ещё опыта, а главное — нет уверенности в том, что остальные тебя поддержат. Атака с оглядкой — уже не атака, немцев она не пугает, как бы громко мы ни старались орать. Возмездие приходит очень скоро. Со всех сторон взлетают десятки ракет. Вот уже везде шьют автоматы, строчат пулемёты и, наконец, летят мины: мы сами, собственным криком, указали немцам, куда им стрелять. Атаки не вышло, как потом ни изворачивайся, как ни лезь в пекло снова и снова с разбитой мордой. Как правило, долго ещё, почти до утра, продолжается бессмысленный теперь бой: нашему командованию приказано, во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу. Надо же доказать верхам, что предпринято всё возможное и невозможное. А деревня теперь очень похожа на растревоженное гнездо ос. Нам со всех сторон дают по зубам, и дают крепко!

К утру все постепенно собираемся у кухни. Несмотря на большой ночной шум, неожиданно оказывается, что потери у нас не столь велики, как могло показаться. В ночных боях убитых и раненых, как правило, было меньше, чем днём.

У кухни делимся впечатлениями. Все веселы рады, что остались живы — настоящие дети. С каждой ложкой горячего горохового супа возрождаемся к жизни и, естественно, к новым боям. В следующую ночь мы атакуем другую деревню и с тем же успехом, да и в дальнейшем от наших ночных атак была, как мне кажется, лишь одна единственная польза: мы не давали немцам спать. «Польза» эта покупалась большой ценой. Секрет неуспеха был прост: бойцы заранее знали весь ход событий и соответственно себя и вели.

Чтобы побеждать, надо верить в себя, в своих товарищей, в своё оружие и в своих командиров. Для этого хоть раз надо ощутить преимущество над врагом, сладость хоть одной, самой скромной победы. К тому времени мы знали только, что воюем за правое дело. Вместе с тем все видели, что плохо воюем, гораздо хуже, чем немцы. А воевать всё равно было нужно, как бы ни было трудно и мучительно на душе. Никто кроме нас не выгонит фрицев. На союзников нет надежды. Так что хочешь — не хочешь, придётся нам воевать до конца, как умеем! Как не хватало нам ребят-ленинградцев, что остались лежать на снегу в самых первых боях. С ними бы у нас получились ночные атаки.

Не счесть километров, которые мы тогда истоптали в ежедневных маршах то туда, то сюда. Не счесть окопов, которые были надолблены или отрыты. Не счесть сколько раз, прямо с марша вступали в бой. Специально ли нас брали измором, или так по военной тактике надо? Не знаю, откуда у нас брались силы. Что бы это хоть как-то понять, надо знать, что представляли собой те леса, речки, ручьи и болота. Болота не замёрзли тогда, несмотря на морозы. Валенки были насквозь ледышки, шинели ломались, не гнулись. Сколько ручьёв нами пройдено вброд! Обсыхали мы лишь на ветру да на морозе — ведь костра нельзя было развести. Война, да будет известно, для солдата пехоты — в первую очередь есть титанический труд, труд который способен вынести лишь человек, но никакой зверь или любое другое животное в мире.

В те дни меня выручали три друга — махорка, водка и сахар. Ма-

хорочка грела нутро вместо костра, так как костёр на переднем крае мы не могли себе позволить. Она успокаивала в те моменты, когда землю вокруг грызут снаряды и пули с осколками свистят над ухом. Водочка умела вмиг снять усталость, согреть и развеселить. Обсо-санный чёрный сахар в виде пары жалких кусков всегда лежал в кармане моей шинели. В момент, когда уже нет никаких сил, а тебе надо бросаться в атаку, когда ты полностью выдохся, — твоё спасение сахар. Кусок сахара тотчас вливает новые силы, и ты скачешь через преграды, падаешь, ползёшь, вскакиваешь, петляешь, стреляешь, — ни на мгновение не упускаешь ход боя, всеми чувствами контролируешь полёт пуль, мин, снарядов и местность, своё поведение применительно к обстановке.

Пока что дела под Тихвином у нас шли неважно. Фрица остановили, но этого было крайне мало. Взяв Тихвин, они лишили Ленинград последней возможности подвоза продуктов. Мы понимали, что Ленинграду худо, но не представляли той крайней степени, до которой дошло. В ходе непрерывных боёв состав нашей роты быстро менялся. Вместо раненных и убитых присылали новых бойцов. Постепенно стал складываться в роте костяк прошедших вместе невзгоды, надёжных обстрелянных бойцов. С этими ребятами я сдружился. Должен сказать, что время на фронте очень ёмко. День, например, может равняться, в зависимости от обстоятельств, неделе, месяцу, а то и году (и даже вечности) в мирных условиях.

Моисеев

Больше всех я сблизился в то время с нашим помкомвзвода, сержантом Моисеевым, ленинградцем. Его красили ясные голубые глаза. Они светились умом на бледно-зеленоватом лице с очень правильными, тонкими чертами. Лоб окаймляли льняные кудри, скатанные и слипшиеся от грязи и пота. Наверное, до войны этот парень был очень красив. Теперь в изорванном, туго подпоясанном ватнике (шинель он не любил носить) он выглядел отчаянно ловким получеловеком-полузверем. Всегда ходил с фрицевским шмайссером на шее и двумя гранатами за голенищами сапог. В нём во всём была какая-то особая ленинградская лихость, под-

зуживающая его быть со смертью на ты. Слабый сложением, весь обмороженный, в струпьях, он шатался в походах и едва стоял на ногах. Однако всегда был первым, ловким, удачливым и одним из самых вёртких в атаках. Держался он, думаю, одной лишь лихостью духа да беспредельной ненавистью к фрицам. Мы с ним вместе не раз ходили в разведку, выслеживая расположение пулемётов, ползая на переднем крае или лёжа подолгу у фрицев под носом. Здесь пригодились институтские знания по геодезии: я мог сносно составить топографический план и нанести на него обстановку.

Мне всегда будет памятен день, когда мы «штурмовали» дзот на большом бугре. Полдень. Небо сплошь заволокло белой мглой. Нашему взводу приказано взять дзот, который контролирует местность и, который помешал успеху наших прежних атак на деревню слева. Его огонь стоил жизни многим нашим ребятам. Итак, дзот стоял на высоком бугре у перекрёстка дорог. Мы скрытно подобрались к нему и залегли на дороге под защитой небольшого обрыва высотой почти в человеческий рост. Стоило немного приподняться — и на нас глядела чёрная дыра амбразуры дзота. Пока мы ползали и совещались, немцы учуяли нас и открыли пулемётный огонь. Боеприпасов у них всегда было в достатке. Их огонь нам пока не вредил: пули свистели над головами, сшибая тонкие ветки кустов, росших на бровке обрыва.

Наш командир взвода только что прибыл, окончив училище, и, видимо, в первый раз вёл бойцов в бой. Он подал нам команду: «Вперёд!», показав пистолетом на амбразуру. Там нас ждала неминуемая бездарная гибель. Выполняя приказ, все бросились к бровке обрыва, но... не дальше той незримой черты, за которой свистел ветер из пуль. Все суетились, тыркались и туда и сюда. За шею сыпались сбитые пулями ветки. Однако сдуру соваться под пулемётный расстрел явно никому не хотелось.

Так мы долго хитрили и притворялись. А над головой сплошной настильный огонь — высунуть нос невозможно, шапку ветром едва не сносит. Младший наш лейтенант всё бегаёт сзади, тычет в спины своим пистолетиком и гонит вперёд. Голос уже сорвался на визг: «Вперёд! Вперёд!» Всем это уже опротивело. Об-

становка накалилась и очень скоро могла кончиться нехорошо. Даже пропал страх. Мы с Моисеевым переглянулись и поняли друг друга без слов: «Была — не была!»

Справа по бугру к самому дзоту тянулся небольшой занесённый снегом лог. Он порос не очень густыми кустами. С разрешения лейтенанта мы вызвались забросать амбразуру гранатами. Договорились, что ребята будут имитировать атаку в лоб, как можно больше стреляют и орут. Мы тем временем поползём по логу. Когда бросим гранаты, взвод бегом кинется к дзоту, не теряя секунды.

И вот Моисеев и я за ним, буравим снег, ползём и не дышим. Немцы лупят во всю, но не в нас, а ребята наши крепко орут. Глубокий снег нас скрывает. Кусты тоже — не лишние. Господи, — пронеси! Чем ближе пасть амбразуры, тем безнадежнее для нас путь назад, тем меньше в жизни терять нам осталось. Время тянется бесконечно долго. В эти минуты сквозь тебя пронеслась вся прекрасная прошлая жизнь и сказала: «Прощай!», нежно тебе улыбнувшись.

Мы продолжаем тихо ползти, сдерживая нетерпение всей силой воли. Не дай бог качнуть этот куст, не дай бог высунуть голову из надёжного друга, снега. Кое-где мы подолгу неподвижно лежим, набираясь сил и духа. Тело крепко прилипло к земле, зад книзу притиснут — ползём, как ужи. Наконец, амбраура слева от нас, совсем рядом. В ней захлёбывается от лая трясущееся рыло. Минуту лежим, набираясь воли. Пора!

Раз за разом кидаем по паре гранат в самое гнусное рыло! И обессиленные, в страшном напряжении тела и нервов оба уткнулись в глубокий снег. Но что же это? Вокруг мёртвая тишина... Дзот молчит. Наших ребят тоже не слышно. Скорее! Ну же! Сейчас фрицы опомнятся — будет поздно! Мёртвая тишина... Вот этой тишины наши нервы не выдержали и вышли из-под контроля. Мы вскочили в свой полный рост и, повернувшись спиной к дзоту, не маскируясь, высоко выбрасывая ноги из снега, как кенгуру, поскакали с бугра по самому открытому месту вниз к своим. Наши незащитные спины пробирав мороз. Как ни странно, дзот молчал, и никто ни разу нам в спину не выстрелил. Спрыгнув на

дорогу, мы увидели вдали спины наших ребят, припустивших к лесу. Не останавливаясь, побежали за ними. Когда все успокоились, лейтенант снова повёл взвод на штурм дзота. Лишь только высунулись за опушку, из дзота открыли такой сильный огонь, что не оставалось для нас уже никакой надежды. К вечеру нашу роту перебросили на другой участок.

Сожжённая деревня

К двадцатым числам ноября до нас всё чаще стали доходить отрадные вести об успехах на нашем участке фронта. Совсем рядом от нас отбили деревню, соседи выбили немцев из дзотов — разжились шнапсом сигаретами и колбасой.

Пусть это были ещё весьма скромные успехи, но они радовали душу и сильно поднимали дух. Во всяком случае, нам стало ясно, что дальнейшее наступление немцев на нашем участке заткнулось. Дело явно клонилось к тому, что инициатива переходит к нам.

Как-то наша рота, направляясь на новый участок, проходила по территории только что освобождённой от немцев. Мы вышли из леса на большую поляну и остановились, не веря глазам: увидели, что стало с бывшей здесь деревней.

Перед нами лежал полностью разрушенный и сожжённый пустырь. Среди груд битого кирпича и пепла кое-где, как вопли, торчали остатки обгорелых печных труб. Больше там ничего не было. Откуда-то из-под земли к нам вылез старик в рваной солдатской стёганке и, сильно запачканная копотью, девочка лет пяти. Это были все оставшиеся жители той злосчастной деревни. Они рассказали, что немцы перед отступлением преднамеренно взорвали и спалили, полностью снесли с лица земли эту деревню, а жителей, всех до единого, как скот, угнали с собой, лишив крова. Всё это было сделано продуманно и без спешки. Открывшееся глазам зрелище содеянного было настолько печальным и жутким, что не укладывалось ни в какие прежние понятия о человеке. Потом я достаточно привык к подобному и много худшему, а тогда воочию впервые увидел эту жестокость ко всему нашему и нашим людям. Было нестерпимо больно, и рос гнев. Так всю жизнь и стоят перед

глазами тот первый мной увиденный несчастный старик и составившаяся девочка на фоне печальных, как призыв к возмездию, исковерканных печных труб. Вот оно, оказывается, что несёт нам хвалёная немецкая культура! Вот как проявляется её суть! А мы ещё недавно эту культуру любили. Я, например, (давно ли?), замирал в восторге от музыки Бетховена или стихов

*«Ein Mädchen stand am Meere
Und seufzte land und bang»...*

И. В. Гёте

*«Das Luft ist kuhl und es dunkelt
Und ruhig fließt der Rhein»...*

Г. Гейне

Как же мог этот народ опуститься до такой гнусности после всей созданной им же красоты? Куда-то прекрасное, что у них было, делось? Открывшаяся нашим глазам только что содеянная ими жестокость навсегда разрушила последние мои иллюзии о них, как представителей немецкой культуры.

Это сволочи. Безмозглые двуногие звери. Впрочем, зачем оскорблять зверей? Человек, теряя человечность, становится мразью, хуже которой нет, и не может быть ничего на нашей планете. Такое двуногое может обернуться Гитлером и многими другими подобными ему «иеху». Вместе с тем человек может возвыситься и до Джузеппе Верди, и до Рафаэля и до Льва Николаевича Толстого! Какой же позор, и какой ужас, когда власть попадает в руки подонков — и подонком становится умный и когда-то великий народ!

Катюши

Вскоре мне довелось увидеть залпы наших «катюш», о которых мы к тому времени уже много слышали. Это оружие тогда только начало появляться на фронте. В нём была наша надежда, и солдаты

его полюбили. В тот день мы лежали в окопах не遠далеке от опушки леса. Перед нами простиралась большая поляна, за ней лес, а за лесом — позиции немцев. День был пасмурный и не лётный. Вечерело. Перестрелка почти затихла. Вдруг «солдатское радио» сообщило, что сейчас к нам подъедут «катюши», их уже кто-то видел в лесу. Возбуждённые таким интригующим известием, мы, как ужи вертелись в окопах, и всё внимание устремили не столько в сторону фрицев, сколько на расположенный за нашими спинами лес. Какой солдат тогда мог пропустить столь знаменательное событие?

Наконец, увидели, как на опушку леса, чуть правее от нас, быстро выскочили три машины. На месте кузовов у них что-то торчало накрытое брезентом.

Быстро расчехлили брезент и оттуда выставились косо вверх самые обыкновенные рельсы, собранные в ряд. Мы замерли в ожидании. Не прошло и нескольких минут, как «заиграли» катюши. То есть, попросту, они стали очень громко рыгать, примерно так рыгает собака, когда подавится костью. Из рельсов выскочили огненные стрелы и густо устремились вперёд. Вся местность у фрицев вдруг ярко осветилась и воспламенилась, затем в наших окопах толчками закачалась земля, и мы услышали такой оглушительный грохот, какого не слышали никогда. У фрицев начался сплошной ад пляшущего огня и разрывов. Земля вместе с разными обломками и человеческим мясом взлетела вверх, воздух сотряс сплошной яростный рёв. Даже нам стало страшно и жутко. А что же делалось там?

Мы, оглушённые и потрясённые увиденным, долго не могли прийти в себя. Когда же пришли, нас обуяла мстительная радость. Мы в восторге обнимали друг друга, смеялись и матерились: «Что, Фриц, выкусил? Получил от Ивана! Это тебе не расстреливать из дзотов нас неумелых и голеньких! Видишь, кое-какая техника есть и у нас. Подожди, ещё и не то получишь. Ещё не раз пожалеешь, что припёрся к нам!»

Должен сознаться честно: жалости к немцам у нас тогда не было. Наоборот, — была радость! Достойная радость, которая так нужна была тогда всем нам. Когда оглянулись назад, оказалось, что катюши уже бесследно исчезли. Их очень берегли.

Немецкий блиндаж

В одну из ночей, когда мы с Моисеевым ползали по переднему краю, одна из рот нашего батальона выбила немцев из укрепленного рубежа. На следующее утро я мог впервые увидеть, что представляет собой немецкий блиндаж, правда уже прощупанный ребятами. Там было всё совсем не так, как у нас, и поражало своей основательностью.

Прежде всего, блиндаж был очень просторным. В нём с запасом можно было ходить в полный рост. Он был надёжно перекрыт толстыми брёвнами, взятыми из разобранного дома, — минимум в два наката. Пол тщательно застелен досками, тоже взятый из ближайшей деревни. Стены плотно забраны досками и аккуратно оклеены белой бумагой. С них глядели картинки из разных журналов — голые бабы и разная душеспитательная муть. В блиндаж ведёт ход с обшитыми досками земляными ступенями, который заканчивается дверью на петлях. Пол дренирован. Вода собирается в приемке, закрытом плотно подогнанной крышкой и удаляется из блиндажа насосом. Для обогрева блиндажа предназначена железная печка с трубой, выходящей наружу. Вдоль стен стоят кровати с матрацами подушками и одеялами. Посредине настоящий стол, на столе — карбитная лампа для света.

Вот они как живут! Хотят воевать с комфортом. По всем подушкам, матрацам и одеялам ползали стада огромных вшей. Вшей кишело тьма-тьмущая. Невдалеке от блиндажа валялись ещё не убранные фрицевские трупы, скорченные и жалкие в холодных натянутых на уши пилотках и тонких шинелях противного лягушачьего цвета. На ногах одного из убитых солдат было напялено нечто несуразное: толстенные «валенки» из соломы. Их тяжесть, неповоротливость и полная непригодность не вызывали сомнений. Вместе с тем было видно, что это не фантазия местного кустаря, а фабричное изделие Великой Германии для своих войск. Вскоре мы узнали от пленных, что такими «снегоступами» снабжали на ночь часовых, чтобы ноги не мёрзли.

Кстати о пленных. В то время они у нас уже стали водиться. Однако их надо было очень стеречь. Нет, нет — вшивые, скрюченные, посиневшие, жалкие, они, как правило, не пытались бежать. Мы так

стали ненавидеть фрицев, что их надо было охранять от нас. Очень трудно было сдержаться, видя эту ненавистную мерзкую форму, не пустить их по дороге в расход. У нас с этим строго боролись, и крепко наказывали, не давали воли.

Но что греха таить! Ребята не всегда их доводили до места. Немцы успели нам сделать столько зла и так подло себя повели, что ненависть к ним была очень понятна. Лично на моей совести греха по отношению к пленным нет. Я бы посчитал такое унижительным и не знаю, как бы смог потом смотреть своим детям в глаза. Вместе с тем я не берусь осуждать поголовно всех тех, кто не довёл тогда пленного немца до места.

Солдатские радости

Какие радости могут быть на фронте у солдата пехоты? Трудные, изнурительные марши, кровавые бои, тоска, страх, голод, холод, сырость, усталость, танки, снаряды, мины, пули, каждый день смерть, смерть и смерть! Где тут место для радостей? Но, как известно, человек так устроен, что жить без радостей он не может, — и чем труднее и горше ему, тем более он, как лепесток к солнцу, тянется к радости. В этом, наверное, великая мудрость природы и защитная сила каждого здорового живого организма.

На переднем крае солдаты, как дети, рады каждой спокойной, свободной от напряжения минуте, которые там столь редки. Допустим, захлестнулась очередная атака, понесли большие потери. Твои товарищи темнеют, уткнувшись навсегда в изрытый минами снег, а те, кто ранен, ползут в медсанбат. Те, кто уцелел, смертельно устали и огорчены неудачей. Обстановка куда уж хуже! Однако, не совсем так: живым живое! В ребятах ещё не остыла горячность боя, все крайне возбуждены, а главное — рады! Рады тому, что и на этот раз благополучно вернулись, рады тому, что живы. О, это большая радость! О тех, кто остался там навсегда, стараемся не говорить, делаем вид, что всё в порядке — завтра ведь каждого может постигнуть та же участь. По малейшему поводу и без повода громко смеёмся — нам очень хорошо сейчас!

Или другой пример: рота ночью на марше после трудного и кровавого дня. Далеко растянулась наша цепочка, но ты видишь лишь спину солдата, идущего впереди. Хрустит снег под ногами, кто-то кашлянул, кто-то звякнул котелком или лопаткой. Впереди, как всегда неизвестность, скорее всего бой. Вокруг тёмный, притихший лес, периодически озаряемый всполохами недалёкого боя. Плечи твои до боли намяты. В животе сосёт. Душа изнывает от желания закурить. Ноги совсем пристали. В тот момент, когда, кажется, нет уж мочи сделать следующий шаг — «Прива-ал!» Тут же, раскованный, валишься на снег и замираешь в блаженной неге. Чуть передохнув, лезешь в карман за кисетом с махоркой и чёткими, заученными движениями сворачиваешь закрутку, включаешь «катюшу» и — тебя греет сладостный дым. В этот момент ты истинно счастлив, и нет тебе дела до того, что отдых твой очень краток. Пройдут пять минут — и снова замаячит перед тобой, качаясь спина соседа.

А кухня? Сколько музыки для солдата в этом коротком и мелодичном слове! Утром кухню ждёшь ещё задолго до рассвета, ждёшь, как жизнь, как радость. Перед рассветом холод в окопе продирает до пяток. Как бы ни было тихо на фронте, спать всё равно не возможно: спина дрожит, ноги — ледяшки, холод выморозил все внутренности и все суставы. Ты вертишься, стучишь, друг о дружку ногами, трёшь руки, щёки, нос, куришь в рукав нещадно — всё бесполезно: нет тебе утром житья в окопе!

Солнце выглянет ещё не скоро. Спасти может только кухня, и ты её ждёшь с великим томлением. Наконец, пронеслась весть: приехала! Вот и термосы с супом. Старшина делит мёрзлый хлеб, сахар и сладкую водку. Суп из пшёнки удивительно вкусен, хотя, как всегда, его мало — съел бы, кажется, с ведро, не меньше. Тёплый котелок греет руки, тёплый суп впитывается, как амброзия, а водка согреет душу.

Тепло и сытость овладели душой и телом солдата, и стало ему хорошо. Послышался добродушный мат, смех, просветлели обветренные, умытые снегом лица. Праздник довершает горячий чай. В эти блаженные утренние минуты на фронте, по не писаному закону, обычно стоит мирная тишина. Все умышленно забыли, что она вот-вот взорвётся. Об этом в эти минуты не хочется думать. Не хочется нарушать этой радости и красоты. Но всё не вечно. К всеобщей до-

саде, над самым ухом неожиданно звонко брякает наша сорокапятимиллиметровая пушка. Теперь начнётся! Немцы отвечают, наши тоже, дальше — больше. И засвистели, зашелестели разнокалиберные, малые и большие, мины и снаряды. Всюду какофония, грохот разрывов. Летят комья земли, жужжат осколки. Миг радости окончен. Начался новый фронтовой день. В каждом из нас быстро совершается перестройка сознания — в течение каких-нибудь минут или секунд, смотря по обстоятельствам.

Очень редко, но удавалось развести костёр. Что это значит, знают лишь те, кто воевал в пехоте. Сейчас, после войны, я люблю помечтать у костра, и знаю, какую радость он приносит туристам. Наше военное костровое счастье, думается, было несоизмеримо выше. Даже охотнику в сибирской тайге костёр, полагаю, не дарит такого великого блага, как тогда нам на передовой. Костёр, как правило, можно было развести лишь в нескольких километрах от переднего края. В такой тыл мы попадали лишь изредка, после многодневных, тяжёлых боёв, когда нас оставалось совсем немного, похожих на тени из гроба, завшивевших, грязных и злых.

Лучше всего, когда день нелётный: ярко пылает большой костёр. Следим, чтобы кто по глупости не подбросил еловых сучьев. На короточках и, развалившись, греемся вокруг огня. Из всего лучшего, что совершил человек, самое великое благо, конечно, костёр. Костёр — это твой большой друг.

К жару подставляем спину, живот, грудь, руки. Быстро разувшись, греем ноги, сушим портянки. Запах от портянок сливается с ароматом горящих сучьев в густой ядрёно-бодрящий сытный дух, который вдыхаешь всем телом. От тепла зашевелились вши и принимаются нещадно кусать твоё тело. Раздеваемся до пояса и начинаем охоту. Нижняя рубаха и гимнастёрка усыпана, как бусами, гнидами и огромными серыми вшами. Их сотни, тысячи. Вшей мстительно сыплем в огонь, выжигаем нещадно, а тех, что остались, тщательно обрабатываем (давим) зубами — только трещат! Этим мы занимаемся подолгу. Выдрать всех вшей и всех гнид невозможное дело. В перерывах между этим основным занятием хлещем забористый чай. Сколько бак в эти минуты рассказывается у костра! Солдатских солёных разных историй и анекдотов, поперчённых

шуткой и матерным словом. Публики более благодарной не было, и нет в мире — всё находит живейший отклик и грохот молодого здорового смеха. Был бы только самый незначительный повод. Помню, как все хохотали, когда у меня от искры выгорели на задуватные брюки вместе с кальсонами. Все чуть не померли от смеха, а «советы» сыпались градом. У костра мы всей кожей впитывали мирные минуты, когда война велась как бы лишь против вшей, а та, проклятая, как бы забывалась. Теплели лица, и проступала в них на передний план хорошая человеческая дружба.

У костра мы часто мечтали и спорили о том, какая будет жизнь после войны, когда расправимся с Гитлером. Кара Гитлеру всегда назначалась суровая. Кто считал, что его надо подвесить за член на самой большой площади в Берлине. Кто предлагал запереть его в клетку и возить на показ всему свету. Все люди будут плевать в него. Кто кричал, что его надо запереть и заставлять всё время жрать, насильно жратву в пузо толкать, чтобы посреди собственной вони он лопнул, как жаба. Много высказывалось разных мнений. Спорили до хрипоты, уступать никому не хотелось. Общий вывод у всех был один: подлец за всё горе, что причинил людям, должен быть беспощадно наказан, чтобы впредь никому неповадно было. Свидетельствую: все твёрдо верили, что этот день возмездия придёт, и подлец будет наказан.

Ещё часто мечтали о жизни, которая наступит после войны. Она, конечно, виделась прекрасной. Ведь пройдя такую войну, люди, конечно, поймут, наконец, как хороша и прекрасна простая мирная жизнь: солнце, которое нас греет и нам светит, лес, из которого никто не стреляет. Нам представлялось, что теперьто, все убедятся, что война — это мерзость и подлость и навсегда её осудят. Высказывались, кажущиеся очевидными, мысли о том, что люди, пережив войну, оценят, наконец, в должной мере настоящие ценности жизни и отбросят, как барахло, ту мелкую суету, которой раньше придавали столько значения.

Да, много мечтали о будущей светлой жизни, и каждому хотелось до неё дожить, понимая, что это суждено далеко не всем. Тот, кто сейчас, у костра, самозабвенно вещает, что люди после войны поумнеют и что-то поймут, завтра, может, уткнётся навечно в снег.

А сколько ещё до конца этой бойни будет таких неизбежных «завтра», тогда ещё никто не знал. Не шибко мы брали в голову и здравую мысль Генриха Гейне: «История учит тому, что она ничему не учит».

Деревня Заболотье

Деревня Заболотье, расположенная перед самым Тихвином, досталась нам дорогой ценой. Мы начали её брать примерно с 21 ноября и атаковали непрерывно днём и ночью. К ней было не подобраться, так как со всех сторон открывается ровная, хорошо просматриваемая болотистая местность, лишь кое-где поросшая отдельными кустами. Немцы выдвинули пулемёты далеко вперёд и не давали нам головы поднять. А если мы поднимались в атаку, они забрасывали минами и расстреливали нас ещё на подступах к деревне.

Так продолжалось неоднократно до самого вечера 24 ноября. С каждым разом нас становилось всё меньше. Вместе с тем крепла ярость и безразличие к собственной жизни. Приказ был ясен: деревню взять. Должны взять мы и никто другой. Пока не возьмём, будем ходить в атаки. 24 ноября перед вечером нас собрали в лесу и ещё раз объяснили задачу. Было много выступлений и коммунистов. Выступали хорошо, затрагивали душу. От нас зависит судьба Ленинграда. В атаку шла не только наша рота, но и батальон, а может быть, и весь полк.

Нам всем надоело толкаться без пользы, умываясь кровью. Пора было с этим кончать. В тот вечер наступил перелом. Мы это почувствовали по общему настроению перед атакой. Все озверели ужасно.

Когда стало смеркаться, нас скрытно подвели к опушке леса. Отсюда в деревню шла санная дорога. Мы залегли в канаве, занесённой снегом. За нею метрах в семидесяти были расположены немецкие траншеи, выдвинутые перед деревней. Мы сделали себе снежные окопы. Лежим — вот-вот идти в атаку. Как всегда, перед атакой страшно. Резко всасываешь в себя махорочный дым, прощаясь с жизнью, уговариваешь себя, что всё дескать, трын-трава, чему быть, того не миновать. Тебя, дескать, не обязательно сегодня убьёт, скорее всего, ранит, а в окопе всё равно ничего не высидишь — ну, и всё такое прочее, чтобы соответственно настроить себя и приве-

сти чувства в порядок. Одновременно очень внимательно вглядываешься в местность, нацеливая путь своего броска.

В этот день Моисеева назначили командиром взвода, а меня замполитом, вместо погибших в недавних боях. На исходном рубеже атаки я, Моисеев и его связной лежали рядом. Наконец, взвилась ракета. Мы яростно вскочили и все разом бросились вперёд с таким дружным «ура», какого я до этого ещё не слышал.

Как и прежде, немецкие пулемёты встретили нас густым свинцом. Ребята валились на снег вокруг, однако сегодня все так озверели, что никто не дрогнул. Мы, как безумные, рвались вперёд, и наш рёв грозно приближался к немецким траншеям, вселяя в нас радость, а в немцев страх. Бежали огромными скачками с единым стремлением крушить и убивать, не помня себя от бешенства и восторга.

Я вижу, как впереди меня перестал строчить пулемёт, ненавистный мне до предела. Фриц-пулемётчик неуклюже выбирается из окопа, подхватывает свой М Г и хочет бежать. «Шалишь! Не удержись!» — вопит во мне животная злоба. Я выстрелом с ходу, почти в упор, втыкаю эту дёргающуюся мерзость в снег. Какое счастье! Душа ликует: наконец-то он теперь будет молчать! Хватаю огромный пучок металлических фрицевских пулемётных лент, поднимаю их высоко над головой, трясущими ими, пляшу от радости, наслаждаясь в злобном упоении их серебряным звоном. Это музыка моей дикой пляски. Кричу: «Ребята, вперёд! Путь свободен!» Бегу сам и, оборачиваясь, зову: «Вперёд, братцы! Фрицу хана!» Немцы в испуге бегут, а мы дружно мчимся к деревне вдоль дороги. «Боже! Ведь фрицы бегут! Какая великая радость, какое блаженство дожить, наконец, до этого дня!» Тут слева, в темнеющем воздухе, вырвалась строчка трассирующих пуль. Моисеев упал чуть впереди меня, как споткнулся. И его связной тут же клюнул за ним. Я бросился к ним и, лишь наклонился, почувствовал сильный удар в левый бок, как с размаха оглоблей, — и в то же мгновение провалился в беспамятство и мрак. Помню только, что падал не прямо на них, а разворачивало вправо.

Очнулся я, по-видимому, не скоро. Была уже ночь. Я лежал на спине, на самой дороге. Над головой, не выше метра, полметра, мелькала густая сеть трассирующих пуль. За ней не было видно неба. Ноги беспомощно омертвели. Я их совсем не чувствовал и двигать

ими не мог. Подо мной мокро от крови и блаженно тепло. В тазу — тяжесть Первым делом, конечно, ощупал живот — кишки, слава богу, на месте. Мы больше всего боялись ранений в живот. Живот цел, значит, похоже, ещё жив курилка!

В это время рядом со мной стали рваться восьмидесятимиллиметровые мины. Обстрел длился долго. Я все силы потратил, чтобы перевернуться на живот. Несколько раз терял сознание. Затем, преодолевая резкую боль в спине, при первой возможности, вполз для безопасности в ближайшую ещё дымящуюся воронку. Понял, что, видимо, и позвоночник у меня цел. Значит надо искать пути к жизни. Стал внимательно наблюдать, что вокруг. Вблизи никого. Моисеев и его связной, которые должны были бы тут же лежать, исчезли. Бой идёт впереди, перед самой деревней. Там слышна стрельба и наше «ура». Так продолжалось довольно долго. Потом стало, похоже, что немцы стали наших теснить. Шум боя и крики фрицев стали приближаться ко мне. А я лежал совсем беспомощный, — и вот тогда мне стало страшно. В отчаянии я стал громко стонать, чтобы привлечь чьё-либо внимание, чтобы забрали меня отсюда. Тщетные усилия!

Тут (какой уже раз!) судьба мне подарила радость: наши снова пошли вперёд. Похоже, что гонят фрицев. Горит деревня! Ну, уж если горит деревня, это явный признак, что оттуда драпают фрицы. Значит, всё-таки выбили мы их оттуда! И мне судьба дала дожить до этой счастливой минуты. Надо позаботиться о себе, наконец. Между тем над головой то и дело мелькают трассирующие пули. Место открытое, воронка мелкая. Пора отсюда смываться подальше.

В темноте, озаряемой трепетным светом ракет, светящимися трассами и вспышками разрывов, показался раненный боец. Он бежал зигзагами в санчасть, зажав в ладони простреленный подбородок. Я его подозвал к себе. Это был настоящий, кадровый парень. Сам, обливаясь кровью, он без звука подполз ко мне. Я протянул ему винтовку, двумя руками вцепившись в приклад. Он вытащил меня из того гиблого места и оттащил до самых придорожных кустов. Там силы нас обоих оставили, и он ушёл, сказав, что пришлёт санитаря. Спасибо тебе, неизвестный друг, за то, что ты оказался Человеком! Немного придя в себя, увидел двух казахов, направляющихся перебежками в

тыл. Они никак не хотели подойти ко мне, так что пришлось пригрозить, что застрелю. Выяснилось, что им якобы нужно на К. П. батальона, но они заблудились и не знают теперь, где он.

Я нахально взял на себя руководство, соврав, что мне тут знакомы вдоль и поперёк все пути. Ребята подняли меня, взяли под мышки и поволокли. Чтобы не бросили, я сам старался двигать ногами. Как это мне удавалось — теперь не понять. Одна ещё кое-как шевелилась, вторая же волочилась, причиняя на каждом шагу нестерпимую боль. Скрипел зубами, но не подавал им вида. Куда их вёл, сам не знал, помню только, что вёл твёрдо, не допуская каких-либо сомнений.

Так мы втроем, в конце концов, вышли на дорогу почти у опушки леса, туда, где начинали атаку. А в деревне за нашей спиной шёл ожесточённый бой. На поляну, по которой мы шли, немцы часто бросали мины. Пламя над деревней всё более разгоралось. Было ясно, что на этот раз наша взяла, и мы выбили фрица.

Перед опушкой леса навстречу нам неожиданно вынырнула группа бойцов с командиром. К моей радости оказалось, что это ячейка управления нашей роты с самим комроты. Ребята тотчас узнали меня и кинулись отбирать у казахов. Приспособили плащ-палатку, положили меня на неё и четверо подняли за концы до плеч. Все спешили оказать мне помощь, но я твёрдо настоял на том, чтобы ребят-казахов, вытащивших меня с поля боя, тоже взяли с собой. Им и вручили нести всё наше оружие. По дороге все откровенно завидовали мне. Говорили, что я счастливчик: попаду теперь в тёплый госпиталь, будут меня сёстры кормить котлетами и лелеять, а выздоровею, — так война, глядишь, уже и кончится. Я исполненный сознания своей незаслуженной исключительности и счастья, скромничал, не задавался — мне было всех их очень жаль.

Меня едва успели положить на санки, которые уже тронулись в санчасть. Они доверху были набиты нашим раненым братом, так что я там стал вроде положенного сверх меры довеска. Как довели до санчасти, не помню, так как свешивавшиеся ноги задевали, чуть ли не за каждый куст, и я, к счастью, сразу потерял сознание, что меня избавило от боли. Санчасть представляла собой большую брезентовую палатку с предбанником, в котором и около которого тесно были

уложены на носилках и без носилок, раненные бойцы. Здесь мы ждали очереди. В другом отделении палатки, уставшие от бессонницы, измученные врачи делали операции и обработку ран.

Врачи ошибочно определили, что в меня впился осколок, и долго щипцами, без анестезии, пытались вынуть его. Как ни странно, я не орал, когда в рану толкали щипцы. Только чуть не сломал зубы и терял сознание. Доводись это в другой обстановке, — воображаю, сколько бы было крика! После обработки меня на носилках погрузили в крытый брезентом кузов машины и повезли на железную станцию в Череповец. От тряски я почти не приходил в сознание. Ночью нас погрузили в санитарный поезд, в котором довезли до станции Сокол (недалеко от Вологды).

Здесь я, прямо с передовой, попал в самый настоящий, рай, ничем не уступающий, небесному. Такой там был контраст с недавней действительностью. Кстати и пора было! Мои ноги к тому времени были на грани гангрены из-за обморожений. Так что, если бы ранение опоздало ещё на несколько дней, я был бы уже без ног или в ином мире. Врачи-хирурги с ходу порешили, чтобы избежать гангрены, отрезать до половины ступни обеих ног. Я не дался, и, как видим, хорошо сделал. Ранение закончило мой тихвинский период войны. Там у нас, бойцов, не было на руках никаких документов. Мы не писали и не получали писем. Единственная почта, которую получали, была газета «В бой за Родину». Она мигом шла у нас на закрутки.

ГЛАВА V В ГОСПИТАЛЯХ

...закучивавши
...сегодняшнего же
...как-то ~~не~~ было
...в подсознании
...я живо представляю

...вская, ...
...расьевищу
...НОМУ
...ого, Сокол
...е
...что тебе тяжело
...и завтра сейчас вми
...рапорт больше. А
...таком виде, как до.
...закучивавши.
...24/11. Маме, папе, маме
...Милоша! Давненько вы не пи-
...меня не позвали. Наверное,
...от хороших людей. Вы на-
...и пишете. а пишу. Не пиши
...это не знает, что все это время вы на-
...ваша работа, а отсюда писать не
...передавать, а отсюда писать не
...было никакой возможности. Увидел я
...на будниче. Сейчас лежу ранен в руку
...набивать и отколотые швы в ногу. Говорю
...Колосов где-то не знает. Скоро, навер-
...так через месяц, буду здоров, как и
...в чем не бывало. Лечу в госпиталь, а
...госпиталь эвакуированный - большая ограда
...всего отравляется газом. Возвраща-
...сейчас поженено отравлено. Возвраща-
...все обиднее для вас как
...все к папе. Все обиднее для вас как
...все к папе. Все обиднее для вас как
...Милим мы на отравлен не в адр как
...условия - с вами поженено, а не
...в трандаки я бы доми папу, а за
...вы - амбулатории врачи и т.д., а за
...никакая работа не бер-
...кашей, ни налившей -
...востри налившей. Ко
...мы не сме а трам.
...и поженено. 24/11
...пож. 24/11. Будущее пред-
...оказно. Буду пред-
...на работе. Не могу
...техникой. Не могу
...наше дело. Не могу
...получил, беспомощность
...фронт уже и к Сиб.
...ли вам еще - лево в Сиб.
...можно сплести, не могу
...не могу. Не могу
...дело перед глазами. Не могу

1.12/1
Впервые от вас
московскую раз
откры-

24/11-41
ПОСЫЛАЕТСЯ БЕЗ МАРКИ
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
ПОЛОВОЙ ЦЕНЗУРЫ
75
"ПОЛЕВАЯ ПОЧТА"
Краснодарский
г. Армавир
Указывать: фамилия, имя, отчество
Воспрещается указывать: название фронта, области
Кому: Михаилу Тихоновичу Тарасову
Указывать: фамилия, имя, отчество
Вологодская
1 отг

Сокол

Итак, мне предстоит теперь длительно нежиться в госпиталях на радость маме. Там нас встретили такой заботой, что сегодня об этом нужно во весь голос сказать. В то трудное время в тылу было голодно, холодно и неприглядно. Но какой же щедрой тогда была душа человека!

Недавно, впервые после войны, я лежал две недели в одной из «престижных» больниц Ленинграда. Туда многие рвутся лечь «по благу», используя связи или иные, модные ныне пути. Так вот, я должен сказать, что этот современный шедевр в прекрасном здании, с шикарным оборудованием, телевизорами, модными сёстрами-красавицами и коврами не годится даже в подмётки тем скромным госпиталям, в которых мне приходилось лежать в войну.

Да, — тем перегруженным ранеными, наскоро оборудованными в школах, с замученными врачами и голодными, смертельно уставшими сёстрами, в период всеобщего горя, разрухи — в самый тяжёлый период для нашей страны!

Никакая сверх совершенная аппаратура, телевизоры и ковры не заменит душевную заботу. Равнодушные пудрой и накладными ресницами не скроешь. Даже кормили нас в те голодные годы намного лучше! Те без корысти отдавали сердце и душевную теплоту. Этим, работающим только за деньги, тех не понять.

Есть над, чем поразмыслить, если сравнить в этом плане наше сегодняшнее и ушедшее военное время. Есть за что принести всем медицинским работникам, столько добра сделавшим в годы войны, наш глубокий солдатский поклон и сердечную благодарность.

О жизни в госпиталях, наших чувствах и настроениях в те годы пусть расскажут мои письма к родным.

Из письма от 27.11.1941года. Вологодская обл., г. Сокол, п.я.2, палата4.

«Дорогие! Давно вы не получали от меня писем. Может быть, уже и похоронили меня? Ан нет, не выйдет: я живучий! Не писал лишь потому, что отправить что-либо с передовой не было никакой возможности. Учтите это на будущее. Я легко ранен. Кость не задета. Скоро буду здоров. Наш госпиталь эвакуировоч-

ный: отсюда отправляют дальше в тыл. Постепенно отогреваюсь и возвращаюсь к жизни. Все обыденное воспринимаю как новое, сочное, необычное. На передовой, мы жили в не ахти каких условиях. На гражданке в таких условиях я давно бы подох: простуды, поликлиники, врачи... На фронте не брала ни какая хвороба: ни кашлей разных, ни насморков — удивительно выносив человек!

Кормили нас хорошо. Впрочем, мы там не ели, а жрали. Курю тоже жадно и много. Ранило меня 24. 11. в атаке на деревню под Тихвином. Действовал на фронте, вроде, не плохо, очевидно, буду представлен к награде. Немцы сильно превосходят нас техникой, поэтому- то так трудно. А народ у нас очень хороший. Теперь я знаю, что такое фронтовая дружба. От вас никаких вестей не имею и очень о вас беспокоюсь, тем более что фронт подходит к вам».

Из письма от 01.12.1941 г., г. Сокол.

«Предыдущее письмо я отправил вам впервые часы после прибытия в госпиталь. Теперь пора рассказать, как и что, только это трудно сделать. Разве только после войны, если придется. В письмах — бесполезный труд. Первые два дня в госпитале я, как одичавшая собака, вновь попавшая к людям, с удивлением приглядывался к людским нравам и обычаям, начиная с простыни, кровати и кончая умыванием и бритьем. Меня долго сестры отмывали в бане. Все старались отмыть руки, грубые, как копыта, да так и плюнули на это дело. Постепенно, но очень быстро и бурно, все ранее привычные ощущения проснулись во мне. На фронте было не до того.

Если можно так выразиться, «гражданское ощущение жизни», там было заглушено и запрято как природа за темным окном в поздний вечер. Это трудно представить вам правильно, чтобы понять надо либо там побывать, либо мне рассказать вам очень многое живыми словами.

В общем, на фронте своя жизнь, такая, какой она и должна там быть. Ничего исключительного нет: люди везде люди, только их быт и нравы соответствуют тем условиям, в которых живут. Попадешь в эти условия и сам становишься таким же — и это естественно. Однако если посмотреть со стороны, тогда действительно покажется, что наша жизнь там была очень трудна и груба. На самом деле это было иначе, потому что приспособляемости человека нет границ. Сейчас мы вверены попечению сестер, которые нянчатся с нами, как девочки с куклами, забывая, а вернее не зная, с кем дело имеют. Например, семнадцатилетняя сестричка говорит здоровенному бойцу, насквозь пропахшему махрой и пропитавшемуся матом, убивавшему своими руками других людей:

«Миленький, дай подниму тебе ножку!». Однако, удивительно: мы в госпитале всего четыре дня, а нас уже не узнать. Мы так расслабились и так разнежились.

Выматериться здесь просто невозможно — и не матерится никто. В данной ситуации такое нежное обращение сестричек представляется естественным и единственно возможным. Все мы вдруг стали детьми. Кто ранен полегче, принял свой прежний облик с примесью детства, а от суровой фронтовой мужественности не осталось и следа. Боец, который будучи раненым своими силами выбирался с поля боя, да еще, может быть, и друга на себе тащил, теперь «капризничает», вытянув губы, как в детском саду. Мне врачи через несколько часов после ранения пытались вытащить пулю из раны, нещадно теребя, без замораживания, зонд. Я ведь не пикнул — только потел. А сейчас..., сейчас, думаю, буду визжать, как откормленный поросенок. Так что и я сегодня уже не тот, и не могу уже правильно описать вам передовую: это описание было бы тоже уже со стороны. Чтобы покончить с госпиталем добавлю: я понемногу начинаю ходить — пока с помощью костылей. Ни сегодня–завтра костыли брошу. Кормят нас очень хорошо: питательно, разнообразно и вкусно.

Итак, продолжаю про фронт. В конце октября нас перебросили под Тихвин. Везли по Ладоге на небольшом старом «корыте». Ночью разразилась буря с бортовой качкой. Чуть ли не каждая волна переливалась через борт. Суденышко скрипит, кто-то катается по палубе, все мокрые до костей, темная ночь — ни зги! Испугаться не мудрено, особенно впервые попавшему на судно, особенно, если от качки выворотило наизнанку живот. Кто-то заорал: «Тонем!», я тогда впервые услышал, как звучит голос объятых безумным ужасом человека. Во избежание паники кое-кому затыкали рты. До места добрались благополучно, и скоро уже были на передовой. Еще раньше, придя в часть, вышедшую из боев, я поразился грязному виду бойцов и плохой их заправке. После понял, что одно дело — ходить с песней по Невскому проспекту и совсем другое — на фронте. Сам я вскоре стал, заправлен еще хуже других и лишь постепенно выравнился до общего уровня.

Существует мнение, что первый бой наиболее страшен: боишься свиста пули, пригибаешь голову и так далее. Может быть, это и так, но я пережил первый бой иначе. Мы атаковали. Пулеметчики не всегда ходят в атаку: мы поддерживаем стрелков огнем с флангов. По пулеметным точкам противником ведется наиболее интенсивный огонь. Так вот: был, как пьяный, страха не было. Пули свистели, но я не особенно прятался от них, тем более не пригибался от каждой. Все было очень острым и любопытным. Поминутно жрал и глотал снег, обуял го-

лод, и все время хотелось пить и курить. Немцы были от нас на другой стороне речушки, метрах в ста пятидесяти. Кругом лес. Сначала дело у нас пошло, казалось, неплохо: немцы отступили, слышалось наше «Ура», всю строчили наши пулеметы. Я зачем-то несколько раз бабахнул из винтовки в воздух. Меня только неприятно поразил наш лейтенант, который гнал наганом вперед нескольких не весьма храбрых бойцов.

Потом как-то все изменилось. Немец вдруг дал такой сильный огонь, что наши не вынесли и начали отходить. Стали стрелять его минометы. В воздухе резко запахло гарью и кровью. В первый раз в жизни я увидел раненых и убитых, вот тут-то и почувствовал я омерзение и необъяснимый ужас. Мы, пулеметчики, не сошли со своих позиций, и немец контратаковать не посмел. Был я на этом участке еще долго. Ни раз ходил в атаку, наступал под минометным обстрелом, под орудийным, был под обстрелом с самолета, под авиабомбёжкой, стреляла по мне какая-то скрипучая машина, которую из наших лейтенантов никто не встречал (шестиствольный миномет (Г.З.), но никогда больше не находил на меня такой ужас и страх, который охватил к вечеру того первого дня.

Во втором сражении я был куда более боязливым. Я как бы понял и увидел воочию, что на самом деле означает этот якобы безобидный свист пули и что он несет. Это похоже на то, как ребенок сперва возится с огнем, как с безобидной игрушкой, а потом, когда обожжется, становится излишне пуглив, еще не зная, как с ним обращаться. Поймите правильно: во втором бою я не приседал при каждом «вжике», не лежал ничком, потеряв память (это у нас встречается, что греха таить!), но уж слишком был осторожным, где надо и где не надо. Это тоже вредно на фронте, тем более тогда, когда надо быстро действовать, а не прятаться и мямлить.

Со временем я обстрелялся и нашел нужную меру. Так открыто, как в первый день, я немцу теперь не покажусь, зато знаю, когда нужно спрятаться, а когда скорее — вперед».

Из письма от 03.12.1941 года, г. Сокол.

«В связи с войной жизнь так сбилась с колеи, так спуталась, столько людей и семей попало в жернова неразберихи, горя и бедствий! Я помню ваше последнее, полученное мною письмо (от 2.09.1941г.). Вы писали, что у вас все хорошо, и продукты есть и все дешево. Расспрашивая раненых, сестер и нянь, я узнал, что в ваших местах много эвакуированных. Смысл этого только сегодня до меня дошел в отношении вашего материального положения...

Я знаю, что немцы уже были на окраинах Ростова. Очень приятно, что сейчас их гонят оттуда. Вы внимательно следите за событиями и не будьте беспечны. В случае чего — эвакуируйтесь. Я заранее дал вам адреса моих друзей в Сибири, Архангельске и Ленинграде. Так что после войны найдем друг друга. Пишите скорее, очень жду».

Березники

Из письма от 26.12.1941 года, Молотовская обл., г. Березники, п. я. №21, 6 отд. ЭГ 3129. (Помещался в школе им. Горького)

«Наконец-то окончились долгие мытарства по железным дорогам. Ехал с 16.12. по 25.12 — девять суток! Приехал к чёрту на куличики — в г. Березники. Рана скоро заживёт. Пуля сидит и, когда хожу, ещё беспокоит. Обморожения на ногах проходят. Скоро меня назначат на рентген, чтобы определить месторасположение пули. Если она не очень глубоко, то вытащат. Самочувствие хорошее, аппетит зверский. Кормят здесь хорошо. Нормальному человеку этого бы с избытком хватило, а мне мало. Вот так обстоят мои дела...

...Писем от вас ещё не получал. Я проезжал по глубокому тылу, кое-где на станциях даже выглядывал из вагона, чтобы увидеть, как люди живут. Похоже, что здесь, в общем, жить можно, хотя и дорого всё...

...Радостно слышать о наших наступлениях и о наших успехах. Некоторые бойцы у нас радуются, как дети, строя самые восторженные предположения о сроках полного изгнания немцев — через месяц — два! Гляжу на них, и не верится, что это люди, недавно прошедшие суровую школу фронта. Казалось бы, у них есть все основания полагать, что не всё так просто, как хочется. Как бы там ни было, дух бойцов теперь будет другим: гораздо более наступательным.

Если бы вы знали, как это много значит на фронте! А уверенность в своих силах! До этого мы очень часто наступали с предвзятым мнением, что не будет успеха. Распыляли свои силы по мелочам. А когда мы выдыхались, тут немец и наносил нам удар, сконцентрировав в кулак в нужном месте все свои силы. Я очень рад, если мы, наконец, сумели овладеть этой премудростью и, что теперь мы тесним его!

Начиная от города Кирова, затемнения нет. Видеть это с непривычки странно. Удивительно красиво выглядят ночью огни приближающегося города.

У нас в госпитале хорошо. Он насквозь пропах и глубоким тылом и фронтом не первой свежести. Эта смесь запахов создаёт ту комнатную, но весёлую и содержа-

тельную среду, в которой мы чувствовали себя, как рыба в воде. Правда, мы пока ещё плохо плаваем, да и бороды у нас большие, но наши движения с каждым днём становятся всё увереннее и твёрже.

Здесь замечательная библиотека. А вчера был концерт. Большие всех нам понравился хохолбандурист, певший под бандуру шуточные украинские песни. Желаю вам всего наилучшего!»

Из письма от 1.01.1942 года г. Березники.

«С новым годом, мои дорогие! Как его провели, звенели ли рюмки, было ли что на столе, играл ли папа на скрипке?

Человек есть человек, поэтому, что бы ни совершалось, а праздновать новый год так же необходимо, как есть и пить...

У нас в новом году тоже был праздник. Хотя добродетельные дяди-доктора и тётки-сёстры и не допустили на нашем столе столь опасного для здоровья спиртного, тем не менее, несмотря на такую невинность, (а может быть, как раз благодаря ней), наш праздник прошёл очень мило. Ещё за два дня до праздника усердные няни дочиста вымыли и выскребли решительно все подоконники, нас больных, все укромные уголки и ночные горшки. Те же сёстры и няни сытно накормили котлетами с какао — и, наконец, наступил час торжества!

В зале водрузили парадный стол, крытый красным сукном. Стол был сервирован членами президиума, выглядывавшими из-за стола с достоинством президентов. В зал высыпало всё наше беситанное кальсонное войско, выставив на яркий электрический свет, всё разнообразие наших халатов, отливающих всеми возможными и невозможными красками.

Те, кто не был, как мы, в курсе дела, могли бы, сдуру, подумать, что запахло днём страшного суда, — так как на праздник явились все: и безногие, и безрукие, и хромые, и слепые — все, кто мог добраться сам или с помощью друзей. Действительно, запахло бы страшным судом, если бы не общее блаженство на лицах, весёлое настроение и абсолютное отсутствие намёка на что-либо страшное и жестокое в самом воздухе этой встречи. Как водится, сначала были длинные речи: очень содержательные умные и горячие. Выступали делегаты от заводов, медперсонала, рабочих, школьников, пионеров, артистов и от нас бойцов. Большинство ораторов, увлечшись, так и забыли поздравить нас с новым годом. Мы, конечно, всем им радостно хлопали, когда они кончали. Затем президиум торжественно покинул свои места, и нас вручили школьникам. Милые девочки, большие и маленькие, пели, играли на рояле, читали стихотворения, рассказывали из Зощенко, Чехова и других.

Глядя на девятиклассниц, до меня вдруг дошло, что и ты, сестренка, уже девушка. Целый вечер я поражался этому открытию, столь неожиданному для меня. Как быстро время бежит! Потом маленькие девочки пошли спать, а самые старшие (9–10 классы) остались. Концерт сделался более всамделишным и солидным — с участием настоящих артистов театров Ленинграда, Молотова и Березников. В самом начале, а именно при выступлении солиста Ленинградского Ордена Ленина оперы и балета им. С.М.Кирова — некоего тенора Белугина, на нас пахнуло такой серьёзной солидностью, что это сразу стало заметно на лицах слушателей. Лица у всех вдруг сразу вытянулись, как и подобает в данных случаях. Но тенора скоро убрали, и снова стало весело и легко на душе. Несколько часов мы с удовольствием слушали прекрасные русские песни, которые исполнялись неплохо, а главное, искренне, как говорить с душой. Концерт закончился огненными плясками и танцами под джаз курсантов Ленинградской пехотной школы имени С.М. Кирова. Хороший джаз!

Пели цыганичину — и очень неплохо. Лично я получил от цыганичины истинное удовольствие. Наконец, — пора и честь знать, артисты ушли, награждённые заслуженными аплодисментами, нас развели по палатам. Тут на нас набросились барышни и стали наделять нас подарками, прилагая к ним улыбки и сострадательные взгляды. Девушки были молодцы. Они потратили на нас много времени, возясь с подарками от самого чистого сердца. Да и сами подарки были хороши. Представьте себе на минуту, как перед моим вторым гастрономическим «я» вдруг предстал, как агнец перед волком, этакий пухлый кулёчек, наполненный — чем бы вы думали? — пряниками!

Тут немедленно включились в дело наши сёстры — раздают чай! И от наших аппетитных кулёчков мигом остались только приятные воспоминания и ... кулёчки.

А смогли ли бы вы понять то блаженство, с каким мы разглядывали и обнюхивали душистые носовые платки, конверты с писчей бумагой и карандаши! Впечатлений у нас было много, и это письмо, учтите, частица полученного мною подарка. После того, как мы попрощались с шефами, вечер продолжался в более интимной обстановке. Сёстры устроили для нас разные игры. Мы удили рыбку, которая без промаха ловилась с помощью тех же сестёр, нацеплявших что-либо вкусное или интересное на твой беспомощный крючок. Мы с завязанными глазами ходили с ножницами и пытались срезать разнообразные подарки, висевшие на нитках. Сёстры, как ангелы-хранители, направляли наши действия громким шёпотом, а то и более спасительными средствами. Так что нам всегда улыбалась

удача. Вообще, наши сёстры проявили в этот праздничный день много энтузиазма и самоотверженности: попробуйте столько повозиться с нами, калеками, когда новый год, во дворце культуры танцы, бал–маскарад, когда... существуют миллиарды «когда», самых красочных и разноцветных, как брызги фонтана, перед молодыми глазами наших милых и добрых сестёр!

Наш новогодний бал закончился танцами — фокстротами и вальсами, исполненными для нас теми же неутомимыми сёстрами. Из всей нашей братии «больных» могли танцевать лишь немногие счастливицы, имевшие исправные ноги и, как полагается мужчинам, — штаны. Вся остальная наша кальсонная братия только добродушно завидовала этим счастливицам. В числе этой кальсонной братии был и я. Хотя мы и «больные», но не лишены мужской гордости: танцевать в кальсонах с барышней, сами понимаете, как-то неудобно. В час ночи мы, довольные и весёлые, оживлённой толпой направились спать.

Так прошёл у нас новый год, год, озарённый нашим успехом. Я, конечно, кое-что здесь нахулиганил и извратил, но ведь сегодня — день нового года! Мы все, стало быть, новорождённые, а с новорождённых — какой же спрос! С новым годом вас! Желаю счастья!»

Из письма от 11.01.1942года г. Березники.

«Милая мама! Писем ваших я всё ещё не получил. Слабая надежда на то, получу, ещё есть: может быть, сюда из города Сокола переишлют.

Как ты живёшь? Думаю, что тебе очень трудно. Многим сейчас невероятно трудно. Человечество пока устроено так, что причиняет себе столько страданий, сколько не смогут причинить любые самые напугающие стихийные бедствия. Если оглянуться на историю человечества со времени появления этого двуногого существа, то одновременно с величием человека мы увидим, что вся его история отравлена войнами и всюду ими воняет. Чем свежее пласты истории, тем сильнее и отвратительнее прёт от них этот запах.

Но, вот мы разворачиваем одну из книг, написанных об этой самой истории. И что же? Там эта мерзость подаётся отнюдь не как вонь, а чуть ли не как благоухающий патриотизмом аромат, восхищающий и умиляющий глубокомысленного безвольного автора. На учёного дядю, просидевшего жизнь в мягком кресле, она навевает возвышенные мысли и благородные чувства. Дядю охватывает священный восторг, его перо спешит, прыгает по бумаге. Такие слова, как «героизм», «подвиг», «патриотизм», «покорение», «завоевание» — так и сыплются из-под пера. Взять бы этого «дядю» за шиворот, надеть на него ботинки с обмотками, да и сунуть в

самое некло, как нашкодившего кота, как бы он ни пищал и не упирался, — пусть почувствует на своей шкуре всю гадость войны и всю её мерзость.

Когда насмотришься мерзостей войны, невольно напрашивается мысль, что люди — болезненный и вредный народ на здоровом теле земли. Такие мысли, к счастью, бывают у меня лишь иногда, и никогда они ещё не поколебали конечной уверенности в хороших сторонах человека. Правда и то, что такого собирательного «человека» реально не существует в природе. Есть одни, есть и другие люди. Даже самая отъявленная сволочь, если её внимательно повертеть, и та, наверное, не лишена каких-нибудь хороших черт. С такими я сталкивался, например, среди заключенных на стройках. Хороших людей, по крайней мере, не меньше, чем плохих. Да и воюют люди всё-таки меньше, чем живут в мире. Вместе с тем, никуда не денешься, — сколько замечательных дел совершено человеком! А эта всегдашняя неудовлетворённость достигнутым, вечная жажда и стремление к лучшему — это свойство присуще человеку, и за это его нельзя не уважать!

Если известно, до какой неимоверной низости может прийти человек, то не менее известно, каким он может быть великим и благородным. Так же, как человеческое общество, само того не желая и не сознавая, порождает мерзость, точно так же, не сознавая, порождает оно и хорошие дела.

Во время войны реально ощутил, что я неотъемлемый член общества, и моя собственная воля и мои поступки подчинены, главным образом, не мне, а тому мощному потоку, который подхватил меня.

Поймите правильно: я и раньше это знал умом, об этом читал, этому нас учили — но теперь почувствовал это физически, как чувствуют зной или холод. Почувствовал также разницу между жизнью отдельных людей и жизнью общества. Законы жизни общества, ещё не известные мне, — совсем не собрание жизней отдельных людей, а нечто совсем другое. Я, конечно, изучал марксизм, но, видимо, плохо, так как многое из того, что происходит в современном мире, я объяснить не могу. Не удивляйся, мама, что я тут столько «нафилософствовал», — знаешь, это потребность. На передовой нам не приходилось думать, а больше действовать. Я весь полон впечатлениями. В госпитале первое время постепенно приходишь в себя, а затем спешишь ощущать новую жизнь. Однако вскоре становится необходимо как-то переварить увиденное и пережитое, навести в мыслях какой-то порядок. С жадностью набрасываешься на книги, стремясь в них найти ответы. Кое-что в них находишь, конечно, — но это лишь крупницы того, что искал. Остальное же там сегодня не то... И тогда (а что делать) пытаешься сам соображать. Вскоре убеждаешься, что и здесь, кроме всем известных прописных истин или глупостей, тебе

тоже ничего не светит. Опять всё оказывается совсем «не то». Но в душе раскалённым камнем жжёт что-то «то» и настоятельно требует выхода наружу. Чёрт его знает, чего ему надо и что оно есть, это проклятое «то»! Всё это характерно отнюдь не для меня одного. Война производит с нами такую встряску, что люди тоже встряхиваются, и встряхивается плесень, покрывавшая их. Волей или неволей мозги начинают делать то, для чего они предназначены. Это полезный процесс. Мне всегда казалось, что наше поколение не умеет мыслить...

Мама! Я знаю, какое горе я тебе и всем причинил. Конечно, я вполне мог и не идти на фронт, а продолжать учиться. Я тебе уже писал, что не мог иначе и поступил так не потому, что забыл о своём долге перед вами, а именно потому, что не забыл, — это, во-первых. А во-вторых, я же ведь русский, да ещё и хохол.

Либеральным благодушеством и болтовнёй о справедливости немца не разобьёшь. Это мерзкая, очень упорная, умная и, к сожалению, пока ещё лучше нас вооружённая тварь. С ними, пока они на нашей земле, надо быть тоже очень жестокими, иначе их не проймёшь! Нужны твёрдость, отважность и мужественность. Я знаю, конечно, что есть и такие сейчас, что попрятались по углам и окопались в тылу. Таким нет дела до того, что нас ждёт впереди. Среди этой публики я лично знаю таких, которые ещё недавно больше всех кричали, били себя в грудь. Со свойственной им наглостью и бесстыдством они ещё не так давно лепили, чуть ли не предательство тем нашим ребятам, которые, имея честность и ищущий ум, подчас выступали на комсомольских собраниях с мнениями, казавшимися сим «пескарям»шибко крамольными.

Что же теперь?

Многие из тех, которых эти пескари оплевали, давно добровольно ушли на фронт, а пескари, спрятав нежное брюхо за ширмой «важных работ», засели в тылу по тихим углам. Как бы благополучно ни устроились эти люди, какой бы завидной ни представлялась их участь, это вовсе не значит, что им следует подражать. Поэтому зло часто брало, поэтому работать вместе с такими желания не было: пачкаться не хотелось. Сейчас, когда пришла такая опасность, — не в них надежда. Может быть, и удастся их вытащить на солнышко после войны, но едва ли: они скользкие, — увернутся! Сейчас нечего на них смотреть: надо брать оружие и спасать страну. Позорно, когда от фронта прячется пескарёк, но на то он и пескарёк. На фронте от него тоже будет мало толку. Неизмеримо позорнее, когда в такой момент станет прятаться честный — ведь он, то и нужен на фронте. Вот почему, дорогая, как мне ни было тяжело и страшно, но я пошел. Может быть, я ошибаюсь, считая себя честным, но, по крайней мере, я хочу быть таким. Ты разве хотела бы, чтобы твой сын был подлым?

Или, допустим, тоже подлым? Хотела бы, чтобы все эти женщины и дети, испытывавшие беду, неприязненно смотрели на молодое, свеженькое и весёлое лицо твоего сына? Может случиться, что немец дойдёт и до вас. Будете ли вы иметь право на защиту, если бы я, например, пребывал в безопасности в такое время?...

...Я так ещё и не получил ни одного письма от вас. В Ленинграде сейчас тяжело. Кто знает, учатся ли мои товарищи? Связь города со страной слабая. В городе недостаёт (мягко выражаясь!) продуктов.

Наверное, и у вас сейчас трудно. В такое время надо держаться всем вместе, чтобы поддерживать друг друга. Хорошо, что наша семья дружная, где все любят и поддерживают друг друга. Мне теперь часто видятся картины из нашего недавнего, но теперь такого далёкого прошлого. Они хороши не тем, что мы там смеялись и улыбались, если сыты были, а тем, что всегда были согреты теплом взаимной любви и дружбы...

...Будем пока довольны хоть тем, что в прошлом у нас было много хорошего. Прогоним фашистов — тогда будем жить. Надо сделать так, чтобы всякая возможность повторения таких народных несчастий надолго, надолго отпала, чтобы люди жили счастливо, без ужаса, всё время висящего над головой — вот-вот готового в любой момент свалиться на них. Несколько поколений людей сильно отравлены войнами, это ваше с папой поколение и моё. Так пусть же более юные не увидят впредь этого бешеного животного, пусть понятие о войне будет состоять для них лишь из тягостных, зато более или менее смутных, воспоминаний отрочества или детства!

Я уже здоров. Начал поправляться. Ем по три тарелки супа, но понемногу аппетит уже начинает сдавать. С каждым днём за обедом добавка всё менее мне нужна. Рана зажила, но пуля при резких движениях ещё даёт о себе знать. Что я делаю? Читаю запоем — прочёл уже около тридцати пяти книг. Выбор книг здесь исключительный. Хожу по коридорам. Слушаю радио. Курю. Болтаю с товарищами. Каждый вечер либо кино, либо концерт, самодеятельность, лекция.

Скоро меня выпишут».

Из письма от 27.01.1942 года. г.Березники.

«Наконец-то получил открытку от мамы, писанную 15. 01 и адресованную в Березники. Ни одного вашего письма, кроме этой открытки я не получил. Те, которые были адресованы в город Сокол, мне не переслали. Оказывается, вы не все вместе живёте. Это меня, признаюсь, крайне огорчает. Как у папы дела в Сухой Балке? Передайте ему привет... С ранением у меня именно так, как пишу. Вчера был сделан

рентгеновский снимок. Завтра, по-видимому, узнаю решение врачей.

Зачем ты, мама, послала мне деньги? Они вам больше, чем мне нужны. Деньги на фронте дикость. Как замполит, я получаю 150 рублей...

...Как не жаль, но ваши мечты о моём приезде на побывку домой должен развеять. В отпуск пускают только тех, у кого-либо плохо работают пальцы или ноги, или что-нибудь ещё, то есть тех, кто пока ещё не пригоден, а держать в госпитале не имеет смысла. Дают отпуск ещё и тем, у кого прострелены лёгкие. Так что мне тут ничего не светит. Выгоним Гитлера — приеду совсем.

Ты, мама, спрашиваешь, как мои вещи. На сборы в армию у меня был какой-нибудь час. Едва успел всё в кучу собрать и попросил ребят сдать в камеру хранения. Часть квитанций у меня в кармане. Часть у ребят. Из всего жаль только часы, да и то потому, что это папин подарок. Напрасно вы послали мне их в начале войны! Сейчас столько ценностей и добра пропадает! На фронте был этим сыт до тошноты. Были бы сами, а это всё наживное.

Читаю и перечитываю вашу дорогую открытку — радостно и приятно! Скорее бы получить письмо! Рассматриваю её, и между строк вижу там ваши милые лица.

Как вы живёте, зря не написали мне об этом.

В Березниках легчали морозы. Светит яркое весеннее солнце, немного увеличился день. Скоро весна. А горевать, дорогие, право, не стоит. Будем оптимистами, это гораздо лучше!»

Из письма от 06.02.1942 года. г. Березники.

«После 27.01, когда впервые получил от вас открытку, я каждый день по несколько раз спускаюсь вниз в надежде найти письмо. Его всё нет и нет, а срок моей выписки приближается. Вчера меня осматривала врачебная комиссия и признала здоровым, годным к строевой службе.

Итак, не сегодня-завтра опять в часть. Сначала меня, наверное, пошлют в какой-нибудь лагерь, где формируют части. Оттуда могут послать учиться на курсы комсостава, но предполагаю, что, скорее всего в первых числах марта попаду на фронт. Впрочем, я буду писать, так что узнаете. Пуля во мне осталась, но она сидит глубоко и обросла жиром. Врачи считают, что если её вырезать то будет больше вреда, чем пользы. Я её немного чувствую, но она мне не особенно мешает. Через некоторое время, когда пуля ещё больше обрастёт, она, как говорит врач, будет нечувствительна. В общем, чувствую себя хорошо. Давно не помню себя таким упитанным. Сфотографировался в группе раненых. Это удалось после долгих мучений. Фотография будет готова 08.02. Если пробуду в госпитале до этого дня,

Госпиталь, февраль 1942 года.
г. Березники

вышлю вам её сам, если уеду — вышлют товарищи. Там вы воочию убедитесь, как я раскормлен, а то мама склонна думать, что всё хуже, чем есть. В Березниках хорошая погода. Сравнительно тёплые, солнечные дни. Зима здесь замечательная, у нас такой не бывает. Только снега не так много.

Из моих писем вы знаете, насколько трудно, а то и невозможно писать с фронта. Так что приготовьтесь к моему длительному молчанию или, в лучшем случае, к длительным перерывам в письмах и не беспокойтесь тогда без нужды.

Всё-таки не потерял надежды получить от вас письмо. Если здесь не удастся, то товарищи мне перешлют в часть. Хочется знать, как вы живёте, хочется почувствовать ваши мысли... Очень хочу, чтобы вам было хорошо в жизни, чтобы дыхание войны как можно менее вас опалило. Прошу вас: в час опасности, если она случится, не проявите беспечности и обязательно будьте вместе. Немцы, если ещё не бомбили, то обязательно будут бомбить Армавир. Он слишком важен, как транспортный узел, а фронт (Крым) от вас близко — так что не обольщайтесь! Учтите, что бомбёжка не так уж страшна, если у вас будут хорошие щели, и если вы её будете похладнокровнее

и без паники переживать. Дорогие, не будьте беспечны: война есть война! Предстоит ещё много, много трудных дней, а мне кажется, что вы облик и трудности войны ещё не представляете по-настоящему. Пусть в самые трудные, тяжёлые дни у вас будет взаимоподдержка и крепкая дружба — тогда ничего не страшно!...

...Я уверен, что самое тяжёлое время в этой войне пережито — время, когда враг был под самой Москвой и, казалось, вот-вот захватит её. Теперь вы увидите, что наши роли постепенно начнут меняться. Снами теперь Америка! Едва ли она нам поможет войсками, но уж оружия сделает больше, чем немцы. Будьте уверены: победа наша! Я не знаю, как скоро она будет достигнута, но обязательно будет. Поэтому, дорогая мама, никогда не падай духом, а будь здорова и бодра. И не горюй обо мне: ещё с тобой встретимся в лучшие времена. Встретимся, чтобы не расстаться.

Спишись с моими товарищами. В случае если придётся уехать вам из Армавира, будем искать друг друга по их адресам.

P.S. Только что мне сказала сестра, что сегодня в 13 часов нас отправляют. Значит еду. Будь здорова, дорогая. Желаю всего самого лучшего, чего может пожелать матери горячо любящий сын. Может быть, напишу следующее письмо скоро, может быть, и не скоро. Заботься больше о себе. Работай спокойно. Знай и верь: мы встретимся снова в лучших условиях, чем сегодня.

Целую крепко!

Сестрёнка! Будь здорова и счастлива! Пусть ничто не омрачает твоей будущей жизни. Вырастай культурным и хорошим человеком. В эти тяжёлые дни будь опорой папе и маме. Ты писала, что хочешь пойти на санитарные курсы. Очень тебя прошу: не поступай. Для мамы и папы это будет уже слишком.

Ну, спешу! Крепко целую. Гриша».

Из письма от 06.02.1942 года г. Березники.

«Сейчас был на перекомиссии. Сегодня в 17 часов отправка в лагерь. Он в Кунгуре, недалеко от г. Молотова. Ходил по Березникам. Пустые магазины — в них абсолютно ничего нет. Не знаю, как люди живут. Неужели и у вас так же? Наверное, так. Мне, не написано на роду, получить в Березниках ваши письма. Надеюсь, что ребята перешлют их в Кунгур: я сразу сообщу им свой адрес. Хорошо, что дождался откритки от вас — и тем спокоен!...

Ну, живите хорошо! Будьте бодры и никогда не отчаивайтесь. Ходите в кино и театр. Обо мне не беспокойтесь: всё будет превосходно. Привет всем родным. Всего, всего вам хорошего!

Ваш любящий Гриша».

Снова в часть

В госпиталях меня не оставляла надежда попасть на курсы комсостава, окончив которые я, думалось, мог бы принести больше пользы, чем в качестве простого бойца. Наш политрук разделял это мнение и уверил меня, что сделает всё, что в его силах.

Как только я начал мало-мальски ходить, включился в общественную работу: каждый день проводил, по заданиям политрука, лекции и политинформации в разных палатах. К сожалению, моим рапортам о зачислении на курсы комсостава почему-то своевременно не дали хода. А тут подоспела выписка из госпиталя в часть. Она проходила с большой поспешностью, в авральном порядке и, как назло, случилась в выходной день. Никого из начальствующего состава, кроме медиков, в этот день не оказалось на месте. Время не ждало, а их нигде не могли отыскать. У политрука, где-то в сейфе, был заперт мой комсомольский билет. По этой причине мне следовало бы задержаться с отправкой из госпиталя. Мне это представлялось не удобным: ещё подумают, что я уваливаю от фронта.

Так и пришлось поехать в новую часть без комсомольского билета. Я этим был очень расстроен. Моя рана зажила, но оставшаяся пуля сильно мешала при каждом движении и ходьбе: колола при каждом шаге, а приседать — так было совсем больно. Что делаешь? Война!

И то, надо сказать, что ранение моё оказалось для меня на редкость удачным: пуля точнёхонько вскочила в дырку в костях таза, прошла благополучно вблизи мочевого пузыря и других жизненно важных органов, ничего не задев, и остановилась именно там, где нужно, иначе пахло бы смертью. По-видимому, это была трассирующая пуля, посланная из автомата. У неё была не столь уж большая пробивная сила. Наш хирург (полковник, ленинградский профессор) сказал мне, глядя на рентгеновский снимок, что мне неимоверно повезло. Он дал мне совет, если останусь жив, не давать эту пулю тревожить, тем более, вырезать: слишком сложная там обстановка.

Итак, написал я бодрые письма родным, дал им всяческие наказы, мысленно попрощался с ними и пошёл обмундировываться

в каптёрку. М-м-да! Называется, одели, — во всё такое старое, заплатанное и прожжённое, что к фотографу не потянуло. Впервые в жизни крутил обмотки, не ведая, что буду их крутить ещё долгие годы.

Мы, трое выписанных в тот сумасшедший день, отправились в город Кунгур по железной дороге. Там формировалась наша новая часть. Было 6 февраля 1942 года, шёл двести двадцать девятый день Великой Отечественной войны.

29
29.6.42. Дорогие наши
Дарю вам не много
вспоминаний и воспоминаний
еще не из нашей
жизни и много лет
в будущем
наблюдая
я рад
вам

Старая Русса | ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Старая Русса

Вам Алла. Специально Вам сообщается что Ваш сын и брат
уезжает на дровах. Из Вологды выехали 29/III.

10/II - 1942

ГЛАВА I
ДОРОГА

навар

дарский край

г. Ивановская, д. № 137

Самоевны

адворной

а я пишу адрес.

Гриша со своей гадюкой

превращает и жидит

на вазу.

окопится

идея ба

иний, ст

да не де

поха

высое

и у

Не знаю, сумею ли написать
на дорожке, но вы не беспокоитесь — не
Тесь в случае душевного мучения. Везде
гания. Везде есть уже было
один раз.

Мой адрес:

Полеская, почта 1673,

422 СП,

3/8 Загоринский

г. Мух.

Верхние

Вязь

интересным

близким, от

х все — что

маже о величии

аде, и

Намалев

Заг

От Г. А. Загоринского

Ваш

Лагерь в Кунгуре (Молотовская обл.)

Из письма от 10.02.1942 г., город Кунгур, п. я. 62, литер 3/8

«Сейчас я в лагерях около г. Кунгура. Живем в землянках. В них неплохо. Каждая на 50 человек. Тепло, потолок высокий, метра 2 ? высоты. С потолка свисают ель и сосна — смоляной запах. Очень похоже на лесоразработки, а мы — на лесовиков. Пройду я, наверное, сквозь всё на свете за это военное время! Коль выйду цел, то закалюсь, как бродячая собака.

Сегодня ночью или завтра утром мы, наверное, уезжаем отсюда. Говорят, что нас везут в какой-то город чему-то учиться. Но не исключено, что на фронт. Наша часть состоит, по преимуществу, из новичков.

Я только что зачислен ротным писарем. К несчастью, в Березниках при выписке остался у комиссара мой комсомольский билет. Там спешка была, а комиссар куда-то пропал. Так что замполитом по этой причине пока быть я не могу. Занимаюсь писаниной до одури день и ночь, передохнуть некогда — это все из-за спешки с нашей отправкой.

Обмундирован я прекрасно, еще лучше, чем раньше: новенькая шинель, как раз по мне, теплая шапка, варежки, хорошие валенки, ватные штаны и рубаха. На ногах две пары теплых портянок и одни летние. Есть еще на замену этих шерстяные портянки — из того же материала, что и шинель. Еду на фронт без страха: будет то, что будет, что каждому человеку на роду написано. В протекцию моего высокого покровителя (святого Григория!), не раз уже выручавшего меня в бою в трудный момент, — верю.

Итак, я теперь бюрократическая крыса с карандашом за ухом и очками на носу. Здесь, на Урале, холодище! Но, удивительное дело, холод переносится намного легче, чем в Ленинграде. Места дикие — медведем пахнет. Но красиво!

Только у нас в Майкопе лучше. Я часто теперь говорю «у нас в Майкопе». Чего, чего только нет, по моим словам, у нас в Майкопе!

Обо мне не беспокойтесь. Наш полк 422, полевой почты еще не знаю. Ребята хорошие, в большинстве уральцы. Впрочем, я обнаружил здесь и армавирских ребят. Командир роты и старшина ко мне неплохо относятся.

Будьте здоровы! Не унывайте!

Наша часть в ведении Северо Западного фронта».

Дорога

Из письма от 19.02.1942., с дороги.

«Мы с 11.02 все время едем, а где конец пути неизвестно. Думаю, что едем на Северо-Западный фронт, но до него еще далеко. С полчаса назад проехали станцию Буй (западнее г. Кирова). Нас везут взаперти в теплушках, так что нельзя выбежать на станцию, чтобы опустить письмо. Если кто хочет оправиться, то делаем это поочередно: один оправляется, другие ждут.

Ехать взаперти всем до того надоело, что командиры стали менее строги. Появилась возможность нелегально отлучиться на станции минуты на три. Весь день и всю ночь в теплушке топиться чугунок. Мы сидим вокруг нее, черные, как угольщики, возимся со своими котелками, в которых варим кто воду, кто кружку, кто ложку, а кто и сухари.

Кормят нас довольно скверно. На остановках, на каких-нибудь небольших станциях, можно бывает иногда купить хлеба или еще чего за баснословную цену. У меня так получалось, что до сих пор я сыт, только ехать надоело. Но и в этой езде есть свои развлечения и интерес: пусть через окно или дверь, но видишь новые места. Могу сказать определенно: Урал мне не нравится. Это север. Уральцы недаром говорят: «Бог создал землю, а черт Вятскую и Пермскую области». Правильно говорят: здешние места нашим в подметки не годятся. Да разве есть где-либо в Советском Союзе край лучший, чем наши Майкопские края? Только когда там жил, не умел ценить!

День стал гораздо больше. Холодно только по утрам, а днем солнце сильно пригревает. Кое-где с крыши даже пытается что-то течь, похожее на воду, а пар с крыши определенно уже идет. Небо синее, ласковое, на улице весна. С сегодняшней ночи начнем затемнять окна. Ребята у нас в роте неплохие. Мы за время пути сдружились, а это важно. Все уральцы, на фронте еще не были. Многие даже боевой винтовки ни разу не держали в руках.

На станциях везде ужасная дороговизна. Деньги стали простыми бумажками, и их никто не хочет брать. Возвратились к натуральному обмену. Кусок хлеба с килограмм стоит 20 рублей, а буханка — рублей 60–80. Пачка каши-концентрата — 20 руб., пара селедок — 20 руб. Неужели и у вас так? Как же тогда жить? Мне сегодня снилось, что мама заготовила громадные блюда солений — наверное, это только во сне! Кажется, вся наша Россия-матушка стала на колеса и двинулась с насиженных мест по железным дорогам. Все станции до отказа забиты тетками дядьками с огромными мешками. Они вишивые и гряз-

ные, с запасами провизии на дорогу. Все это обтертое, жалкое, что-то жует, стоит в очередях за талонами, толпится у дверей буфетов, бегают за кипятком. Наверное, так было и в гражданскую войну.

До чего же посерел и оборвался внешний вид Руси за эти военные месяцы! Вокзалы грязные и до предела загаженные — в буквальном смысле. В красных уголках, куда пускают только военнослужащих, пыжаты на подмостках какие-то очень жалкие ободренные и затасканные артисты.

Я есть писать его величества командира роты. Мне поэтому многое дозволено. Вот, и удастся иногда побывать на станции и поглядеть кое-что, а у меня четыре глаза. Все это больно режет глаза, в особенности, если сравнить с тем, что еще недавно было. Да, вполне можно воскликнуть: «Ты и убогая, ты и обильная!» Сразу заметно, что многие люди живут скверно: у них серые, худые лица. Но я наблюдал и другое. Некоторым нашим бойцам жены приносили такие передачи, что при всех скидках не поверишь, чтобы у них был недостаток в продуктах. Это еще ладно, а вот факт — сколько же попадалось раскормленных, сытых, красных рож, особенно вблизи Кирова, — никак не похоже, что этим плохо живется!

С другой стороны, в г. Кирове на базаре сумасшедшие цены. Ничего не пойму — ведь я столько месяцев начисто оторван от тыловой жизни. Мне только ясно одно: многие мужички бросились наживаться на войне и просто взбесились от жадности. Я наблюдал за такими, когда они трясущимися от жадности руками насыпали солдатам самосад по 100 рублей за стакан, стараясь недосыпать как можно больше. Такой всегда сперва возьмет деньги и только потом сыплет тонкой струйкой (чтобы пышнее легло) махорку, доставая ее из огромного, битком набитого мешка. Дать бы этой сволочи по шеям, чтобы рыло всмятку, без нежностей, по-фронтовому и с матом в придачу. Уж очень у такого мужичка глаза крысиные.

Да что я вам пишу о тыле? Вы его знаете лучше меня. И все-таки о том, что видел, я не могу молчать: слишком все переменилось за столько короткое время! Их этого очень наглядно видно, с какой силой ударила по нам война. Кончить бы ее скорее. Много накопилось злобы — немцев я ненавижу!

Сколько всего нам предстоит, даже если предположить, что война скоро кончится? Ведь чужой дядя за нас ничего не сделает. А эшелон наш помаленьку все движется. До Вологды около 200 км. А оттуда куда? Сегодня на предыдущей станции от эшелона отстали все наши три взводных командира. Приказали сержантам не выпускать бойцов из вагона, а сами со станции потихоньку дви-

нули в г. Буй. Эшелон наш ушел без них. Что изменилось? Могу сказать: крику, шуму и ругани в роте будет меньше на три глотки. На улице хорошо — так бы и выскочил на волю из этой проклятой теплушки. Весна очень чувствуется в воздухе. Зиму, хотя еще не растопило, но ее конец явно близок. Так же и человек. В нем еще продолжается зимняя спячка, но брожение ума где-то глубоко идет.

Я несколько лучше узнал нашу Россию. Признаться, был о ней лучшего мнения. По крайней мере, думал, что она уже грамотная. Сейчас, сталкиваясь, главным образом, с крестьянами, вижу, что даже среди молодых парней есть совершенно неграмотные. Большинство же окончило всего не более каких-нибудь трех классов. Людей с высшим образованием, кроме себя и институтских товарищей, которые растерялись давно, я еще в армии не встречал, даже среди лейтенантов. Общее развитие очень низкое. Я встречал таких, которые самым серьезным образом верят в разную чертовщину. Так что вашему брату — учителю, ох, как много еще впереди работы».

Вологда

Из письма от 22.02.1942., г. Вологда.

«Мы ехали, ехали и до Вологды доехали. Здесь нас разместили в близлежащих деревнях по крестьянским домам. Мы, десять человек, живем в отдельной комнате, которую нам отвели хозяева. У них есть корова. Молока на всех нас, конечно, не хватает, но перепадает.

Наши хозяева, похоже, живут не так уж плохо. В доме все старинное: большое зеркало, часы, шкаф для посуды и неизменная машинка «Singer». Пьют молоко, кушают мясо, масло, пироги с мясом и картошкой. Войну они чувствуют: в доме лишь старик, женщины и дети. Все мужчины на войне, а известий от них нет. И тем не менее видеть семейную обстановку приятно, — ребятишек, которые бегают и смеются, еще ничего не понимая. Глядя даже на эту мирную жизнь, особенно резко чувствуешь, до чего надоела эта проклятая война.

Но... дядя за тебя воевать не будет, эту лямку, доставшуюся нам на долю, будем тянуть. Авось кто-нибудь из будущих внуков, листая станицы истории, нежась на мягком диване, похвалит нас за дела наши, мысленно похлопывая по плечу. Только он, паршивец, пусть не очень похлопывает и чувствует разницу — мягкий диван или мороз! Зима, считайте, кончилась: теперь с каждым днем на фронте теплее будет. Здесь еще, правда, холодно, дует резкий ветер, но уже чувствуется приближение весны. Сколько мы здесь пробудем, не знаю, но думаю,

что день своего рождения встречу. Так что выпейте и вы 7 марта за раба божьего Григория. Ему сейчас хорошо: сидит в избе, в тепле. Пьет чай с молоком. Лейтенант куда-то ушел, он отложил книгу личного состава роты и пописывает письмишко. Рота на занятиях: «наступает» в снегу, «обороняется», слышно за окном, как орет «ура!»

Когда шли в эту деревню, проходили по улицам Вологды. Город большой и хороший. Чувствуется, что старый, а не вновь испеченный, как наши кубанские города. Жизнь здесь когда-то кипела. То и дело попадаются вывески: «Ресторан», «Пиво» и т.д. — остатки недавней роскоши. А сейчас везде стоят огромные очереди, а магазины совершенно пустые. Впрочем, жители не выглядят изможденными. Их здоровый вид подчеркивает мороз.

Здесь тьма ворон. По деревьям развешаны целые города безобразных вороньих гнезд — гнезда торчат, как метелки. В городе незаметно следов бомбежки. На центральной площади демонстрируется сбитый юнкерс. На станции стоят эшелоны с трофеями: немецкие минометы, орудия — и большие и малые. На эти орудия мне как-то жутко было смотреть. Видел, как по улицам Вологды ездили на новеньких, совсем недавно полученных американских Ford'ax.

Такова наша жизнь сегодня. За войну, где ни побываешь! Только у нас куда лучше, чем здесь. Крестьяне живут совсем небольшими хуторами, всего по 5–10 домов. Вот скучища у них должна быть! Как эти хутора не похожи на наши станции! В них, к тому же, одного фруктового дерева, не говоря уже о садах.

Сегодня мы пойдем в баню в Вологду, там постараюсь опустить письмо. А прошлое письмо, написанное в вагоне, сумел отправить только сегодня утром. Пора кончать. Желаю вам всего хорошего. Пройдет это скверное время, и солнце засветит ярче, а жизнь даже скудная вначале, покажется нам на радостях прекрасной.

01.03.1942.

Спешу сообщить свой адрес: Полевая почта 1673, 422 сп, 3 батальон, 8 рота. Хозяйка идет в город, передаю ей это письмо. Мы здесь задержимся».

Из письма от 25.03.1942., Вологда.

«Милая мама!

Твое письмо от 18.01 получил не в госпитале, а здесь — товарищи переслали. Это вторая весть от вас за всю войну. Ты пишешь, что папа уехал в Сухую Балку, а вы с Милочкой вдвоем в Армавире. Мне было больно это читать. Зачем папа уехал в такое время? Сейчас, конечно же, всем надо быть вместе. Слиш-

ком велика нависшая опасность. Ты знаешь папу лучше меня. Мне же кажется, что он сделал это, сам не зная, что делает. Видимо у вас в полной мере не представляют всю остроту нынешнего положения и все последствия, могущие произойти. Понимаю, как тебе должно быть тяжело. Крепись, мужайся! Я верю в тебя, я знаю твой дух, не поддавайся сомнениям и отчаянию. Сейчас настали трудные времена — нас подхватил буран, точно соломинки, и кружит, несет куда-то. Мы барахтаемся, чего-то хотим, но буран от нас не зависит. Жизнь идет сама собой, и все будет так, как должно быть. Поэтому не будем расстраивать себя необоснованными страхами. Если бы все зависело только от нашего желания, война давно бы прекратилась, и жили бы мы опять вместе.

Лучше укрепим свое сердце, соберем все свои силы и мужественно перенесем горести, что выпали на нашу долю. Такая сволочная война, ей богу, не сможет продолжаться слишком долго! Прошлая была долгой, так ведь и напряжение было меньше. А эту так долго никакому государству не вынести, сколько бы там у него всего ни было, — и у Германии не хватит сил. Знаю, что если бы я был дома, значительная часть твоих волнений улеглась бы. С твоей стороны нужно было большое мужество, чтобы написать мне: « Да, ты так должен был поступить ». Да, милая, в то время я должен был сделать только так.

Ты, по крайней мере, хоть сейчас-то обо мне не беспокойся. Я в хороших условиях. Шансы мои на жизнь повысились. Пусть эта уверенность хоть некоторую часть беспокойства снимет с тебя.

С 20.02 я живу в деревне, в нескольких километрах от Вологды. Я уже аттестован на писаря-каптенармуса роты, зарплата 100 руб. Мне неплохо. От всех занятий освобожден, сижу в тепле. Только два раза был на батальонном и полковом учениях, но опять-таки не сидел в окопе. Я ведь писарь — и обязан быть в тылу, вместе со старшиной снабжать роту обедом, патронами, дать сводку о наших потерях, успехах и т.д. Вот потому мы со старшиной на полковых учениях выбрали домик примерно в 1 км. от окопов и «обороняли» его, т.е. проспали там всю ночь.

Наутро попили молока, раздали роте завтрак, — а тут и отбой учениям. В атаку мне теперь не ходить, разве только в виде исключения. Истощение мне тоже больше не грозит, т.к. я помощник старшины и получаю усиленные порции.

Кроме того, я покупаю молоко у хозяев. После госпиталя еще больше поправился и окреп. В походе во всей роте немного нашлось таких, которые столь же легко, как я, перенесли марш в 40 км. в быстром темпе и по трудной дороге. Я ведь почти не устал, а ведь в первое время после госпиталя мне ходить было трудно. Серьез-

но — не особенно ты беспокойся обо мне: я в лучших условиях, чем был раньше.

А будущее Милочки беспокоит и меня. Если оно будет не таким, как бы хотелось, наибольшая доля вины падает на меня. Но я сейчас ничего не могу. Если останусь цел после войны, то выведу ее в люди. А сейчас ты ее приучай к трудностям, закаляй ее на жизненную борьбу. Ты папе, прости, что он так сделал: ведь он, честное слово, не хотел плохого. Однако было бы лучше, если бы вы сейчас были все вместе.

Мне кажется, что весной будут решительные бои, которые будут решать судьбу. Будьте все время настороже и в готовности.

Выше голову! Меньше грусти!»

На фронт

Из письма от 28.03.1942., г. Вологда.

«Большая тревога — поехали! Теперь уж очевидно, на фронт. Ну, благословите и не беспокойтесь. Я теперь писарь, — вероятность худого ближе к нулю. Нашего брата чаще ранит, чем убивает, а я теперь стреляный воробей. Не знаю, смогу ли дописать это письмо, одного вам желаю: Держитесь, ради бога, перед лицом опасности все вместе. Помогайте друг другу и будьте мужественными. Вчера в нашу роту прибыли земляки. Из их рассказов знаю, что было в Армавире до начала октября. Вот адрес одного из них: г. Армавир, ул. Лермонтовская 154, Беляев Алексей Тимофеевич.»

Из дополнения к письму.

«Привет из Вологды! Здравствуйте, Наталия Семеновна и Мила! С приветом к Вам Аля. Спешу Вам сообщить, что Ваш сын и брат Гриша уезжает на фронт. Из Вологды они выехали 29.03.

Тетя Наташа! Гриша письмо не закончил: подали команду строиться. Он собирается, а я пишу адрес. Тетя Наташа, сообщаю Вам, что Гриша со своей частью прибыл к нам в деревню Андреевское 21 февраля и жил по 28 марта. 28 марта ушли в 19 часов грузиться на вокзал. Тетя Наташа и Милочка, не беспокойтесь очень об Грише. Он сейчас ротным писарем и находится больше при штабе. Гриша у вас человек очень хороший, спокойный, никогда не делает ничего не подумавши. Когда они от нас поехали, то нам было их очень жалко, но в особенности Гришу, и мы ходили их провожать. Какой у Вас хороший сын и брат, можно таким гордиться. Как его жалко, как родного брата. Мы уже к ним при-

выкли, но пришлось так скоро расстаться. На этом писать кончаю.

Большой, большой привет Наталье Семеновне и Милочке. Пока до свидания. Пишите ответ, буду ждать.

29 марта 1942г. А.Пантелеева. Вологодская обл., Вологодский р-н, г. Вологда, Осиновский с/сов, д. Андреевское. Пантелеева Алевтина Николаевна.

Не беспокойтесь об Грише, он пошел защищать нашу Родину от фашистских людоедов-оккупантов.»

Из письма 01.04.1942., с дороги. Полевая почта 1673, 422 сп, 3/8

« Пишу в вагоне эшелона.Пока что фронт не очень близко, едем спокойно. Но когда-то здесь были дела: все станции разбомбили, от вокзалов остались одни щепки, а персонал живет в землянках. По дороге везде воронки. Навстречу то и дело попадаются разбитые вагоны. Ни черта: живы будем, не помрем!

От вас пока получил только открытку и мамино письмо от 18.01.

Я продолжаю встречать земляков. Это молоденькие ребята 22–23 гг. рождения, которых взяли в октябре 1941г., когда Армавир был в опасности. Так что если знаете кого, чих ребят 1923г. Забрали в октябре и усадили в Молотовскую область, то знайте — сейчас мы вместе. Держите с такими людьми контакт. Я встретил вчера одного из милочкиной школы — Гузенко.

Вы сами, наверное, чувствуете, что весной, как только станет суше, разыграются решительные битвы.

Уже апрель, но снег здесь не думал таять. Однако в валенках сыро, мы уже надели ботинки. Не знаю, сумею ли писать на фронте, но вы не беспокойтесь в случае долгого молчания. Попадем ли сразу на передовую, не знаю. Думаю, что с месяц пробудем в 3–м эшелоне».

Предыдущее письмо было написано, как я понимаю, где-то в районе ст. Бологое. Жалкий был у Бологого вид! Все станционные постройки сметены с лица земли, как будто здесь никогда ничего и не было! Обслуживающий персонал работает в землянках. Вся местность изрыта и несколько раз перепахана воронками от бомб, а может быть и снарядов. Хорошие же здесь были бомбежки! Далее все больше запахло фронтом: за окном виднелись заброшенные и разбитые поселки. Наш эшелон пошел еще медленнее. Нам стали встречаться эшелоны с разбитыми вагонами — результаты

недавних бомбежек. У нас срочно организовали противовоздушную оборону эшелона — прицепили платформу, на которой установили зенитки и зенитные пулеметы.

Появились слухи, что эшелон, шедший впереди нас, разбомбили фрицы. Они оказались правильными. Все мы были возбуждены приближением опасности и фронта. Тем не менее, так же, как и раньше, все изощрялись, подшучивая над Бондаренко который ехал на фронт из госпиталя без кое-чего, очень важного для мужчины.

В особенности не давали ему покоя шутками наш отличник боевой подготовки здоровенный, но мрачный сибиряк — охотник Унтилов и наш мальчишка — комвзвода:

— «Ну, как, Бондаренко? Что же ты написал жене?

— Та нічого не напысав!

— «Так скрыл, значит? Боишься? Ха, ха, ха! «Она же прогонит теперь тебя! А, может, новый вырастет? Хи, хи! Еще больше, а? Что тебе врачи сказали?

Мы, которые из госпиталей, за время дороги на скверном тыловом питании уже подрастеряли ранее накопленный жирок и выпрашивали у наших прижимистых товарищей с большими мешками если не сала, то хотя бы махорки. Махорку нам давали изредка и с натруской. Зато, какая сладость была затянуться «бычком»! Наш эшелон ни разу не подвергся бомбежке и благополучно разгрузился ночью где-то в районе Крестцов. До утра мы успели убрать орудия, лошадей и повозки в лес, а сами, уставшие от разгрузки и ночной спешки, повалились спать на подстилках из хвои. Затем мы несколько дней передвигались ночами пешком по направлению к Новгороду. Фронт все еще не был слышен, но все деревни на нашем пути были мертвые — в них уже давно никто не жил. Большая часть деревень была мало разрушена, но попадались и такие что начисто были сметены с лица земли. Ночные переходы были длинные и утомительные из-за высокого темпа движения, а дневки казались короткими и не восстанавливали сил. Костров на привалах нам разводить не разрешали.

Выступали мы обычно в сумерках, после обеда, поротно. Рота шла строем по двое — все 147 человек. Впереди, налегке, с одним пистолетом и планшеткой, командир роты. За ним взвода — ребя-

та тащили здоровенные мешки с разным, как я считал, ненужным хозяйством. Самыми последними, вслед за ротой, шли старшина, я и санинструктор. Нашей задачей являлось не допускать отстающих и безжалостно их подгонять вперед. Под конец ребята очень устали, и наша задача стала нелегкой. Дороги подталяли, кругом были непроходимые болота, которые можно было преодолеть только по гатям. Часто приходилось идти по пояс в холодной воде. Помню, как мы проходили болото Гнилая Гать.

Время было под утро, уже начало немного светать. Все давно выбились из последних сил, приуныли и едва передвигали ноги. На пятиминутных привалах валились на кочки, как подкошенные снопы, не снимая с плеч вещевых мешков и даже не в силах перекурить. Конец перехода казался за каждым кустом, но он все отодвигался куда-то в неизмеримую и выходящую за пределы сил человека даль. Бондаренко мы со старшиной, сами измученные, уже чуть ли не несли на руках. И вот, лишь мы миновали деревню, открылась перед нами Гнилая Гать — огромная трясина, покрытая водой по пояс, и только за нею темнел лес. Там, говорят, будет днёвка.

Мы сгрудились у трясины. Перейти по ней, можно было только по гати — бревнам и веткам, проложенным посередине болота. Она полностью скрыта под водой. Шаг в сторону — и утонешь в трясине. Пока передние нащупали эту зыбкую дорогу шестами, все мы продрогли и приуныли. Рота, по пояс в ледяной воде, постепенно втянулась и елееле пошла. Настроение было такое, что пусть бы утопнуть в этой гадости, чем еще шаг идти вперед.

И тут Витька Кугуев, кудрявый, черноокий красавец уралец, на все это проклятое болото звонко и весело, во весь голос запел:

*«Ко-омандир герой Чапаев,
О-он все время впереди!
О-он кома-андовал своим отрядом,
Веселил своих бойцов.*

*Все ребята едут, веселятся,
Все на родину спешат!»*

Боже мой! Словно душа жарптицей, взвилась над этим гнусным болотом его призывная залихватская песня! Сначала все обомлели, как-то смешались. Даже слышались растерянные команды наших начальников: «Прекратить!» Но мы уже ничему, кроме песни, не были подвластны: раздался со всех сторон оглушительный, и в лад, присвист! И взвились вверх мощные звуки:

*«Он все вре-мя впереди!
Раз — два!»*

Куда делась усталость? Наша вялость? Хмурое настроение? Боязнь оступить и уйти на дно этой мерзкой трясины? Все, все это сгнуло и пропало! Осталась волшебная ночь, чуть тронутая утренним светом, отчаянная лихость в груди, чувство дружбы к каждому товарищу, идущему рядом, впереди и позади, — и всё подчиняющая власть душевной песни.

Мы не заметили, как проскочили эту Гнилую Гать и, мокрые с головы до пят, пришли к привалу весело и с шутками. Никто не остутился, никто не утонул. Вот что значит песня для русского человека! Хороший и мужественный был парень, Витька Кугуев! Ему тогда было, лет двадцать пять. Я запомнил его на всю жизнь, но что толку?

Он погиб в первых числах мая во время наших атак на Рамушевский перешеек. Такие люди, как Витька, украшают наш русский народ. Жаль, если он не оставил после себя сына.

Подойдя к фронту под Новгородом, мы сразу же начали строить укрепления, но находились во втором эшелоне. Это значит, что нас и лошадей неважно кормили, чему способствовала также большая распутица, перекрывшая все возможные пути подвоза.

Под Новгородом, не вступая в бои, мы пробыли всего несколько дней, как получили приказ срочно двигаться своим ходом под Старую Руссу. Этот переход по раскисшим болотам и разлившимся рекам продолжался что-то около недели, но всю жизнь он сидит у меня в печенках. Он мне показал, на что способен человек и насколько человек выносливее лошади. Как я уже говорил, нас тогда, по тыловым нормам плохо кормили, а лошадям приходилось скармливать гнилую солому с крыш. Синие и шатающиеся, мы по-

везли своим ходом обозы. Нас прикрепили к артиллерии. Лошади не могли тащить пушки, увязавшие в грязь по ступицу. Поэтому впрягалась пехота. Мы протасили пушки почти от Новгорода до Старой Руссы с выпряженными лошадьми. Должен сказать, что как ни берегли лошадей (без них пропадешь!) — гораздо больше, чем нас, пехоту, — я не видел, чтобы хоть один из нас свалился мертвым по дороге, а лошади, даже выпряженные, дохли, как мухи. Вместе с тем на этом пути нам было труднее, чем лошадям, при примерно одинаково «сытной» еде.

Выбиваясь из сил, толкая колеса и падая в грязь на каждом шагу, я восхищался: поразительной стойкости человека, — этого «*Nomadicus*» двадцатого века! Так в невероятных трудах и чисто животных мыслях только о привале, куреве и о желудке прошел у нас почти весь апрель.

К концу апреля мы прибыли под Старую Руссу, где мне предстояло провести еще год.

На последнем ночном марше мы увидели вдалеке очень внушительное и красивое зрелище: весь горизонт впереди — куда ни кинешь взгляд, полыхал разноцветьем ракет выстрелов и разрывов. Вскоре мы стали различать и рокот орудийных, а потом и прочих звуков войны. Я отметил про себя, что здесь война, по сравнению с Тихвином, выглядит значительно мощней, солидней и внушительней.

ГЛАВА II РАМУШЕВСКИЙ КОРИДОР

К Вам вернусь — тогда, рано по
утру тогда. Будет тогда слышно
до его меня. Значит, от всего.
Намного, а я и да, несомненно
всем. Фидрали думи. Но зато
мне на переделке владетельства,
поэтому, было много в ней.
Возни, а не было, рано по
несколько. Но, а не было, рано по
но, а не было, рано по. Но, а не было,
но, а не было, рано по. Но, а не было,
Усилье, а не было, рано по. Но, а не было,
много. Привет и сочувствие
от всего моего сердца тебе Вера.
Ваше сообщение о грядущем
мне очень интересно. Но ничего
даст вам, все будет хорошо.
Мы Милочка приобрели и
адрес — русский адрес. Все
вернусь к этому. Будет
будет. Будет. Будет. Будет.
Усилье, а не было, рано по. Но, а не было,
Забавно о себе. Больше.

ПРОСМОТРЕНО
Восточной Цензурой

На Демянском выступе под Старой Руссой

По своей ожесточенности, по огромным потерям и отсутствию видимого результата от невероятных усилий, предпринимавшихся нашими войсками, бои под Старой Руссой в мае–июне 1942 года выглядят слишком утрумо и безысходно, чтобы возникло желание их вспоминать.

Я почти никогда, этого и не делал как во время, так и после войны. Дошло до того, что теперь я уже не в состоянии даже восстановить последовательность событий. И всё-таки, хоть и противно, я должен, как сумею, воспроизвести то, что там с нами было, хотя бы в память погибших ребят. Даже в истории второй мировой войны чувствуется явное нежелание описывать эти бои подробно, а в газетах тех лет о них, как правило, упоминалось в две–три строчки.

Вот, что сказано в «Истории второй мировой войны»:

«Одновременно со сражением на харьковском направлении и в Крыму в мае–июне велись ожесточённые бои под Ленинградом и в районе Демянска.

Перед Северо–Западным фронтом, во главе которого находился П. А. Курочкин, стояла задача разгромить вражеские войска в демянском выступе. Следовало двумя ударами (с севера — 11 армией и с юга — 1 ударной армией) завершить окружение демянской группировки, а затем, с переходом в наступление остальных войск фронта, полностью её уничтожить. Наступление началось 3 мая. Фронт получил из резерва Ставки 5 стрелковых дивизий, 8 стрелковых и 2 танковых бригады.

Однако, несмотря на наличие достаточных сил, и средств, наступление Северо–западного фронта, продолжавшееся в течение мая, закончилось безрезультатно.

Гитлеровское командование вскрыло замысел операции и перебросило подкрепление с других участков в район рамушевского коридора, через который демянская группировка имела связь с основными силами 16 немецкой армии. Существенную помощь наземным войскам врага оказывала его авиация, совершившая за это время около двух тысяч самолёто–пролётов, в то время как авиация Северо–Западного фронта сделала немногим более 700 самолётоволетов. Всё это вместе с недостатками в организации проведения наступления привели к неудаче.

Командование Северо–Западного фронта ещё не накопило опыта в решительном массировании сил и средств на главных участках наступления, своевременном

и быстром вводе в сражение резервов для наращивания усилий, в организации противовоздушной обороны, оперативной маскировки, взаимодействия и управления войсками в наступательной операции. В результате наступление в районе Демянска не получило развития».

(т. 5, стр. 139)

Наша 170 стрелковая дивизия была одной из тех, которые были переданы ставкой 11 армии для наступления с севера на горловину рамушевского коридора. Свой участок на переднем крае мы занимали утром, когда стало уже светло. С дальних высот немецкие наблюдатели нас заметили и передали координаты своей артиллерии. Местность хорошо просматривалась и была у них очевидно пристреляна. И вот послышался хорошо знакомый нарастающий визг снарядов, накрывающих наш батальон, двигавшийся по широкой, открытой грязной дороге в походном порядке. Первые раненые и убитые, снаряды в щепки разносят повозки, ржут, как зарезанные лошади, и мечутся в испуге, сорвавшись с постромок.

Так мы, ещё на подходе, были наказаны за неумение и бестолковость. К счастью, потери были не столь велики — мы сумели быстро рассредоточиться и укрыться за холмами. Погода была нелётная, что спасло нас тогда от разгрома. Наученные осторожности, принялись занимать свой участок под тревожащим артиллерийским огнём.

Местность, открывшаяся нашему взору, оказалась очень красивой. Это были отроги Валдайской возвышенности. Впереди цепью тянулись высокие холмы, покрытые сосновым и еловым лесом. До них было около трёх, пяти километров. Там находился немецкий передний край. Что там делалось, нам не было видно, только слышны были выстрелы орудий, да различались вспышки выстрелов.

Мы тоже устроились на холмах, но более низких, так что местность противника нами не просматривалась. Между нами и немцами простиралась болотистая низина, слегка покрытая одиночными кустами, перерезанная ручьями и канавами.

Она раскинулась в виде большой лощины, ограниченной справа и слева небольшими возвышенностями. Воздух был свежий — ночью прошёл небольшой дождь. Трава уже нежно зазеленела, но

в гуще леса ещё не везде полностью стоял снег. Батальон занял ранее отбитые немецкие позиции на бугре, покрытые редким берёзовым лесом. Наша рота расположилась в прекрасных сухих траншеях, вырытых в песчаном грунте. Стенки траншей были забраны жердями.

Среди траншей оказалось достаточно блиндажей, перекрытых накатами из сосновых брёвен и оборудованных нарами. У входа в каждый блиндаж был устроен колодец, прикрытый щитом, для удаления просочившейся грунтовой воды. Блиндажи, с немецкой аккуратностью, были связаны между собой бревенчатыми дорожками, а в глубине был отличный туалет, к которому тоже вели бревенчатые дорожки. В одном из блиндажей мы со старшиной Киселёвым сразу оборудовали хозяйственный пункт нашей роты: снесли туда термосы для супа, коробки с патронами и разные запасы.

Старшина был у нас мужик хозяйственный. Немец нас пока оставил в покое, и мы приводили себя в порядок после долгого и утомительного похода. Вечером командиров вызвали на местность, где дали задание на наступление, которое назначено на завтра. Как я уже говорил, наша дивизия ещё никогда не участвовала в боях. Командиры рот взяты из запаса, командиры взводов и сержанты, в основном, мальчишки, только что окончившие военные курсы.

Бойцы были колхозниками с Урала, Северного Казахстана, Коми-Пермяцкого и Коми-Зырянского национальных округов. Возрастной состав смешанный — от молодых до «старичков» лет за 40, но преобладал средний возраст — от 30 до 38 лет. Всё это люди семейные хозяйственные, только что оторванные от гражданской жизни и не отрешившиеся ещё от прежних забот. Нашего брата, прошедшего войну и прибывшего из госпиталей, было сравнительно немного.

Возбуждённые предстоящим наступлением и опасностью, люди приводили в порядок винтовки, рылись в своих вещмешках, кто притих в раздумье, кто слишком много говорил, не в силах остановиться. Ночью передний край представил зрелище такой красоты, перед которым ничтожны любые самые праздничные фейерверки. По всему горизонту непрерывно взвивались ракеты

всевозможных цветов. Они медленно падали, освещая местность волшебным светом. Во все стороны ночную мглу пронизывали очереди трассирующих снарядов, крупнокалиберных и простых пулемётов и тысячи автоматных очередей. Вспыхивали короткие зарева выстрелов немецких орудий.

Это был своей отлаженной, чуждой нам, жизнью немецкий передний край. Наш передний край был молчалив, угрюм и тёмный. Я понял, что здесь фронт гораздо насыщенней убийственными средствами против людей, чем под Тихвином, и что воевать нам здесь будет гораздо труднее. Несколько позже я узнал, что против нас стояли немецкая дивизия «Мёртвая голова» и испанская добровольческая «Голубая дивизия».

Первый бой (под Рамушевым)

Рано утром, ещё до рассвета, пришли кухни. Нас хорошо покормили, дали курева и наркомовские, 100 грамм. Весело выглянуло солнце из-за холмов, слева, и осветило праздничным светом близлежащие и дальние от нас холмы и низины. Воздух был свеж и прозрачен, нежно зеленела молодая трава, весело выбиваясь из молодого сухостоя. Наступило 3 мая. Нас построили в укрытии сосен и зачитали приказ о всеобщем весеннем наступлении на всех фронтах, а также и на нашем.

Поставили конкретную задачу — выбить немца из занимаемых им впереди нас позиций. Приказ был торжественный и поднимал дух: пришёл, наконец, и наш час! Только вперёд и ни шагу назад!

Командир роты старший лейтенант Малинин поставил задачу, указав направление, куда нам наступать, дал также задачу и нам со старшиной — тыловым крысам: мы должны в наступлении следовать вплотную за ротой, чтобы обеспечивать бесперебойное поступление патронов, обеда, отвечать за сохранность материальной части роты, следить, чтобы не было отстающих бойцов. Мне, кроме того, надлежало держать связь с командиром роты для составления донесений, строевых записок и списков могущих быть при наступлении потерь.

Возбуждённые, заглушая подступающий страх, занимаем исходные позиции. Я впился в расположенную впереди местность, вы-

сматривая все выгодные укрытия, и отметил про себя, что очень уж далеко до занятых немцами холмов. В низине мы будем, как на ладони, а расстояние велико — как сумеем дойти?

Но утро было столь свежо и радостно, очень хотелось, наконец, наступать, а думать о скверном совсем не следовало! Разом открыла мощный огонь вся наша артиллерия. Далеко впереди у немцев взметнулись столбы разрывов. Снаряды бойко летели с шелестом над нашими головами. Немцы сразу притихли.

Ого! Получай фриц! Такой артподготовки я ещё ни разу не видел. На душе стало ещё более радостно. Орудий у нас оказалось уйма — и напиханы они почти под каждым кустом. Тявкают, бьют по ушам звонкие сорокапятки, дзынькают семидесятимиллиметровки, где-то сзади тяжело рывкают стодвадцатидвухмиллиметровые пушки. Всё это сливается в сплошной, бодрящий душу, варварский концерт. Низко над головой, из-за леса, выскочили Илы — и пошли работать и рыгать над фрицевским передним краем — очень хорошо!

Мы вначале и не заметили, что наши Илы сбросили над нами листовки. В листовках был напечатан приказ о всеобщем нашем наступлении, с портретом Сталина. Он тоже бодрил душу. Надо не подкачать! Минут через двадцать артподготовка внезапно стихла, и мы двинулись в наступление в мёртвой тишине: стали цепями поротно, спускаться в лощину. Двинулись мы, как в походе: впереди комроты со своими связными, далее командиры взводов со своими взводами, а роту замыкали старшина, санинструктор и я.

Прикинув местность, открывшуюся со склона, ещё лучше и оценив расстояние до фрица, я с грустью понял, что нам здесь придётся туго ещё задолго до того, как приблизимся к немцу. И насторожился до предела, собрав, все свои пять чувств.

Мы идём, развёртываясь, всё шире, а немцы молчат. Спустились благополучно в лощину, минули её середину. До немцев ещё далеко, но со своих бугров теперь они видят нас, как на ладони. Понемногу стали в нас постреливать из орудий, а мы для храбрости, заорали «ура!» и открыли беспорядочную стрельбу в белый свет из винтовок. Появились первые раненные, засуетились санитары, наш санинструктор куда-то пропал. Темп нашего движения всё нарастал, люди непроизвольно стали сбиваться в кучи.

Мой старшина Киселёв — мужик хозяйственный: то поднимет с земли противогаз и повесит его на заметный кустик, то подбирает брошенные лопатки, держа их в охапке. Бурчит, ругает нерадивых бойцов — как тут отвечать за ротное имущество? День уже в полном разгаре.

Я не выдержал и обругал старшину, заорал, чтобы немедленно бросил эти тыловые игрушки и не отставал от меня ни на шаг. Как ни странно, старшина, побурчав, всё же послушался: у меня всё же был авторитет бывшего в боях фронтовика. Так мы наступали по той низине безнаказанно и долго. Артиллерия с той и с другой стороны почти что молчала. Впереди уже близились немецкие холмы, и мы уже разглядели, что их склоны увиты многими рядами густых проволочных заграждений. Мы, наверное, там должны были засесть, так как нам не было чем делать проходы, да и как это делать, мы не умели.

В этот момент немцы обрушили сзади нас сплошной шквал миномётных и артиллерийских разрывов и стали им, как стеной, гнать нас вперёд, на себя. Я крикнул Киселёву: «За мной!». И бросился вперёд, выдвигаясь в голову роты. И во время: тех, кто был позади, уже колотили разрывы. Передние в этот момент наткнулись на противопехотное минное поле и стали взрываться на нём.

Движение сразу застопорилось. Роты и батальоны сгрудились у минного поля, гонимые на него всё приближающимся заградительным огнём. Похоже, что немцы сюда нас специально загнали.

А мины-то были наши — зелёные противопехотные коробочки с толом. Те, кто бросался вперёд — подрывались на минах, а сзади приближалась густая мясорубка фонтанов земли. Стало ясно, что сейчас в этой каше из нас будут делать котлеты. Паника нарастала. Надо было в долю секунды искать выход. Впереди, метрах в пятидесяти на минном поле я увидел цепочку заброшенных старых окопов. В них могло быть спасение. Но как к ним добраться?

Тут меня озарило воспоминание о политруке Сохине. Я схватил первую попавшуюся длинную палку (там много валялось засохших срубленных молодых берёзок) и бросился в минное поле, лупя отчаянно этой палкой прямо перед собой.

Как мы вскочили тогда в окопы, как прошли мины — рвались они или не рвались, я совершенно не помню. Знаю только, что

ввалился в окоп целым. Вместе со мной туда вскочил Киселёв и не более десятка бойцов нашей роты. Мы быстро зарылись, кажется, в полный профиль. А сзади нас в это время кромсалась жуткая каша с человеческим мясом, о которой я не хочу вспоминать. Фриц тогда добросовестно потрудился над нашим братом.

Так на наших глазах полегла половина нашего полнокровного батальона и большая часть нашей восьмой роты. В тех окопах мы пробыли почти до вечера. Он нас вначале совсем не тревожил, — не до нас ему было, а потом стал лупить и по нам — но к тому времени мы уже хорошо окопались. К вечеру мы тем же способом и уже известным путём осторожно выбрались из минного поля и стали искать своих. К этому времени бой значительно утих, да и пора бы: наше наступление заткнулось. Шла перестрелка артиллерии, всё время взлетали ракеты, то там, то здесь местность прочёсывали пулемётные очереди, да вздымали землю не очень частые разрывы мин и снарядов.

На душе было горестно, гадостно и противно. Даже не было радости, что ты, на сей раз, жив. Было больно и очень обидно, что так впустую погибли ребята. Против нашей артиллерии душила злость: что ж вы били в белый свет, ничего не разведав? Фрицам, с их укреплениями, от такой артподготовки даже не свело животы. А нас, за три километра, сунули им на рожон!

Где же здравый смысл, где, наконец, хоть какая ни есть забота о людях? Настроение, когда выползал с минного поля, скажем прямо, было не лучшим, и очень душила злость.

Спасение Малинина

Мы нашли остатки нашей роты на пригорке, слева от минного поля. Там, замаскировавшись кустами, ребята отрыли окопы, в которых держали оборону близко от немцев.

К утру организовали доставку горячей пищи в термосах, махорки и водки. Стало легче жить. Весь следующий день готовились к ночной атаке на видневшуюся перед нами высотку. А я ползал по окопам и выявлял живых, раненых и убитых. В роте не осталось ни одного из командиров взводов. Двое были убиты, а тот младший лейтенант, командир первого взвода, который больше

всех измывался над Бондаренко, подорвался на мине, и ему, как и Бондаренко когда-то, оторвало взрывной волной член.

Сам Бондаренко был ранен в руку и ушёл в медсанбат. Выбыл Ун-тинов, наш отличник боевой учёбы. Ему миной поранило обе ноги. О нём рассказывали, что в бою он показал себя трусом. Этот сибирский охотник, гренадёр — мужчина, без промаха бивший белку в глаз! Когда стало жарко, он в панике заметался, прятался, закрывал глаза, а когда ранило, истошно орал, причитал и боялся смерти.

Да, на фронте пересматриваются многие мнения, казалось бы, твёрдо установившиеся в гражданке, когда можно жить без ежесекундного страха смерти. В роте не осталось ни одного моего земляка армавирца: кого ранило, кого убило, а о ком потерялся след.

Мне под пулями и снарядами пришлось, как следует оползть передний край и пару раз сбегать в батальон с донесением и обратно. Ночью мы снова предприняли атаку на эту проклятую высоту. В атаку пошли молча, без артподготовки, подползли скрытно, до самых проволочных заграждений а там: безнадёжно залегли, под пулёмётным ливнем, обнаруженные фрицами. Мы не знали, как в заграждениях проделать проходы, а пулёмётный огонь был столь силён, что невозможно было головы поднять.

Потери были не столь велики, но они могли бы быть гораздо больше, если бы немцы обстреляли нас миномётным огнём. К счастью, они не сделали этого, видимо для того, чтобы не повредить свои проволочные заграждения. К утру, насмерть измученные, мы откатились к прежним окопам, унося с собой раненых, которые не могли идти. В этой атаке я был вместе с комроты и понял, что он неплохой мужик. Ещё больше мне понравился его связной Афоня Карасёв, подмосковный парень 1915 года — мужик отчаянный, огромного роста. Мы с ним в эту атаку всё время были вместе, друг друга страховали и очень сдружились.

В будущем мы много пережили с Афоней, и наша большая дружба скрепилась кровью. Наше командование, несмотря на огромные потери, никак не могло смириться с неуспехом. Через день было назначено второе общее наступление на рамушевский коридор. Для этого собрали по всем полкам оставшиеся силы, прочесали тылы, и снова бросили нас в атаку на эти же высоты.

На этот раз атака проходила гораздо умнее. Во-первых, наши исходные позиции находились близко от немецких (а что бы этого не сделать в тот первый день!) Во-вторых, артподготовка была гораздо сильнее и длительнее. Только, как показал дальнейший ход событий, она и на этот раз, несмотря на разведку, оказалась малоэффективной.

Лишь смолкли орудия, мы сразу пошли. Я шёл в голове роты вместе со старшим лейтенантом Малининым и его связными Беликовым и Карасёвым. Как ни странно, события первого дня наступления здесь почти повторились, хотя мы были уже не на том участке, а левее. Немцы открыли очень сильный орудийный и миномётный огонь по всей открытой ложине за нашей спиной — и тут наш старший лейтенант Малинин нарвался на мину. Она оторвала ему левую лапу, он упал, а из ноги захлестала кровь. Немцы незамедлительно бьют по замешкавшейся группирующейся кучке людей.

То, что дальше произошло, я не могу объяснить. Обычные мерки для сил человека тут не подходят. Малинин был здоровый, хорошо упитанный крепкий мужчина, лет 30–35. Он падал на минное поле, прямо на мину — Афонька, подхватив его на лету, и не давая упасть на неё, умудрился оттолкнуть тяжёлое тело, так что тот упал рядом с миной, и тут же зажал командира роты, чтобы не дёргался.

Я подскочил сразу, подставил спину и, с помощью Афоньки, взвалил Малинина к себе на закорки, бросил винтовку Беликову, и мы поскакали втроём назад, как кенгуру, через воронки, канавы и кочки. Да, я ведь не просто скакал, а ежесекундно лавировал, чтобы не попасть под снаряды, которые сыпались на нас весьма густо.

Мы выскочили на чуть более тихое место. Я сбросил Малинина наземь, как мешок. Он, здоровенный мужик, даже не потерял сознание. Мы окружили его втроём. Что делать? «Братцы, несите меня в санбат, не оставляйте», — взмолился наш комроты. Лапа болтается у него, длиной с полступни, не совсем перебитая. Я понял: надо резать! Афоня с Беликовым заступили ему лицо, а я одним махом фрицевского ножа дорубил ему лапу и выбросил. Затем ногу перетянули жгутом и быстро сделали перевязку. Он спрашивает: «Ребята, нога у меня цела?» Мы, не моргнув глазом, ответили: «Цела!»

Затем мы с Афонькой, меняясь, бросками, напоминающими прыжки кенгуру, вынесли его под миномётным и артиллерийским огнём в лес с поля боя. Там чуть отдохнули и перекурили. Потом, уже спокойнее, потащили в медсанбат. Ну и тяжёлый же он был мужик!

Афонька и сам мужчина плечистый и видный, а откуда у меня силы брались? Беликов хныкал, нести не мог — нёс наше оружие и мешки. Мы же тащили Малинина то поочерёдно на закорках, то вдвоём, усадив его на винтовку. Окончательно выдохшись, доставили его, наконец, до нашей санроты. Она расположилась в лесу, в палатках.

Что же мы там увидели? — Огромнейшее скопление раненых, которые всё прибывают и прибывают. Раненые лежат вповалку, у палаток как попало. Со всех сторон стоны, врачи не справляются. Дело тут плохо, скорой помощи не жди. Увидев это, Малинин попросил, чтобы мы доставили его прямо в медсанбат. Мужичу явно хотелось жить, тем более, было ясно, что он отвоевался. Для поднятия нашего духа комроты пообещал, что даст нам на руки письменный приказ его нести, чтобы у нас не было затруднений ни с батальонным начальством, ни с заградотрядом, если такой встретится.

И ещё сказал, что представит всех нас троих, за спасение офицера и вынос его с поля боя под огнём, к награде. Это последнее в той ситуации было, конечно, для нас просто лишним и не соответствовало искренности наших усилий.

Ну, что же? Мы его понесли, хотя до дивизионного медсанбата было несколько километров. Не знаю, удалось ли бы нам: его донесли, но делу помог случай: с середины дороги под дулами винтовок мы завернули дядю с повозкой патронов, и заставили, под нашей охраной, везти в медсанбат нашего командира роты.

Когда сдали его врачам очень радостного и нам благодарного, получили записку, что это был его, приказал, а не наше самовольное решение. Распрощались — чуть ли не со слезами, пожелали ему счастливой жизни, а сами пошли навстречу своей судьбе. Повозочный тут же скорей драпанул подальше от нас. Обратном пути по дороге лесом и подходили к большой поляне, на которой пасся табун артиллерийских лошадей. День клонился к вечеру, и выгля-

нуло солнце. Мы увидели в воздухе с десятков горбатых юнкерсов, шедших сзади по направлению к нам. К нашему ужасу от юнкерсов стали отделяться бомбы и падать прямо на нас.

Нас спасло то, что высота была довольно большая и мы, сообразив, быстро помчались, что было духу, навстречу бомбам. Когда мы упали, подбрасываемые взрывами, то оказалось, что бомбы упали за нашей спиной, примерно там, откуда мы побежали. Они разбомбили поляну, и даже то место, куда мы дошли. Сообразительность и быстрые ноги оказались спасительными. Самолёты ушли, а побитые лошади на поляне ещё дрыгались и ржали. Тут солдату нельзя теряться: мы быстро нарезали в мешки вдосталь конины. Затем забрались поглубже в лес, а солнце уже садилось, развели, маскируясь, костёр и стали варить конину.

Наелись от пуза. Помню, нас после этого долго несло каким-то зелёно-чёрным, но зато в теле чувствовалась сытость. Мясо конины очень сытное и вкусное, даже если без хлеба и без соли! Ночь проспали, не сдвинувшись с места, сладким и безоблачным сном.

Гибель нашей роты

Утром мы уже были в штабе батальона, где, несмотря на поданную нами записку, к нам отнеслись не очень благосклонно. Малинина обвинили в превышении власти, и эти обвинения рикошетом коснулись и нас. Всех временно направили бойцами в 7 роту, которой командовал мордвин лейтенант Ивашкин, а мне, кроме того, было приказано найти нашу роту и уточнить списки потерь.

Нашу роту мы с Афонькой Карасёвым и старшиной Киселёвым нашли ночью. Нас привёл туда уцелевший из роты боец. Рота лежала на том самом обожжённом бугре, где мы на днях вырыли оборону. От ребят остались лишь угли или обугленные трупы: немец их всех выжег огнём. Пахло палёным человеческим мясом. Так, что выходит, нас троих спас от этой участи только случай. А наша судьба была здесь — разделить общий с ребятами крематорий. До сих пор там стоял запах горелого мяса. Нас от него рвало кониной. Мы там не стали задерживаться, и как можно скорее ушли, захватив на всю жизнь омерзение перед такой смертью.

Из письма 11.05.1942 года.

«Дорогие папа, мама и Милочка!

Пишу вам с передовой после нескольких дней ожесточённых боёв. Сейчас мы чуть-чуть отдыхаем, набираемся сил. Я уже не на Новгородском фронте, откуда нас перебросили недели две тому назад.

Как ваши дела, дорогие? Милые мои, живите получше, будьте все вместе — вот моя мечта. Мои земляки уже не со мной. Борисенко ранен — счастливый, будет блаженствовать в госпитале. О Беляеве ничего не известно. Местность здесь бугристая — Валдайская возвышенность (район действий окружённой 16 немецкой армии). Сейчас пришёл почтальон, пойду справлюсь, нет ли чего от вас, а пока спешу черкнуть вам несколько слов.

Обо мне не беспокойтесь — я живучий! К вам вернусь, только умейте ждать. Немцев ненавижу всеми фибрами души. На передовой держусь выдержано, обдуманно — благо, имею опыт. Водки почти не пью — только по несколько глотков, чтобы согреться, но не опьянеть.

Ты, Милочка, приобрети мне англо-русский словарь. Если вернусь, буду обязательно культурным человеком.

Целую вас, дорогие, крепко, крепко!»

В седьмой роте

После нескольких дней боёв наш батальон свели в одну неполную седьмую роту. Командиром роты был мордвин лейтенант Ивашкин. Глупый какой-то. Постоянно приказывает, всё «Засаекаю время». В боях каждый день, и почти каждый день атаки. Бесполезные атаки, в которых сразу, с самого начала известно, что ничего, кроме потерь не будет. Это очень угнетает и создаёт настроение бесперспективности. Все ребята до смерти усталые и измученные. Все тешат себя надеждой, что нас отведут формироваться куда-то на Урал, в глубокий тыл после всех этих страшных потерь. Я в это, конечно, не верю, но перспектива так заманчива! Рядом со мной новые люди. Из старых — только Афонька Карасёв, которого взял к себе связным Ивашкин, Беликов да наш ротный старшина Киселёв. Армавирцев в роте уже никого нет. Они остались ещё в штабе полка и, говорят, в штабе дивизии.

Насыщение артиллерией у нас всё возрастает, артиллерийский огонь с обеих сторон становится всё более ожесточённым. Я всё никак не могу разделаться со списками бывшей своей роты — надо выписать всем похоронки, но прежде, чем их писать, всё надо точно проверить.

Налет Юнкеров

Наша рота занимала оборону на склоне холма. Траншеи у нас вырыты в полный рост. День был солнечный. Под вечер налетело около двадцати юнкеров. Они построились в страшный круг и поочерёдно пикировали. Продолжалось это очень долго. Стоял вой, грохот, вздымалась земля, казалось, выворачивались наизнанку наши окопы, мы совсем оглохли — но особого вреда нам не причинили. Было только очень страшно смотреть, как отрываются чёрные бомбы, и эта смерть летит на тебя. Это был просто ад: фрицы озверели и задались целью именно нас начисто уничтожить, вывернуть наизнанку.

Мы тоже озверели и били по ним из ручных пулемётов, автоматов и винтовок. Как хотелось сбить хотя бы один этот трижды проклятый самолёт! Однако наши усилия были безрезультатны. Они нас терзали, сколько хотели, но, несмотря на весь этот ужас, я чувствовал себя в эту бомбёжку лучше, чем в прежние, потому что всё время стрелял в них. Как было жаль, что мы ни одного не свалили! Как ненавистны были эти чёрные, горбатые машины! Они ушли только с заходом солнца, оставив перекорёженной землю вокруг наших траншей. Убитых и раненых было мало, но нервотрёпка для нас была очень сильной.

Ласточка

Мы сидим в нашей ротной землянке, перекрытой одним накатом. Она в ложине у ручейка. Чуть поднимешься на бугорок — сразу по тебе очередь. Нас в землянке человек семь, смертельно уставших бойцов. На полу — лапник. Справа от входа лежат ручные гранаты. Вчера была очередная ночная атака, в которой мы потеряли многих ребят. Разго-

вор, как обессилевший костёр, вяло тлеет. Снаряды всё время проносятся над головой и часто рвутся около нас. День, но очень хочется спать. Я вылез из землянки и сбегал оправиться, в укрытие, до которого надо было добраться, то перебежками, то ползком. Когда вернулся, почувствовал, что с ребятами случилось что-то очень страшное. Все сидели бледные, мрачные и очень расстроенные, с расширенными глазами. В чём дело? Оказывается, в моё отсутствие в бойницу влетела ласточка и долго билась и металась по землянке, никак не могла улететь. Ребята её поймали и выпустили наружу. Это одна из самых страшных примет на фронте: если влетела ласточка, то значит, она была предвестницей смерти. Все приуныли и стали думать, как бы скорей покинуть этот обречённый на смерть блиндаж. Как я ни пытался их расшевелить, и как сами ребята ни храбрились — чувствовалось, что всем нам очень страшно.

В этот вечер была моя очередь идти за супом. Я собрал котелки и ушёл. Когда вернулся в вечерних сумерках, то застал на старом месте развороченный прямым попаданием снаряда блиндаж и выброшенные из него обезображенные трупы и куски от моих ребят. Все до одного погибли. Я остался жив либо потому, что ласточка влетела без меня, либо потому, что ходил за супом.

В тот вечер был сильный обстрел. Больше всего меня на всю жизнь поразили вид одного из моих товарищей: он сидел на земле, прислонившись к стенке спиной, а голова была начисто срезана. Лишь на шее было насажено небольшое блюдце из черепных костей, заполненное свежими, розовыми от крови мозгами.

Сначала я съел свой и моих погибших товарищей суп, а потом пошёл докладывать о случившемся командиру роты. В этой землянке погиб и мой старшина Киселёв, с которым мы за это время сдружились.

Концерт

Наш полк (остатки полка), после ожесточённых боёв, отвели на несколько километров от передовой и расположили под вечер в лесу, на поляне. Перед поляной соорудили помост из досок: нам, для отдыха и разрядки, сейчас будет концерт дивизионной самодеятельности. Мы утрюмо лежим на траве, материмся, переругиваемся и с наслаждени-

ем курим. У помоста суетятся политруки и артисты. Между нами и артистами — огромная пропасть. Они свежие, чистые, ладно одетые, мы же пушечное мясо, только что вынуженное из кровавых боёв, грязные, оборванные, с запахом крови, дыма и смерти, ещё не остывшие от предыдущего боя. По сути, нам не надо никакого концерта — нам хочется покоя, тишины, жратвы и сна.

Руководит концертной дивизионной бригадой этакий рубаха-парень Смузилов. Солистом выступает гладкий, пухленький красавчик Сизиков, нежный тенор. Несколько танцоров — ловких ребят и ладные девушки из штаба дивизии и медсанбата. Может быть, все они были хорошие ребята, но нам все они сегодня враждебны: мы не можем принять их, а они не могут понять нас: там, в штабе дивизии, совсем другой дух, другая обстановка. Нам они сегодня противны. Вот, при энергичном взмахе рук Смузилова, зазвучала песня:

*«Бьётся в тесной печурке огонь
На поленьях смола, как слеза
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза».*

Ведь хорошая песня, но то, первое впечатление от неё было для меня столь отвратительным, что я эту песню невзлюбил на всю войну — посчитал медсанбатовской, бабской подделкой под настоящую фронтовую жизнь. Был хор, где запевал Сизиков:

*«И названным гвардии будет
Четыреста двадцать второй»*

(Это наш 422 СП).

Мне хотелось взять гранату и разнести всё это хозяйство Смузиловых. «Хорошо устроились, ребята!» Такие мысли были, конечно, не у всех нас, но у очень многих. После концерта и политинформации нас опять отвели на прежние позиции, и мы опять пошли в атаки, а Смузилов–Сизиков и концертная бригада вернулись в свою среду, где тоже, наверное, было не сладко, но которая отличалась от нашей, как жизнь от смерти.

Смерть Литвинова

Вместо Киселёва ротным старшиной стал очень хороший мужик — Литвинов, родом из Северного Казахстана. Мы с ним быстро сдружились. Он хорошо заботился о роте, был честным, бойцов не обманывал. Много разговаривали мы с ним о войне, о её перспективах, о нынешней нашей нелёгкой доле.

Шли мы с ним как-то в роту по ложбине. День был тихий. Немецкая артиллерия почти не била, стрельбы тоже почти не было. От переднего края было километра полтора. Он шёл слева от меня — с немецкой стороны. Мы спокойно разговаривали — вдруг он упал, будто споткнулся. Я наклонился над ним, чтобы помочь встать и увидел, что на губах у него уже розовая пена — готов! Перевернул на спину, ощупал и из левой половины груди пальцами выдавил уткнувшуюся туда дальною, случайно прилетевшую шальную винтовочную пулю. Она только чуть-чуть воткнулась в грудь, но достала до сердца. Умер он мгновенно.

Растерянный, я взял эту пулю его и свою винтовку и побежал в штаб батальона, который был поблизости, чтобы сообщить. Оттуда взял бойцов, и мы притащили Литвинова в штаб батальона на плащ-палатке. Тут же меня вызвал к себе комиссар батальона. Я, полный впечатлением столь глупой и неожиданной смерти друга, всё ему рассказал. Дальнейшее я никогда не забуду. Комиссар не поверил ни единому моему слову. Он, с недоверием, подверг меня уничительному допросу, выискивая противоречия в моих показаниях. Смотрел на свет винтовку Литвинова и мою — нет ли следов свежего выстрела. Расспрашивал, что говорил, чем дышал Литвинов в последнее время. Что подозревал комиссар? Самоубийство? Убийство после ссоры? Не знаю. Но мне хотелось его застрелить. В конце концов, я возмутился и наговорил ему дерзостей, и это, кажется, его проняло, он от меня отстал. Со смертью Литвинова остался у меня из друзей только Афонька!

Стало так тоскливо и муторно на душе. Каждый день — огромные потери. Пополнение тает прямо на глазах. Твоя участь вполне известна: не сегодня, так завтра тебе тоже судьба здесь гнить. Единственная надежда — если ранит, а кроме этого надежды никакой нет.

Бои жестокие, но бессмысленные. Я готов отдать жизнь за нашу победу, но так бессмысленно, как здесь — право же, не хочу!

Из письма 22.05.1942 года.

«Дорогие, милые папа, мама и Милочка! Получил ваши письма от 09.05. Большое спасибо. После 10.05 мне писать было некогда. Да и сейчас над головой свистят снаряды и мины. Часа через два пойду за ужином для роты и передам письмо — пусть идёт к вам. Я теперь в 7 роте, так как после первых боёв у нас была некоторая перетурбация. Сейчас у нас весна. Стали распускаться деревья, зазеленела молодая трава, расцвели первые цветы. А люди занимаются бессмысленным и позорным делом. Навязался, сволочь!

Милая сестрёнка! Не знаю, какие мысли бродят в твоей голове, но заклиная тебя всем, что нам дорого: подумай о папе и маме. Им довольно одной болячки — меня.

Беспокоят меня и Крымские дела. Придайте им, пожалуйста, очень большое значение. Помните: нефть. В случае чего примите правильное и мужественное решение. И ещё, дорогие, пишите мне, пожалуйста, чаще. Как будет передышка, я напишу вам — только едва ли скоро».

Из письма 01.06.1942 года.

«Вот и весна прошла, лето настало, а бойня всё продолжается и долго ещё до её конца. Ваши края вовсе не тихие: сегодня тихие, завтра возможна жестокая буря, какой вы себе не представляете. На нашу долю выпало скверное время, но будем крепиться изо всех сил. Пусть сейчас скверно, пусть сердце порой так болит, что всё кажется чёрным — пусть! Впереди всё равно нас ожидает радость.

У вас, наверно, сейчас во всей прелести лето. Клубника и вишни поспели. Мои дела ничего. Сейчас тихо-тихо. С самого утра ни одного выстрела. Только если кто выйдет на пригорок, по нему сразу очередь. Я в лощине у самого ручья. У нас хорошая землянка, даже пишу «за столом». Место более-менее спокойное. Здесь наш ротный пункт. Все эти дни шли проливные дожди. Текло, текло — весь до нитки был мокрым, потому и не мог писать. Но уже два дня светит солнце.

Мы обсушились, обогрелись, — жить сразу стало лучше и веселее. У нас в большинстве новые люди. Я живу не так плохо, как может казаться, но всё относительно! Как мне хочется получить от вас, от каждого, по длинному, большому письму, в котором бы вы обстоятельно рассказали о вашей жизни, мыслях, положении в Армавире и вообще о «гражданке», о которой я, как надел эту серую форму, уже так

давно и ничего не знаю. А то вы пишете: «живём прилично», а что это такое? Ну, постарайтесь жить лучше — горестей впереди ещё много. Берите пример с фронтовиков: как только затишье, так и слетело мрачное настроение — приятные воспоминания и рассказы.

Будьте здоровы. Крепитесь! И думайте обо мне поменьше — я вернусь, обязательно вернусь. Целую крепко».

Из письма 03.06.1942года.

«Сейчас у нас тепло, ласково светит солнце. Мы после долгих боёв «на отдыхе» — в обороне. В атаки не ходим, по фрицам не стреляем и при первой возможности спим. Правда «бдительность» и «старательность» нашего лейтенанта эту возможность сводят к нулю.

Что поделаешь? Ведь надо же, как следует укрепить это болотце, около которого мы стоим. А посему инженерные работы у нас ведутся днём и ночью. Я, как инженер, казалось, таким оборотом должен быть доволен — но, ей богу, спать очень хочется! А дня через два, как минимум, мы ведь всё равно перейдём в другое место. Эту механику мы уже изучили.

Мамино письмо получил вчера и читал со слезами. Верю ли я, глубоко верю, что буду жив: как же не жить, если дома тебя ждут столько любящих! Ваши думы и заботы придают мне мужества. Верьте, родные, — вернусь! Пусть у вас перед трудностями не опускаются руки. Заботьтесь о себе. Впереди нас ждут радости. Запаситесь продуктами — вы ведь живёте на всём покупном. Знайте: в Ленинграде сейчас 200 г. масла стоит 300 рублей, под Москвой мешок картошки 1500 рублей. Сегодня нам выдали новые английские ботинки. Лёгкие, удобные, воду нипочём не пропустят. Ох, и качество!

Ваш любящий Гриша».

Из письма 04.06.1942 года.

«Высылаю справку, что я в действующей армии.

У нас эти дни удивительно тихо. Наши, правда стреляют, но немцы молчат или стреляют не туда, где мы. В эти дни не приходится думать: «Земли вокруг так много, а мой окоп так мал — неужели ты прiletишь именно в мой окоп?» А попадание метрах в 3 — 4 от хорошего окопа для меня ведь уже не страшно.

Сейчас около 5 часов утра. Утро замечательное. Вспомнил, как мы в такие же утра вместе с папой и дядей Сашей «сапали» кукурузу у армян. Тихо-тихо. Даже птицы откуда-то появились. Чирикают, как будто вчера и не было здесь никакой стрельбы.

С нетерпением жду от вас письма. Обо мне не беспокойтесь. Если долго не будет писем, значит такие условия, что писать не возможно. И не обязательно это бои: могут быть и походы, дожди, нехватка времени и т.д.

Если со мной что случится, вам сразу сообщит писарь штаба нашего батальона. Он сообщит в тот же день. На этот счёт мы с ним договорились. Всего вам наилучшего!»

Артналет под песню

Мы с Карасёвым и Беликовым сидели в дозоре. В нашем распоряжении была небольшая траншея, отрытая в полный рост, а посередине прикрытая жердями, чуть присыпанными землёй — от осколков. Мы заступили вчера с вечера, а сегодня вечером нас должны были сменить. До смены оставалось несколько часов. День был пасмурный, но светлый. Через нас в ту и другую сторону шелестели снаряды. Не знаю, каким образом, только фрицы засекли наш наблюдательный пункт. Часа за два перед сумерками на наши головы посыпался шквал снарядов.

Это была очень тяжёлая для нас бомбёжка. Много мне их пришлось пережить — но эта была одной из самых жестоких. Наша щель ходила ходуном, стенки обваливались от разрывов. Снаряды падали совсем рядом — справа, слева, впереди и сзади без пере дышки. В общем, так долго не могло продолжаться — вот-вот должен прилететь наш снаряд. Мы почувствовали, что песенка наша спета. Обнявшись, мы прижались друг к другу в середине щели, прикрытые фиговым листком, и мысленно стали прощаться с жизнью. А немец всё лупит и лупит, вокруг всё шатается. Мы оглохли от визга снарядов и взрывов, и стало нам очень страшно. Но человек — удивительное создание. Никогда не знаешь, что к чему приведёт.

Когда от страха стало совсем невмочь, когда наступил момент, и мы поняли, что действительно прощаемся с жизнью, и нет нам никакого спасения, — страх вдруг совсем прошёл, осталось буйство. Мать-перемать! — Умирать, так с музыкой! Мы выпрямились, взялись под руки и с упоением запели:

*За грибами в лес девицы
Гурьбой собрались.
Как пришли к опушке леса,
Так и разбрелись.*

*Одна грибов не собирает
И цветы не рвёт,
Лишь по лесу раздаётся
Весело «А — у!»*

*На опушке в чаще леса
Берёза стоит
А под этою берёзой
Девушка висит.*

*Вот вам, девицы, наука
Как в лесок ходить,
А ещё одна наука,
Как ребят любить!*

И чем сильнее рвало снарядами землю, чем ближе от нас, тем веселее и задорнее была наша песня. Мы слились с ней, как с душой и могли с ней улететь куда угодно, хоть на небо, а там чёрт с ним! Нам было радостно, весело и совсем не страшно: умираем с музыкой!

И песня нас спасла: прямого попадания в нашу щель не было, хотя вокруг всё было искромсано воронками.

Дожди

В конце мая лили проливные дожди. Наши окопы стали болотом, стенки рушились, и их почти доверху заливало водой. Вычерпывать воду было бесполезно. Она выгнала нас из окопов почти на виду у фрицев. Тем тоже, наверное, было худо, но гораздо лучше, чем нам, так как они занимали высоты, а нам не разрешали отойти назад.

Наша артиллерия принялась с ожесточением бить по фрицам, чтобы воспользоваться тем, что окопы полны водой. Не знаю, что там, у фрицев было, но они ответили тем же по нам, по пехоте. Нам было очень несладко. Под обстрелом пришлось нырять чуть ли не по горло в воду и там сидеть. Другого выхода не было, да и какая разница — всё равно весь мокрый, до нитки.

Много наших ребят тогда погибло. Я до сих пор не пойму, почему нельзя было нас отвести на высоты немного назад? Там грунт песчаный, тоже сыро — но всё-таки можно было бы как-то жить. Наконец, наши окопы раскисли и почти сравнялись с землёй. Откосы уже совсем не держат. А дождь всё льёт и льёт. У нас по всему телу пошли волдыри, величиною с грецкий орех и даже яблоко. У многих стали отниматься руки или ноги: их просто скрючивало.

Жизнь стала настолько противной, что кое-кто стал искать смерти — лез напрапалую под пули. Шинель, пропитанная грязью, — толстая, как одеяло, ты весь в волдырях, ноги не гнутся, в глазах тоска. Единственные две радости — водка и махорка. Если бы не они, я бы не выжил тогда.

Наконец, нас всё-таки отвели за пару километров. Располагаемся на опушке леса, тоже под дождём, но не по горло в воде. На следующий день нас несколько человек самовольно сбежали вглубь леса, туда, где можно было развести костёр. Какое это было блаженство! Под проливным дождём создаём огромный костёр в глубине леса, пламя из толстых брёвен уходит на несколько метров вверх, создавая зону божественного тепла, сухости и уюта. Все разделись догола и стали сушиться и прогреваться. Пусть нас поймают, пусть судят, пусть расстреливают! За это блаженство можно отдать всё на свете.

Пузыри на коже начинают лопаться, как только удаётся их хорошо прогреть. Ноги тоже стали гнуться. Высушиваем всю обувь и одежду — ведь мы не были у костра не менее десяти этих дождливых мрачных дней. Потом наварили пшённой каши, наелись, отогрелись — и жизнь опять стала прекрасной! К вечеру мы возвратились в свою роту. Наша отлучка прошла гладко. Люди были все, как полутрупы. Тогда (это единственный на моей памяти случай) многих пришлось отправить в госпиталь по болезни — скрючило.

Английские ботинки

В первых числах июня погода улучшилась, выглянуло солнце, стало тепло. С шинелей повалил пар. Нас отвели на более тихое место, где мы заняли оборону у небольшого болота.

Ротный пункт я со старшиной (уже третьим по счёту) расположили в лощине, у ручья, недалеко от болотца, где лежала рота. Тут сравнительно тихо, только не следует показывать нос из-за пригорка. За время дождей обувь почти у всех нас совсем расквасилась, вылезли пальцы. А тут пришёл подарок союзников — мечта! Английские кожаные ботинки на толстой подошве, лёгкие непромокаемые! Слюнки текут.

Когда мне выдали эти ботинки и я их надел на ноги, то взмолился про себя господу богу: «О ты, господь бог, всемогущий и всеильный! Пусть я проживу на свете хотя бы столько, сколько выдержат эти ботинки!» Этот случай показал мне, что я был воистину настоящий дурак — нашёл, сдуру, кем восхищаться: союзничками! Эти ботинки, попав в воду, через несколько дней у меня разлезлись в прах: они оказались фальшивыми, как была фальшивой и их, союзническая к нам любовь. Вместо кожи в ботинки всадили картон! Вот так-то! Совесть у кого-то хватило, и в такой для нашей страны момент. Эта пилюля сразу сохранила меня на счёт союзничков от всяких иллюзий.

Военная игра

Лишь только мы немного обсохли и чуть-чуть пришли в себя после боёв во время проливных дождей, как нашу 7 роту потребовали на военную игру. До этого мы весь вечер чистились и приводили себя в порядок, нам дали пополнение, а тем, у кого совсем был жалкий вид — новое обмундирование, в том числе и английские (навек Черчиллю благодарен!) ботинки. Рано утром мы тронулись в путь ускоренным маршем. Погода была отличная: тепло, проглядывало солнце, в лесу опьяняюще пахло молодыми побегами сосен.

Роту отвели километров за 15 от передовой в светлый сосновый лес, и остановили на дороге у его опушки. Грунт везде песчаный — красота! Нас встретил целый синклит высокого начальства — мо-

жет быть, во главе с командиром дивизии, а может быть, и выше. Нашему начальству была поставлена задача: взять высоту. В течение целого дня мы различными способами проводили на эту высоту атаки, орали «ура», кидались на неё в бросках, ползали попластунски, ну и т.д. и т.п.

К вечеру устали и охрипли, тут наше начальство утомилось, и нас отправили к себе на передовую назад, благо и животы подвело, да и силы уже были на исходе.

Из письма 21.06.1942 года.

«Дорогой папа!

Получил ваше коллективное и твоё письмо от 07.06.1942г., как обычно, через 7 — 8 дней после отправки. Ответить до сих пор не было возможности. Боюсь, что и это письмо не допишу. Мы с 13.06.42 находимся в тылу, километров за 30 от фронта. Зачем мы здесь и сколько здесь пробудем, толком не знаю. Вчера на полковом собрании нам сказали, что будем доучиваться умению воевать. Программа составлена до 31.06.42. У нас все упорно говорят о переформировании где-либо на Урале.

По-моему, переформирование должно быть, но каким образом мы получим пополнение и обучим его — я не знаю. Очень может быть и так: дадут пополнение, подучат и опять туда же. В общем, гадать не будем.

Всё здесь было бы очень хорошо: природа богатая, местность красивая (19 км, от г. Валдая), горки, трава, лето. Мы поставили шалаши, развели костры, пообмылись, пообсушились, побрились. Кажется, чем не дача? Чем не жизнь?

А тем, что с самого 13.06. по сию минуту идёт проклятый назойливый ленинградский дождь. Просветит небо на несколько часов через сплошные хмурые облака — и опять посыплется с новой силой эта трижды проклятая вода.

Когда дождь идёт за окном — хорошо сидеть в тёплой комнате у печки и рассуждать о чём-нибудь приятном. Но когда эта сволочь проникает во все щели, тебя не спасает никакой шалаш, вода бежит целые сутки, холодно, ноги зябнут, а тут ещё в шалаш понабивались целые стада комаров и зудят над ушами, кусают тебя по нескольку штук сразу и куда попало. Тогда... тогда ты в бога мать проклинаешь эту распроклятую Ленинградскую область со всеми её болотами, мошкаррой и населением (исключая Ленинград).

Вот и сейчас я лежу в шалаше, сделанном из плащ-палаток. У нас ещё срав-

нительно хорошо и сухо. А дождь льёт, как из ведра. А ребят (всю нашу роту!) повели на учения — строить укреплённый район. Как сейчас там работать? Ведь все там мокрые до нитки и в грязи! Об оружии мы очень хорошо заботимся: за ржавую винтовку ой что будет! Где же забота о человеке? О том человеке, который, по мнению А. М. Горького, «звучит гордо»?

Все бойцы смертельно усталые: ведь мы месяц с лишком воевали, да в каких условиях! Моё положение, конечно, лучше свободнее и на работы мне можно не ходить. Питаюсь неплохо. В 1.1/2 км. от нас деревня шоссе Москва–Ленинград (примерно посередине). Там достал молока. Нам дают 800 гр. хлеба, стол неплохой, в котле есть мясо каждый день.

Вот так и живём.

Спасибо тебе за заботу за хорошие слова обо мне. Странно мне сейчас, греясь у костра в разгар лета в этой паршивой области, вспоминать о том, что у вас уже должна кончиться клубника, что давным–давно вишня поспела. Здесь так холодно, как у нас в ноябре, да плюс к этому беспрестанные дожди.

Да, дорогой папа, война и мне до омерзения надоела. Но что делать? Надо ведь выгонять сволочей! А о том, как хочется домой, увидеть вас, поговорить с тобой обо всём — и не говори, как хочется. Обо многом мы могли бы поговорить, многим поделиться. Меня война тоже многому научила. Будем надеяться, что час нашей встречи не за горами. Верю крепко: мы ещё встретимся, чтобы больше не разлучаться. Крепись, дорогой, в эту тяжёлую годину. Поддерживай маму и Милочку.

А о комсоставе я не думаю: жизнь военных в мирных условиях представляется мне неестественной и противной, и закабалить ею себя на всю жизнь я не хочу. Кинуть обмотки и пилотку в печь на другой же день после окончания войны — чуть ли не самое моё горячее желание».

Из письма 25.06.1942года.

«Дорогие мама и Милочка! Долго вам не писал — не мог из-за дождей непрерывных и острейшего недостатка времени. Успел 21.06. написать папе. Не знаю, сумею ли что-либо в ближайшие дни черкнуть: погода улучшилась, но сразу столько навалилось работы! И всё: «засаекаю время».

Я с 13.06.вместе со своей частью в тылу, за 25–30 км. от фронта. Здесь абсолютно тихо и спокойно. Даже немецких самолётов нет. Стоим недалеко от деревни. В 6 км. ж.д. станция, в одном км. шоссе Ленинград–Москва. Живу хорошо. До 30.06. составлено расписание занятий. Ходят упорные слухи, что нас отошлют формироваться на Урал.

Получил все ваши письма по 15.06. включительно.

Большое всем вам спасибо.

Вижу, что жизнь у вас плоховатая, но вы правы: в других местах она ещё хуже. Вижу также, что вы слишком уж нервничаете из-за меня. Не надо, дорогие! Всё будет в порядке — «All right», как говорят англичане. Поговорю с вами в письме и отведу душу как-нибудь на днях, когда немного больше времени можно будет выкроить.

До свидания.

Гриша».

Это письмо было последним, которые получили мои родители перед оккупацией Армавира. Следующими были письма только после изгнания немцев с Кавказа.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На этом, к сожалению, обрываются воспоминания, записанные Григорием Михайловичем Задворным. Последующие события участия в Великой Отечественной войне он записать не успел.

P. S.

В течение своей жизни я, Алексей Задворный, всегда гордился своим отцом, старшим научным сотрудником, кандидатом технических наук института гидротехники им. Веденеева, и часто просил рассказать его что-нибудь о фронтовом прошлом. Теперь, когда его нет, и перечитывая оставленные им воспоминания, вижу, что им записано далеко не всё. Так уж получилось, неожиданно для меня, что только моя память хранит высказанные, но не записанные воспоминания отца. Поэтому я и решил попытаться кое-что дополнить. За полную, документальную информацию, конечно, не ручаюсь.

Вспоминаю, как в семидесятые годы мы ехали в туристический, водный поход на поезде, где были распаханы наши сборные байдарки, рюкзаки и прочее. Дружно и весело играли в карты. Но вот поезд начинает проезжать где-то под Старой Руссой, по той самой Валдайской возвышенности. Неожиданно папа бросает свои карты, надевает очки и, с непонятным просветлённым вниманием, начинает вглядываться в бегущий пейзаж за окном. Молодая женщина, его партнёр по картам, возмущается: «Вы, что не будете дальше играть? Как же так!» А папа, продолжая вглядываться, отвечает: «Подождите, ребята. Дайте посмотреть. Я ведь тут воевал». Остальные относятся с пониманием. Игра прекращается. Старая Русса. Сколько солдат полегло?

Эти места папа вспоминал чаще других. Хотя на самом деле первые двадцать лет после войны он о них не вспоминал вовсе, так как по его словам не мог ничего вспоминать, тем более рассказывать о фронте. Ему хотелось всё забыть.

В своих воспоминаниях папа останавливается на том, как ему выдал уже третий по счёту старшина английские ботинки, как их гоняли в этом новом обмундировании на учения, потом снова кинули в бой, где уже погиб их батальон. В письме к родным, он пи-

шет, чтобы не беспокоились, если с ним что случится, батальонный писарь в тот же день им об этом сообщит, так как у них есть уговор. Однако писарь выбывает, его ранило. Из прежних друзей остаётся только один — Афоня Карасёв. Отец часто упоминал это имя. Этот человек среди фронтовиков, как я понимаю, был по-своему знаменит. Ведь он сумел прожить на передовой целых четыре месяца. Тогда, как средняя продолжительность жизни в таких условиях составляла две недели.

В это время папа начинает особенно следить за своим другом: у того сдают нервы. Афонька Карасёв погиб в сентябре 1942 года, когда моего отца не было рядом. Он ещё не полностью оправился от контузии и только что был выписан нестроевым. А когда вернулся, ему рассказали, что этот русский парень, подвыпив, не выдержал и полез из окопа наверх показывать фрицам дулю.

Так проходит июль 1942 года. Четвёртого августа этого же года папа становится писарем уже не существующего батальона, взамен выбывшего. Выписывает похоронки и как только закончит сводить концы с концами, и, выяснится, куда же делись люди, ему идти в бой. А также помогает командиру батальона старшему лейтенанту Ковалёву составлять топографические схемы. Наконец, его работа закончена, наступает и его черёд. Созданы штурмовые группы. Это происходило под Бяково. Поставлена задача: захватить немецкие дзоты. Они лежали цепочкой в болоте среди трупов около этого Бяково. Стоял август. Жара. Немцы методически обстреливают их из миномётов. С каждым разом их становится всё меньше. У кого не выдерживают нервы, тех бьют снайперы — «кукушки».

Отец рассказывал, что они, как могли, вырыли окопчики на этом болоте и обложились трупами, как основным средством защиты. На них сидело огромное количество больших зелёных мух. Окапываться на этом болоте не представлялось возможным. Рядом находился окопчик Фёдорова, ленинградца, с которым они вместе курят. Из всей штурмовой цепочки их остаётся двое. Очередной миной убивает и его. Теперь отец остается один, надо выбираться. Еду прошлой ночью им уже не носили, а днём этого сделать нельзя: бьют «кукушки». Под вечер он решает сниматься с

этого гиблого болота. До спасительного леса довольно далеко. Он выбирает себе несколько первых объектов для бросков. Всевозможные кочки и прочее. И начинается игра со снайпером. Проскочив несколько объектов и залегая в каждом из них, постепенно движется в сторону леса. Папа старается сделать свои броски непредсказуемыми. Меняет ритм, направление. То выскакивает несколько раз вперёд, в сторону леса, то назад, но неуклонно приближается к цели. Кажется, пару раз немецкие пули были очень близки. Отец чувствовал их у головы. Сколько длилась эта борьба, он мне не говорил. Наверно, сказал бы, что бесконечно долго. Помню, рассказывая, приговаривал: «Ох, и ругался же, наверно, этот фриц, что так и не сумел меня подстрелить».

Позднее, в сентябре, их вдвоём с товарищем послали ночью подорвать немецкий дзот. Они осторожно ползли в промежутках между осветительными ракетами, и замирая при их освещении. Немецкая оборона всегда была очень организованной. При малейшем, подозрительном шорохе они выпускали в этом направлении очередь трассирующих пуль. Достаточно двух таких очередей, пущенных двумя автоматчиками, чтобы с математической точностью определить его координаты. Произошла засечка. В точку пересечения посылаются мины.

Когда отец пришёл в себя, обнаружил, что цел, только совершенно оглох, его контузило и сбросило очки. К утру ему удаётся всё-таки выползти назад в свою часть и разыскать командира батальона, старшего лейтенанта Ковалёва, который направляет его в санчасть.

Папа мне рассказывал, что во время этих страшных боёв, всякий раз, когда выпадала его очередь отлучаться за едой для товарищей, ему искренно радовался их повар: «А! Жив, очкарик? Ну, молодец!», восхищался он, накладывая горячий суп или кашу.

Через пару недель пребывания в санчасти его выписывают временно нестроевым, в ожидании новых очков, и пока не пройдёт контузия. По возвращении в свою часть уже в конце сентября его также временно назначают писарем хозяйственной части полка — ВТС (военно-технического снабжения), где командовал капитан Лапатуш. В обязанности писаря входит также сбор оружия и противоголовок на передовой. Но эти обязанности для моего отца,

как я понимаю, были куда более лёгкими, чем постоянные бои на передовой. Так проходит осень.

В начале зимы он замещает инженер–капитана полка, который заболел. Одна из его обязанностей привозить, выдавать бензин. Теперь неизвестно по какой причине, но капитан Лапатуш его явно ненавидит. Однажды к отцу подошёл капитан заместитель командира полка по материально–техническому обеспечению. Он потребовал выдать бензин для поездки за сеном. Бензина не было. Оставался только Н. З. (неприкосновенный запас). Однако капитан всё равно настаивал на выдаче. На что мой папа отвечал: «Не могу товарищ капитан. Оставьте письменную расписку». У отца временно была должность инженер–капитана полка, но он в звании рядового. Как известно, был указ Сталина о возможности расстрела на месте, за невыполнение приказа начальника. Капитан ещё раз, уже в форме приказа, повторил своё требование, расписки он не давал, последовал тот же ответ. Тогда капитан бешено хватается за кобуру и пытается вытащить пистолет. Однако натывается на взгляд рядового и стиснутый им карабин. Молча, смотрят в глаза друг другу. Отец твёрдо меня заверял, что застрелил бы его первым. Видимо, оценив положение, капитан тихо застегнул обратно свою кобуру и пригрозил: «Ну, подожди! Ты у меня...» Как только вернулся из госпиталя начальник, инженер–капитан, отца тут же отправляют обратно на передовую.

Стоит декабрь 1942 года. Вместе с пополнением ему предстоит штурмовать дзоты. В штабе полка перед отправкой на смерть идёт просмотр документов. Старший лейтенант Тарасов вдруг вопрошает: «Политехник?» «Да», — отвечает отец. «А, на каком факультете?» «Гидротехническом». «А, (называет фамилию) знаешь?» «Нет, не знаю». «А, (называет другое имя с другого факультета) знаешь?» «Нет». Старший лейтенант оказался своим братом политехником и определил моего отца писарем в строевую часть полка. Через некоторое время выяснилось, что того солдата, который был взят на его прежнее место, убило прямым попаданием снаряда. Хотя папа и считал эту службу тыловой, но артиллерийские обстрелы по штабу полка все же производились. Так закончился 1942 год.

С начала января 1943 года он на новом месте, как уже было сказано, служит писарем в штабе полка. Составляет учёт потерь, строевые записи, выписывает похоронки. Их четверо солдат в штабе полка. Все трое (кроме него): Казанцев, Бойков, Кондаков — «воры в законе», бывшие «зэки». А Кондаков — мошенник-бухгалтер. Отец для них чужой. Поначалу ему не доверяют.

По штабу полка проводят частые орудийные обстрелы, но землянка у них в два наката, и отцу это, по его словам, уже, можно сказать, пустяки. Приведу небольшое пояснение. Землянка в один накат брёвен, защищает, но от прямого попадания не спасает (см. главу «Ласточка»). От прямого попадания снаряда спасут только три наката. Но и два наката, как следует из рассказов моего отца, являли собой тогда большую роскошь. Ему приходится совершать частые вылазки на передовую после боёв, собирать документы, уточнять потери. Однако, как я понимаю, эта служба не идёт в сравнение с предыдущей фронтовой. Ведь недаром сюда смогли проникнуть эти ловкие «воры в законе».

Затем, отец освоил сочинение «наградных». В штабе полка он был единственным их сочинителем, грамотно излагающим обоснования, и только вследствие этого они достигали своей цели. А почерк у него был отменный. Надо сказать, что я хорошо помню его невысокое мнение о некоторых обладателях этих боевых наград и, даже, о некоторых самих из медалей. Например, медаль «За боевые заслуги» — в шутку называл «За боевые услуги».

Если мне не изменяет память, перед ним там заискивали некоторые офицеры: ведь практически от него зависело получение наград. Сам же папа за всю войну получил только медаль «За победу над Германией», которую с гордостью носил, до тех пор, пока не увидел её у всех, и даже у тех, кто, по его мнению, не воевал.

В дальнейшем, в феврале 1943 года его назначают писарем командира полка, вместо ловко ушедшего на повышение офицера Филиппова. Идут тяжелейшие бои, до последнего солдата, во время которых в его обязанности входит ведение карты, дневника, выписка всех приказов, поступивших и отданных командиром полка и т. п.

Наконец, 26.03.1943 года его 453 часть выбирается из-под Ставрой Руссы и едет на переформировку через Москву в село Сол-

датское Курской области. Последний день смены войск, чуть не оказался для отца последним. Их было несколько человек, они сидели, в ожидании смены, посреди болота в землянке. Шёл обычный артиллерийский обстрел. И тут, по приближающемуся звуку все безошибочно определяют, что летит именно «их» снаряд. И действительно снаряд попадает точно под землянку. Товарищи бойцы замирают в ожидании. Вот сейчас, сейчас рванёт... Первый миг прошёл, второй и третий... И, чудесным образом, снаряд не разорвался, лишь землянку перекосило, да виски у всех поседали.

Как такое могло произойти? Неизвестно. Это может показаться неправдоподобным. Однако, на мой взгляд, удивительными и неправдоподобными являются очень многие описанные здесь события, и в особенности тот факт, что Г. М. Задворный прошёл всю войну до Берлина и вернулся домой живым.

а. Как долго будет это время и как нас исповедует? Не знаю. Может быть через какой-нибудь месяц а то и меньше! На фронт, а м. быть и в Лезинко. Вспоминаю, что сюда мы все-таки пришли, конечно, пока сюда, сюда и не ручаясь, что наши письма до меня дойдут. Не обижайтесь, я не беспокоюсь, если буду так сажу мало: очень мало времени. С непривычки мне муштра, конечно, не очень нравится. Дисциплина военная даже малость ругают, но это дело привычки — военная привычка. Теперь я уже в военной форме начал привыкать. Но это все ничего привычки.

Р.З. Теперь сейчас пришли ребята из школы. Здесь нас целое отделение состоит комсомольцев из Политехнического института — сборные ребята, бывший курс со старших курсов.

Р.З. Теперь сейчас пришли ребята из проходной (у нас 4 час педagogического перерыва). Они видят ребят нашего института. Так же все: всем ребятам — комсомольцам военная привычка пришла повсюду, даже издеваясь, что они

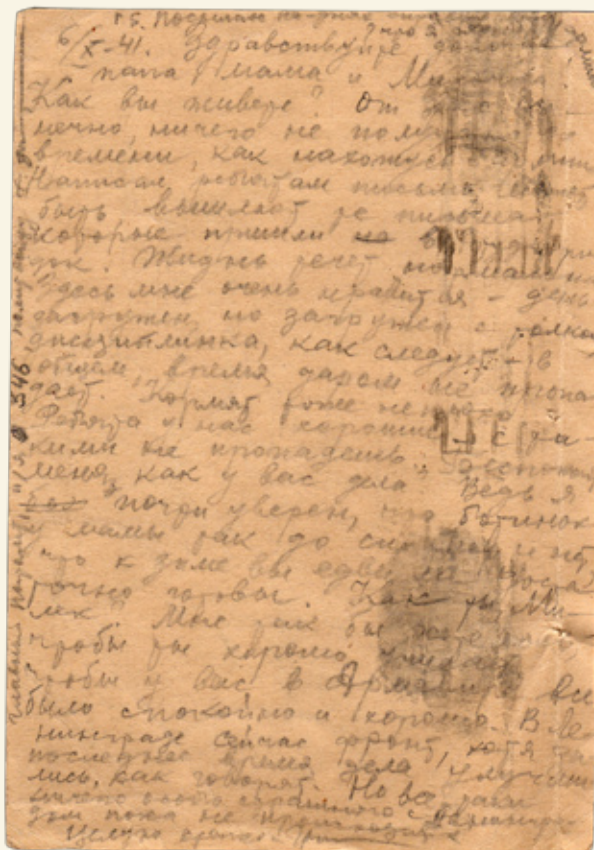
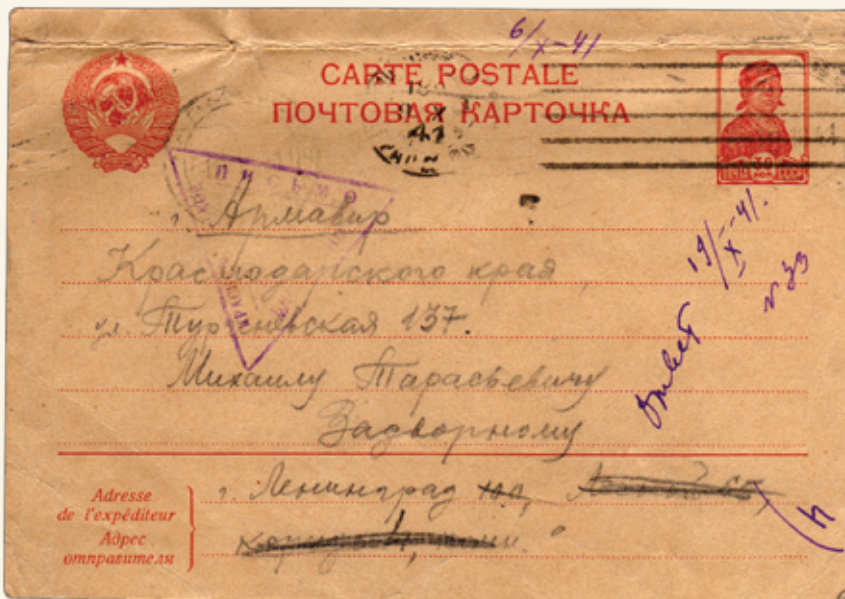
...и ввѣдъ (детей и женщин), и ввѣдъ
...и ввѣдъ, ввѣдъ и ввѣдъ - все
...и ввѣдъ.

Милое мое, обо мне беспокоиться совершенно
не нужно. Без тебя много сейчас сил, бран-
ей, путей и т.д. в Азии. Чем же я тебе
и. ~~Вот так~~ Заверю вас несомнен-
ным словом, что буду максимально беречь
себя. Я выслушиваю других (да, да - не
мало, известно и это вам), не трус,
хладнокровен и не дурак - это
мне поможет.

Тот, кто рассуждался популу не-
дальней, все идет своим чередом.
и вообще путь
миланского за. Климат наивнее
не так уж отдаленного. Все было хорошо.

А теперь о вас. Травку скажу, какой
маленькая меня беспокоит. Сидит по
вашей телятнице (может быть, это не так
по мне как у вас) вы еще сильнее по
всему довольно беспечно. Маме маме
мир, мама до сих пор без одышки.
А уверю вас — много вы сидите
добрых одышек — ну в утробе,
сейчас. Было же много, много, и вы
много по даше, ну, вы много
спрашиваете, дайте все. ~~Сидит~~

...о армий ~~федерации~~ Народ
 ...палений ~~рядовыми~~.
 Как видите, я предостерегаю ^{1.} райко
 парт-муж свою судьбу, при этом, я
 нахожусь в лучших условиях.
 Что мы делаем? Захлебываясь.
 Но живей, в общем, не много. Большую
 роль играет то, что ребята все
 дружные, все. Мы как все
 вместе и терпимая. Конечно и
 дальше быть вместе. Тут уж
 всегда на товарища помож
 ая можно. Ну, вот, и все
 обо мне.
 Как у вас дела?
 Есть ли у мамы огорь? Меня
 это все очень беспокоит. Почему
 вы как медлитель? На что надеетесь
 Будете в аравы, спокойней.
 Пора кончать, не вриши.
 Ну, давай вриши,
 здоровье.
 Вам модно?
 Да.

ПОСЫЛАЕТСЯ БЕЗ МАРКИ

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Куда

“ ПОЛЕВАЯ ПОЧТА ”

гор. Армавир, Краснодарский край.

Воспрещается уличная торговля, назло фронта, области, города, местечка. №137

Кому Михаилу Павловичу Задворному
Укажите фамилию, имя, отчество.

Наименование и адрес отправителя:

Вологодская обл.

г.р. Сокол, п.з. №2, 1 отд. кабинета №4
находятся почти в области или края, а для ступицы - наименование ж. д. ст. село или
Задворный Григорий Михайлович
персона, лица, № дома и квартиры, фамилия, имя, отчество). Цена 3 коп.

[illegible]

1/XII-41. №3. Дорогие мои мама, папа и Милочка!
 Поздравляю вас с наступающим Новым годом и желаю
 счастья, здоровья, благополучия. Я был в госпитале
 в госпитале. Благополучно, как и все раненые, меня здесь
 в госпитале, давшие в этот момент. Разве только
 предостерегаю, извините, даю. Пора вам рассказать
 как и что. Моейко трудно это сделать. Это уже после
 войны, если придется. А в письме - попытка беспомощная.
 Первые два дня я, как ослепшая собака, бьюсь в слезах
 в слезах, с удивлением приходящим к на правах и
 отчаянием, начиная с простыми и кровавыми и кровавыми
 и мучающимися и брызгами. Меня долго мучил в танке - все
 старался отбить эти - только как кончилась да
 так и пилотаж. Но постепенно - и очень быстро и бурно
 все привычные изощрения, просветления до
 мне - на фронте не до того, там "траншеи
 существуют" (не знаю, как выразиться, только
 что неправдоподобно пойму) приблизительно и сама
 это - "познание" (в траншеяхском понимании) спрашивается
 спрашивается, как привычка за темными окнами познания
 спрашивается. Но это все в будущем, вам мне не порадо
 правильно. Для этого надо быть самому там, чтобы
 вам или же мне рассказать вам о том, что
 было с иронией и с... А в общем, на фрон-
 те своя жизнь - такая, какая она и должна быть,
 только исключительного там нет - люди везде себя находят
 только их бы и правды всего соответствия слов
 и характерных они будут. Ты станешь в эту фазу
 и ты станешь таким же, пока в них отбрасыва
 необходимость ~~только~~ и все будет естес-
 венно. Но если посмотреть со стороны, то
 тогда действительно покажется, что наша
 жизнь была очень трудной и грубой.
 Но самом-то деле было много, потому что, веро-
 ятнее, мне приспособляясь к жизни человека на
 фронте.
 Сейчас я вконец полюбил своих товарищей, которые
 нахватались с нами как девочки с куклами, а забы-
 вая, вернее по привычке не зная с кем и что
 делать. Так 18-летняя сестричка говорит здоровей-
 шему бойцу, насквозь пропавшему нахлеб, пивши-
 му, канту, день спавших водки своим убийственным
 дружок и не аммиавшим на передовой
 обращающа без ума: Милочка, дай подлинный
 потеху! Но удивительно, прошло лишь 4 дня
 как мы в госпитале, а нас совершенно не узна-
 ны расслабленные, разнеженные, а что каждая
 себе говорит, "вспалудата" материк, здесь
 совершенно неважно. В общем все
 я так же как и раньше, только единственно вояки

стали думать. Кто больше ранен, приняв
мужество свой бран с прилежностью и отвагой, а от
сравнения с другими мужеством и отвагой, а от
и сюда. ~~Словом, который~~ ^{Где-то ранен, самодовольно} ~~да еще и другим~~ ^{помогал} ~~дальше~~
Капризничает? А мне через несколько часов
носа раненный ~~делом~~, ~~неудачно~~ ~~наудачно~~ ~~позаботился~~
вытащить, ну что же в палатке, в полевой обстановке
тут без заморачивания, перебежки, раны, я не пик-
нух — теперь, наверно, буду ~~такой~~ ^{как} ~~поросяток~~.
Так что и я теперь уже не смогу описать переживания
правильно, а тут же это будет в издании. Стендаля со стороны
Иногда уж приходится с госпиталями — я уже, потому, пока
то с помощью костылей, но не сегодня, — завтра бранюх
Кормяг очень хорошо: внимательно, вдумчиво, разнообразно
В конце, октября нас перебросили
на тихвинский фронт. Ехали по Ладожскому озеру,
т.е. дорота на Ленинград. Была переправа.
В Ладож. оз. многие нафронтных сражений, а я болевших
наудачу. Выразился: ехали на старом, но великом
корпусе, а реально развалилась борта — бортовой корпус
Мот, конечно, на палубе. Тут же на канатах, воняла пере-
валиванием, через борту. Это-то кажется по палубе,
судовых их спринт, да еще и мокрый, до
мокрой. ~~Потом~~ ~~мать~~. Ипотика, конечно, не
мудрено, в освещении человека. Второе, тогда
мать на судно, в освещении, если ему до-
бавил выворотило ~~рассвет~~ ^{рассвет} ~~назад~~ ~~назад~~.
Кое-кто был ~~вот~~ ^{тоже}. Я первый раз руга ~~сильно~~, как
двух ~~милых~~ ^{милых} ~~милых~~, ~~было~~ ^{было} ~~безумным~~ ^{унылым}.
Принималось ~~каждому~~ ^{каждому} ~~паники~~ ^{паники} ~~забыть~~ ^{забыть} ~~такой~~ ^{такой}
там, в том я полагал. Дирались до ~~меша~~, конечно,
~~полазополучка~~.
Очень скоро я был уже на передовой

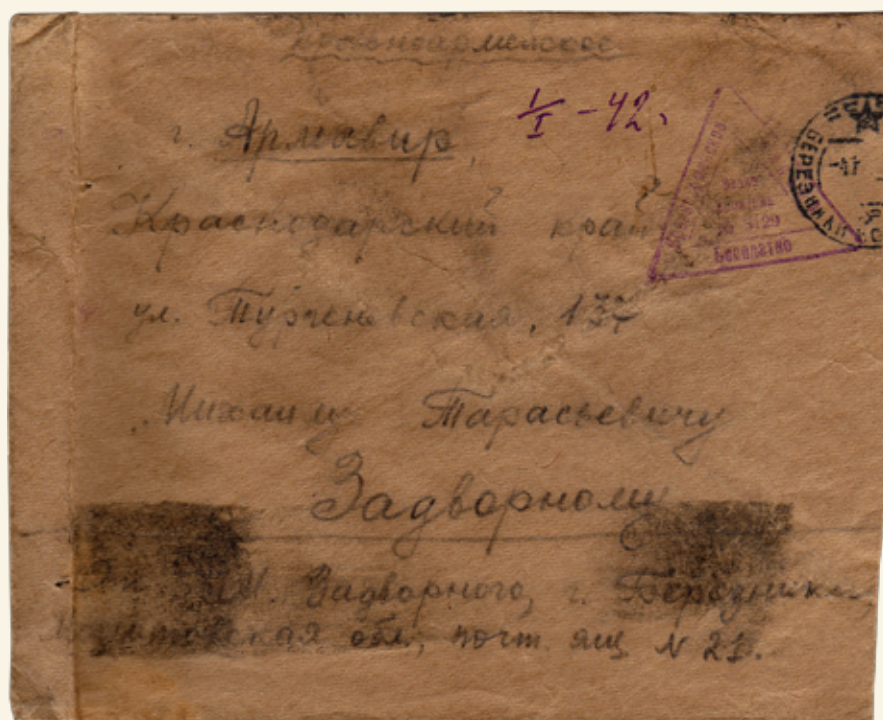
Очень скоро я был уже на передовой.
Еще раньше, придя в часть, которая, в то время
стояла на Стыбине, я поразила издвиги
и Водометный и пламенный заправкой. Но так
я понял, что это еще далеко, что одно
дело фронт, а другое дело задние.
Потом по Киевскому. Сам я вскоре
стал заправкой еще более других
я понял, когда пришел, Водометный

до общего урона. Вначале попал в пулю
 в левую руку. На перевой был связан ко-
 лпадира раби. Это было мне возмущено, стал
 кивать с камендованном, несколько шире, ви-
 деть наши организационно, обследовать был, зада-
 чи, полонные, неслучи.

Потом, что вначале обидел пуга сражением,
 прихватил голову и т.д. Не знаю, так ли это.
 Я лично принимал участие сражении в джун-
 глах. Мы шли в атаку. Это была специализация пуга-
 мей в атаку не всегда ходит, мы поддержива-
 вали стрельбой огнем с фронта, но
 по нему всегда впереди истребительный
 огонь со стороны, прибившись. Так вот.
 Страху никакого не было. Был, как тогда.
 Были счастья, но я не совсем проща-
 ся от них и уми Госи не приносили при-
 прощере кажда. Но у меня все было очень
 любознательно. И скоро. Помню, что тогда
 и морал снег, и все было голодом и
 все ждалось тушь и куришь. Немного были
 от нас на другой стороне речушки
 метров в 150. Кружили мы. Сначала был
 много тепло, начали ужиматься мада,
 слышались, ура! Мы стреляли из пуле-
 ментов. Я несколько раз зачал-ро выстрел
 был в воздух из винтовки. Только
 неприятно мне, поразила фигура лейтенан-
 та, явившегося началу нескольких не-
 та, явившегося началу нескольких не-
 вперсе. Потом все изменилось, начал
 дал такой сильный огонь, что наши пошли
 назад. Стали стрелять минометами.
 В воздухе пахло гарью и кровью. Я увидел впереди
 раз в жизни раненых и убитых. Вот здесь-то
 я почувствовал величайший невыносимый ужас
 и омерзение. Мы встали на своих позициях,
 сотрудничать нам не пошло. Был я на
 край участка еще далеко. Не раз был в атаку,
 на разрушении, под минометными обстрелами

над оружейными, над обстрелом ~~и~~ самолета,
са-авиобомбенской, стреляло по мне где-то чорт зна-
ет, какая машина, которую никто из лейте-
нантов раньше не видел и не слышал, молни-
тогда больше на меня, не находил тех
у нас ~~то~~ и страх, какему я поддавался
вечеру того дня. ~~Вс~~

Во втором сражении я был более бою-
лив, чем в первом, я как бы пошел, вероятно,
увидел, что означает свист пуль, что он
миссе. Это как ребенок сначала возмуща-
ется, как с безобидной игрушкой, а
потом, когда обожжет, становится с ними изми-
ные труслив, еще не умея с ними обращаться.
Конечно, я не приседаю, как это делают
некоторые при каждом "всплеске", не лезу
никуда не подставляя головы, не знаю, где
свой, где чужие, что я не безрассуден.
Но был слишком осторожен, что на
дорожке тоже вредно: там где нужно
быстро перебежать, я буду прятаться
и шмыгать. Но со временем я обстрелялся
и стал на пушную дорожку. Так открыто,
как это было первый день, я калужу теперь
никогда не покажусь, но и знаю, ко-
гда нужно спрятавшись, а когда это совсем
не нужно, а может быть, наоборот, нуж-
но как можно скорее идти вперед.
Прочал сейчас все письмо. Вспоминаю, как
когда и сейчас, совсем не я, что надо.
Не знаю, что это такое: возмани карандаш
и ~~присядет~~ длинные, сухие фразы даются
быть полезная привалка писать ве-
кую пучь, без разбора сказывается.
Много в виду продолжит письмо
дальше, это далеко не так.
Всем любящий Три

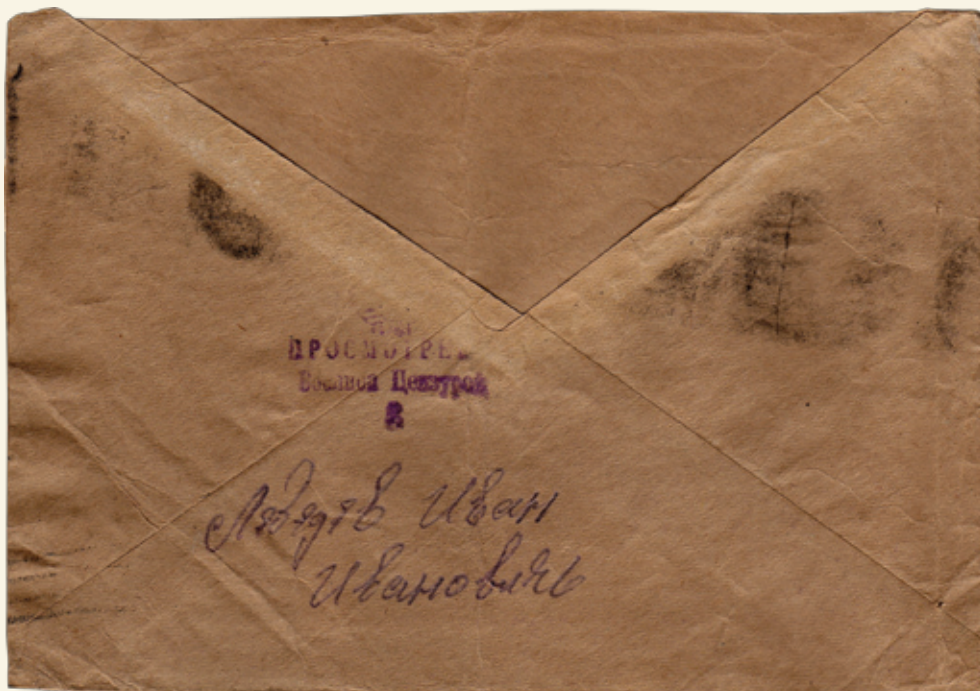
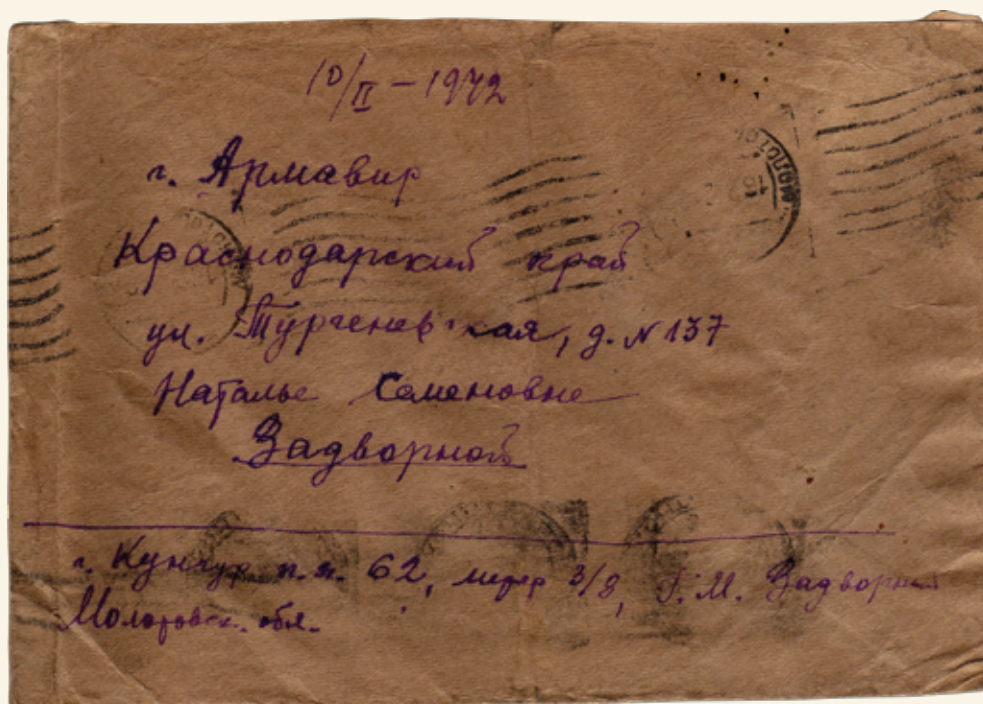

[illegible][illegible]

[illegible]

[illegible]

Но я пишу тебе, а ты не пишешь. Но я пишу, дорогая, тебе, ты ничего не пишешь. Напиши о нас, о себе, какъ будешь, насчетъ же побойдись отдохнуть. С большимъ интересомъ твою мысль, знаю, что ты вслѣдствіи болѣзни, но будь здорово и до свиданія, какъ отдохнешь.
 Дорогая! Давно не писалъ это развлеченіе: мы пишемъ о себѣ все со своимъ такъ лучше будетъ и не давай быть напрасно беспокойства. Я это знаешь, не пишу, так что явись, мама, сержусь, нечего "ну" — с ребенкомъ можно

дифференциальное уравнение — на графике
 сейчас даётся уже: сейчас не буду
 писать. Конечно, если будут три
 в масштабе, возмозможность, можно.
 Постараюсь с графиком, но не знаю,
 как нас повезёт. Думаю, что
 материал будет полезен.
 Я сейчас закончил работу по истории,
 думаю, что мне его не будет неприятно.
~~Мне не нравится~~ я оставил в библиотеке
 как у коллегара колле. Билл, так пишу
 письмо, и замечательное письмо, вот мне
 пишу. Сейчас пишу письмо! Буду
 до одного дня и ночь, пере-
 пишу письмо. Но это все
 из-за спешки. Обмундирован
 прекрасный, еще лучше, как в ре-
 фак: новенькая инициал, как раз в ре-
 фак: новенькая, варенье, хорошие
 валялки, валялки шурши и рубашка.
 На ногах — 2 пары резиновые сапожки
 и еще и один сапожок, еще один
 на сапожок, еще один сапожок, еще один
 (думаю, такие сапожки, из того же
 материала, что и шпатель).

1948. 11 (Минск) 18/
 10/11. Дорогие мама, папа и Миша!
 Сейчас я в лагерях около. Вулицы
 Момоневской, Миши и в
 землянках. Здесь тепло. Землянка
 на 5 человек, тепло, паролет вы-
 сел, температура 3,5-4-5-6-7-8-9-10-11-12-13-14-15-16-17-18-19-20-21-22-23-24-25-26-27-28-29-30-31-32-33-34-35-36-37-38-39-40-41-42-43-44-45-46-47-48-49-50-51-52-53-54-55-56-57-58-59-60-61-62-63-64-65-66-67-68-69-70-71-72-73-74-75-76-77-78-79-80-81-82-83-84-85-86-87-88-89-90-91-92-93-94-95-96-97-98-99-100-101-102-103-104-105-106-107-108-109-110-111-112-113-114-115-116-117-118-119-120-121-122-123-124-125-126-127-128-129-130-131-132-133-134-135-136-137-138-139-140-141-142-143-144-145-146-147-148-149-150-151-152-153-154-155-156-157-158-159-160-161-162-163-164-165-166-167-168-169-170-171-172-173-174-175-176-177-178-179-180-181-182-183-184-185-186-187-188-189-190-191-192-193-194-195-196-197-198-199-200-201-202-203-204-205-206-207-208-209-210-211-212-213-214-215-216-217-218-219-220-221-222-223-224-225-226-227-228-229-230-231-232-233-234-235-236-237-238-239-240-241-242-243-244-245-246-247-248-249-250-251-252-253-254-255-256-257-258-259-260-261-262-263-264-265-266-267-268-269-270-271-272-273-274-275-276-277-278-279-280-281-282-283-284-285-286-287-288-289-290-291-292-293-294-295-296-297-298-299-300-301-302-303-304-305-306-307-308-309-310-311-312-313-314-315-316-317-318-319-320-321-322-323-324-325-326-327-328-329-330-331-332-333-334-335-336-337-338-339-340-341-342-343-344-345-346-347-348-349-350-351-352-353-354-355-356-357-358-359-360-361-362-363-364-365-366-367-368-369-370-371-372-373-374-375-376-377-378-379-380-381-382-383-384-385-386-387-388-389-390-391-392-393-394-395-396-397-398-399-400-401-402-403-404-405-406-407-408-409-410-411-412-413-414-415-416-417-418-419-420-421-422-423-424-425-426-427-428-429-430-431-432-433-434-435-436-437-438-439-440-441-442-443-444-445-446-447-448-449-450-451-452-453-454-455-456-457-458-459-460-461-462-463-464-465-466-467-468-469-470-471-472-473-474-475-476-477-478-479-480-481-482-483-484-485-486-487-488-489-490-491-492-493-494-495-496-497-498-499-500-501-502-503-504-505-506-507-508-509-510-511-512-513-514-515-516-517-518-519-520-521-522-523-524-525-526-527-528-529-530-531-532-533-534-535-536-537-538-539-540-541-542-543-544-545-546-547-548-549-550-551-552-553-554-555-556-557-558-559-560-561-562-563-564-565-566-567-568-569-570-571-572-573-574-575-576-577-578-579-580-581-582-583-584-585-586-587-588-589-590-591-592-593-594-595-596-597-598-599-600-601-602-603-604-605-606-607-608-609-610-611-612-613-614-615-616-617-618-619-620-621-622-623-624-625-626-627-628-629-630-631-632-633-634-635-636-637-638-639-640-641-642-643-644-645-646-647-648-649-650-651-652-653-654-655-656-657-658-659-660-661-662-663-664-665-666-667-668-669-670-671-672-673-674-675-676-677-678-679-680-681-682-683-684-685-686-687-688-689-690-691-692-693-694-695-696-697-698-699-700-701-702-703-704-705-706-707-708-709-710-711-712-713-714-715-716-717-718-719-720-721-722-723-724-725-726-727-728-729-730-731-732-733-734-735-736-737-738-739-740-741-742-743-744-745-746-747-748-749-750-751-752-753-754-755-756-757-758-759-760-761-762-763-764-765-766-767-768-769-770-771-772-773-774-775-776-777-778-779-780-781-782-783-784-785-786-787-788-789-790-791-792-793-794-795-796-797-798-799-800-801-802-803-804-805-806-807-808-809-810-811-812-813-814-815-816-817-818-819-820-821-822-823-824-825-826-827-828-829-830-831-832-833-834-835-836-837-838-839-840-841-842-843-844-845-846-847-848-849-850-851-852-853-854-855-856-857-858-859-860-861-862-863-864-865-866-867-868-869-870-871-872-873-874-875-876-877-878-879-880-881-882-883-884-885-886-887-888-889-890-891-892-893-894-895-896-897-898-899-900-901-902-903-904-905-906-907-908-909-910-911-912-913-914-915-916-917-918-919-920-921-922-923-924-925-926-927-928-929-930-931-932-933-934-935-936-937-938-939-940-941-942-943-944-945-946-947-948-949-950-951-952-953-954-955-956-957-958-959-960-961-962-963-964-965-966-967-968-969-970-971-972-973-974-975-976-977-978-979-980-981-982-983-984-985-986-987-988-989-990-991-992-993-994-995-996-997-998-999-1000-1001-1002-1003-1004-1005-1006-1007-1008-1009-1010-1011-1012-1013-1014-1015-1016-1017-1018-1019-1020-1021-1022-1023-1024-1025-1026-1027-1028-1029-1030-1031-1032-1033-1034-1035-1036-1037-1038-1039-1040-1041-1042-1043-1044-1045-1046-1047-1048-1049-1050-1051-1052-1053-1054-1055-1056-1057-1058-1059-1060-1061-1062-1063-1064-1065-1066-1067-1068-1069-1070-1071-1072-1073-1074-1075-1076-1077-1078-1079-1080-1081-1082-1083-1084-1085-1086-1087-1088-1089-1090-1091-1092-1093-1094-1095-1096-1097-1098-1099-1100-1101-1102-1103-1104-1105-1106-1107-1108-1109-1110-1111-1112-1113-1114-1115-1116-1117-1118-1119-1120-1121-1122-1123-1124-1125-1126-1127-1128-1129-1130-1131-1132-1133-1134-1135-1136-1137-1138-1139-1140-1141-1142-1143-1144-1145-1146-1147-1148-1149-1150-1151-1152-1153-1154-1155-1156-1157-1158-1159-1160-1161-1162-1163-1164-1165-1166-1167-1168-1169-1170-1171-1172-1173-1174-1175-1176-1177-1178-1179-1180-1181-1182-1183-1184-1185-1186-1187-1188-1189-1190-1191-1192-1193-1194-1195-1196-1197-1198-1199-1200-1201-1202-1203-1204-1205-1206-1207-1208-1209-1210-1211-1212-1213-1214-1215-1216-1217-1218-1219-1220-1221-1222-1223-1224-1225-1226-1227-1228-1229-1230-1231-1232-1233-1234-1235-1236-1237-1238-1239-1240-1241-1242-1243-1244-1245-1246-1247-1248-1249-1250-1251-1252-1253-1254-1255-1256-1257-1258-1259-1260-1261-1262-1263-1264-1265-1266-1267-1268-1269-1270-1271-1272-1273-1274-1275-1276-1277-1278-1279-1280-1281-1282-1283-1284-1285-1286-1287-1288-1289-1290-1291-1292-1293-1294-1295-1296-1297-1298-1299-1300-1301-1302-1303-1304-1305-1306-1307-1308-1309-1310-1311-1312-1313-1314-1315-1316-1317-1318-1319-1320-1321-1322-1323-1324-1325-1326-1327-1328-1329-1330-1331-1332-1333-1334-1335-1336-1337-1338-1339-1340-1341-1342-1343-1344-1345-1346-1347-1348-1349-1350-1351-1352-1353-1354-1355-1356-1357-1358-1359-1360-1361-1362-1363-1364-1365-1366-1367-1368-1369-1370-1371-1372-1373-1374-1375-1376-1377-1378-1379-1380-1381-1382-1383-1384-1385-1386-1387-1388-1389-1390-1391-1392-1393-1394-1395-1396-1397-1398-1399-1400-1401-1402-1403-1404-1405-1406-1407-1408-1409-1410-1411-1412-1413-1414-1415-1416-1417-1418-1419-1420-1421-1422-1423-1424-1425-1426-1427-1428-1429-1430-1431-1432-1433-1434-1435-1436-1437-1438-1439-1440-1441-1442-1443-1444-1445-1446-1447-1448-1449-1450-1451-1452-1453-1454-1455-1456-1457-1458-1459-1460-1461-1462-1463-1464-1465-1466-1467-1468-1469-1470-1471-1472-1473-1474-1475-1476-1477-1478-1479-1480-1481-1482-1483-1484-1485-1486-1487-1488-1489-1490-1491-1492-1493-1494-1495-1496-1497-1498-1499-1500-1501-1502-1503-1504-1505-1506-1507-1508-1509-1510-1511-1512-1513-1514-1515-1516-1517-1518-1519-1520-1521-1522-1523-1524-1525-1526-1527-1528-1529-1530-1531-1532-1533-1534-1535-1536-1537-1538-1539-1540-1541-1542-1543-1544-1545-1546-1547-1548-1549-1550-1551-1552-1553-1554-1555-1556-1557-1558-1559-1560-1561-1562-1563-1564-1565-1566-1567-1568-1569-1570-1571-1572-1573-1574-1575-1576-1577-1578-1579-1580-1581-1582-1583-1584-1585-1586-1587-1588-1589-1590-1591-1592-1593-1594-1595-1596-1597-1598-1599-1600-1601-1602-1603-1604-1605-1606-1607-1608-1609-1610-1611-1612-1613-1614-1615-1616-1617-1618-1619-1620-1621-1622-1623-1624-1625-1626-1627-1628-1629-1630-1631-1632-1633-1634-1635-1636-1637-1638-1639-1640-1641-1642-1643-1644-1645-1646-1647-1648-1649-1650-1651-1652-1653-1654-1655-1656-1657-1658-1659-1660-1661-1662-1663-1664-1665-1666-1667-1668-1669-1670-1671-1672-1673-1674-1675-1676-1677-1678-1679-1680-1681-1682-1683-1684-1685-1686-1687-1688-1689-1690-1691-1692-1693-1694-1695-1696-1697-1698-1699-1700-1701-1702-1703-1704-1705-1706-1707-1708-1709-1710-1711-1712-1713-1714-1715-1716-1717-1718-1719-1720-1721-1722-1723-1724-1725-1726-1727-1728-1729-1730-1731-1732-1733-1734-1735-1736-1737-1738-1739-1740-1741-1742-1743-1744-1745-1746-1747-1748-1749-1750-1751-1752-1753-1754-1755-1756-1757-1758-1759-1760-1761-1762-1763-1764-1765-1766-1767-1768-1769-1770-1771-1772-1773-1774-1775-1776-1777-1778-1779-1780-1781-1782-1783-1784-1785-1786-1787-1788-1789-1790-1791-1792-1793-1794-1795-1796-1797-1798-1799-1800-1801-1802-1803-1804-1805-1806-1807-1808-1809-1810-1811-1812-1813-1814-1815-1816-1817-1818-1819-1820-1821-1822-1823-1824-1825-1826-1827-1828-1829-1830-1831-1832-1833-1834-1835-1836-1837-1838-1839-1840-1841-1842-1843-1844-1845-1846-1847-1848-1849-1850-1851-1852-1853-1854-1855-1856-1857-1858-1859-1860-1861-1862-1863-1864-1865-1866-1867-1868-1869-1870-1871-1872-1873-1874-1875-1876-1877-1878-1879-1880-1881-1882-1883-1884-1885-1886-1887-1888-1889-1890-1891-1892-1893-1894-1895-1896-1897-1898-1899-1900-1901-1902-1903-1904-1905-1906-1907-1908-1909-1910-1911-1912-1913-1914-1915-1916-1917-1918-1919-1920-1921-1922-1923-1924-1925-1926-1927-1928-1929-1930-1931-1932-1933-1934-1935-1936-1937-1938-1939-1940-1941-1942-1943-1944-1945-1946-1947-1948-1949-1950-1951-1952-1953-1954-1955-1956-1957-1958-1959-1960-1961-1962-1963-1964-1965-1966-1967-1968-1969-1970-1971-1972-1973-1974-1975-1976-1977-1978-1979-1980-1981-1982-1983-1984-1985-1986-1987-1988-1989-1990-1991-1992-1993-1994-1995-1996-1997-1998-1999-2000-2001-2002-2003-2004-2005-2006-2007-2008-2009-2010-2011-2012-2013-2014-2015-2016-2017-2018-2019-2020-2021-2022-2023-2024-2025-2026-2027-2028-2029-2030-2031-2032-2033-2034-2035-2036-2037-2038-2039-2040-2041-2042-2043-2044-2045-2046-2047-2048-2049-2050-2051-2052-2053-2054-2055-2056-2057-2058-2059-2060-2061-2062-2063-2064-2065-2066-2067-2068-2069-2070-2071-2072-2073-2074-2075-2076-2077-2078-2079-2080-2081-2082-2083-2084-2085-2086-2087-2088-2089-2090-2091-2092-2093-2094-2095-2096-2097-2098-2099-2100-2101-2102-2103-2104-2105-2106-2107-2108-2109-2110-2111-2112-2113-2114-2115-2116-2117-2118-2119-2120-2121-2122-2123-2124-2125-2126-2127-2128-2129-2130-2131-2132-2133-2134-2135-2136-2137-2138-2139-2140-2141-2142-2143-2144-2145-2146-2147-2148-2149-2150-2151-2152-2153-2154-2155-2156-2157-2158-2159-2160-2161-2162-2163-2164-2165-2166-2167-2168-2169-2170-2171-2172-2173-2174-2175-2176-2177-2178-2179-2180-2181-2182-2183-2184-2185-2186-2187-2188-2189-2190-2191-2192-2193-2194-2195-2196-2197-2198-2199-2200-2201-2202-2203-2204-2205-2206-2207-2208-2209-2210-2211-2212-2213-2214-2215-2216-2217-2218-2219-2220-2221-2222-2223-2224-2225-2226-2227-2228-2229-2230-2231-2232-2233-2234-2235-2236-2237-2238-2239-2240-2241-2242-2243-2244-2245-2246-2247-2248-2249-2250-2251-2252-2253-2254-2255-2256-2257-2258-2259-2260-2261-2262-2263-2264-2265-2266-2267-2268-2269-2270-2271-2272-2273-2274-2275-2276-2277-2278-2279-2280-2281-2282-2283-2284-2285-2286-2287-2288-2289-2290-2291-2292-2293-2294-2295-2296-2297-2298-2299-2300-2301-2302-2303-2304-2305-2306-2307-2308-2309-2310-2311-2312-2313-2314-2315-2316-2317-2318-2319-2320-2321-2322-2323-2324-2325-2326-2327-2328-2329-2330-2331-2332-2333-2334-2335-2336-2337-2338-2339-2340-2341-2342-2343-2344-2345-2346-2347-2348-2349-2350-2351-2352-2353-2354-2355-2356-2357-2358-2359-2360-2361-2362-2363-2364-2365-2366-2367-2368-2369-2370-2371-2372-2373-2374-2375-2376-2377-2378-2379-2380-2381-2382-2383-2384-2385-2386-2387-2388-2389-2390-2391-2392-2393-2394-2395-2396-2397-2398-2399-2400-2401-2402-2403-2404-2405-2406-2407-2408-2409-2410-2411-2412-2413-2414-2415-2416-2417-2418-2419-2420-2421-2422-2423-2424-2425-2426-2427-2428-2429-2430-2431-2432-2433-2434-2435-2436-2437-2438-2439-2440-2441-2442-2443-2444-2445-2446-2447-2448-2449-2450-2451-2452-2453-2454-2455-2456-2457-2458-2459-2460-2461-2462-2463-2464-2465-2466-2467-2468-2469-2470-2471-2472-2473-2474-2475-2476-2477-2478-2479-2480-2481-2482-2483-2484-2485-2486-2487-2488-2489-2490-2491-2492-2493-2494-2495-2496-2497-2498-2499-2500-2501-2502-2503-2504-2505-2506-2507-2508-2509-2510-2511-2512-2513-2514-2515-2516-2517-2518-2519-2520-2521-2522-2523-2524-2525-2526-2527-2528-2529-2530-2531-2532-2533-2534-2535-2536-2537-2538-2539-2540-2541-2542-2543-2544-2545-2546-2547-2548-2549-2550-2551-2552-2553-2554-2555-2556-2557-2558-2559-2560-2561-2562-2563-2564-2565-2566-2567-2568-2569-2570-2571-2572-2573-2574-2575-2576-2577-2578-2579-2580-2581-2582-2583-2584-2585-2586-

Здесь на Урале каюзины.
Моллю, удивительное дело, здесь
каюзины. Именно здесь каюзины
каюзины у нас каюзины, го каюзины
а здесь каюзины. Места здесь да-
ние, уральские. Чем-то каюзины-
ныне каюзины. А каюзины. Это каюзины
у нас в Майконе каюзины. А каюзины
каюзины каюзины у нас в Майконе.
— а рои каюзины у нас в Майконе.
Чего каюзины, но каюзины каюзины.
Дорогие каюзины каюзины, каюзины.
каюзины, каюзины. Милые
каюзины! Обо мне каюзины, обо
каюзины, каюзины каюзины каюзины
каюзины, каюзины каюзины каюзины
(но каюзины каюзины), каюзины каюзины
каюзины каюзины. Адрес: а. каюзины,
Молодогова. Каюзины, п. а. каюзины, каюзины 3/3
Каюзины каюзины каюзины каюзины каюзины
и каюзины каюзины. Каюзины, каюзины каюзины.
Каюзины каюзины: каюзины. Каюзины каюзины
каюзины, каюзины каюзины, каюзины каюзины
каюзины каюзины каюзины каюзины каюзины,
каюзины каюзины каюзины каюзины каюзины,
каюзины каюзины каюзины каюзины каюзины,
каюзины каюзины каюзины каюзины каюзины.

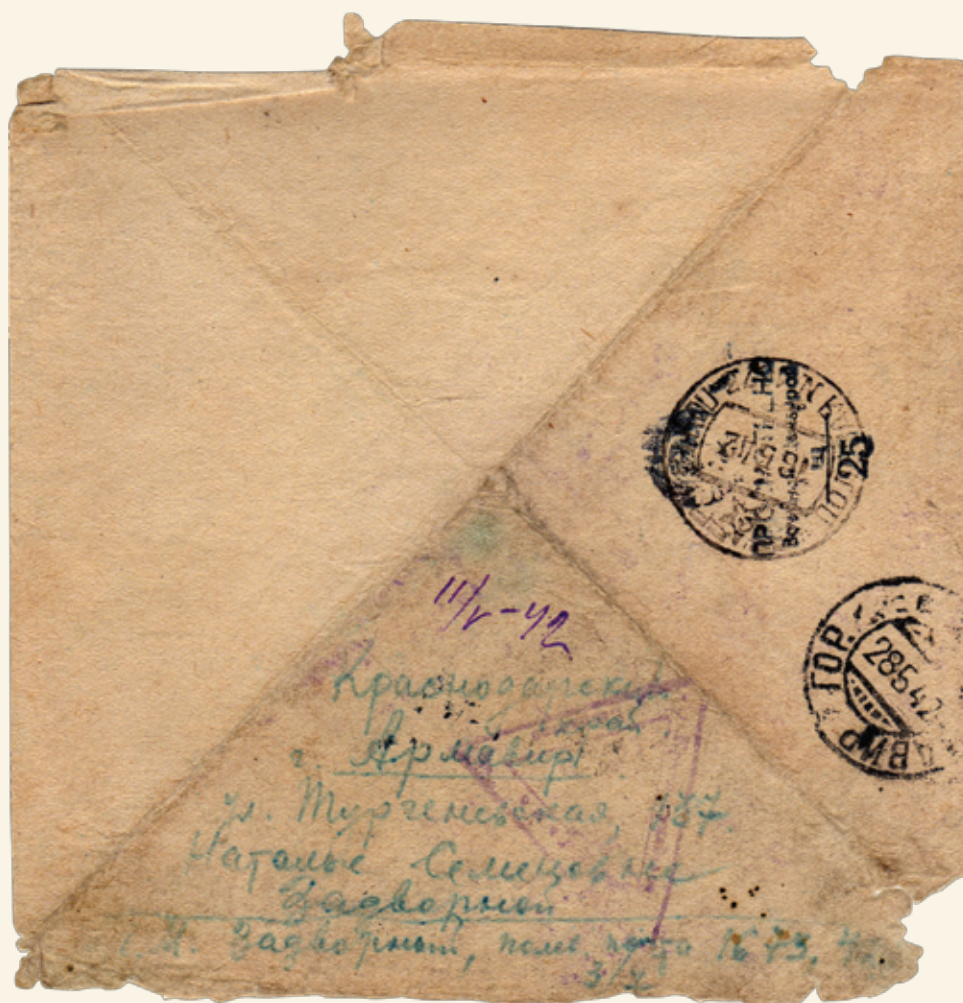
Буду безо всякого страха: буду
то, что буду и что канюшу
человек на разе написал.
Но в прозе много похвалю,
не раз уже выучившего меня го-
ла по в разе пишу, — Св. Би-
роиз Верно. А то, может, и в
самом деле едем в город суз-го и
будем сираться епархией, каких
сирасей у нас очень много. А в
ду" похвалю? Вам только
слох Валюша: "Меня, ма, не обду-
рив? Я такие случаи тоже знаю.
Я поставлю пачеми пачеми пор-
в мес. после обзета, товарища,
в кн. раз сообраз, что в сирасе,
а да в мес. то аром сообраз, что
их сирасе и, пачеми пачеми,
на разе, а разе пачеми на-
маше не мож, ф. к. их сирасе
бывание было, засекречено.
Буду его знать?
А так, в сирасе "Писарь — бо-
красная крыса с очками на
носу и карандашом за ухом

22/II. Дорогие папа, мама и Милочка! 20/1942. Ехали мы, ехали до Воротынского дня а-
 на доехали до Вологды — приехали в Вологду. Я сейчас расскажу вам по деревенским обычаям
 Вологды. Живем в крестьянском доме. Здесь про-
 бую — не знаю. Нам очень понравились в
 доме, где хозяйка отделила нам отдель-
 ную комнату. У хозяйки есть конюшня, коров-
 ны с молоком. На всех нас есть, конечно,
 не хватает, но до сих пор я устроился.
 Как посмотрели, то наши хозяйки живут
 хорошо. В комнате в комнате хорошая, все
 старинное: и большие зеркала и часы, и
 шкафы для посуды и мебельная машина "Singer".
 Готовят себе молочко, кашу, паштет, сало,
 пироги с картошкой, маслом и т.д. Но войны они
 конечно, не знают: в доме лишь старик,
 женщина и дети. Мужчины на войне и
 известны от них нет. А все-таки приятно
 посмотреть на семейную обстановку, на
 ребятенки, что делают себе сметану и ми-
 локо не покупают. Убеждают, надо на марш
 идти, до чего не надоела уже эта проклятая
 война. Но ничего не поделаешь: надо за него
 воевать и воевать. Раз уж на нашу землю
 вошел враг, надо воевать, надо уже с ним.
 Какой-нибудь из воев наших будущих, ~~да~~
 не жалею в мягкой кресле, поворачивать нас будем
 за дачу наши. Только он, сволочь, пусть не вое-
 то хлопает нас по щеке, а по щеке с моего
 крыльца — да на мроз.
 Однако дома уже скучно, скучно, теперь все тем-
 но, ставится дура, а тех солдат, что были, уже не

идет. Правда, еще здесь холодно, тут резкий ветер,
 но приближение весны уже и здесь чувству-
 ется. Сколько мы здесь пробыли, не знаю, куда
 нас после пошлют, тоже не знаю, но знаю, что
 здесь. Только надеюсь, что свой день рождения
 буду отмечать в мирных условиях. Вы там
 тоже будьте, если можно дождь, за раба велика
 трудна. Впрочем, сейчас вы нечего: сидит он
 себе в тепле и в. Теряет как с Волочком
 он пивает, что себе охотнее. Рейсманшта
 нет, и он ест, очень много личного состава в отделе
 и пописывает все твое, что. Вот наша на-
 занятая — наступают, "обороняется", вот "ура":
 очень да много.
 Мы проводили по Вологде, по многим улицам, по
 сюда пришли. Хороший город, довольно великий.
 Говорят, что старый город, не вновь не-
 великий, как у нас. Здесь много кипела когда-
 то. Но и даго вывели: "Ресторан", "Губо" и т.д.
 Все осталось прежней расой. А сейчас
 перед, новые магазины. Впрочем, вынуждены
 жить все угнетенные, особенно здоровые пере-
 кивают на море. Верно, здесь было. Здесь
 по деревням и в самом городе хорошие безобразия
 много — торчат как метелки. Ford в городе не
 забыли, здесь, в Вологде.
 На площади демонстрируется маленький бамбу-
 ровый, обитый кожей. На площади Вологда
 стоит много с трамваем: маленькие машины,
 старые — и большие и маленькие — грозные виды,
 много как-то смотрят на них было.
 В улицах Вологда видел много американские
 автомобили Ford — небольшие, маленькие,

недавно поступили
 Ну вот, такая наша жизнь. Я вижу многого
 рассмотрю, много где тоскую. Но и здесь
 мне не скучно, и нас много лучше.
 Живут крестьяне тут большими семьями -
 по 5-10 семей, скотины же должно быть!
 Разве сравнить с нашими «табунщиками»? Здесь
 ни одного фруктового дерева, а у нас даже
 сады.
 Сегодня пришел в баню и письмо, очевидно, бро-
 шен в Ялгоде. Утром удалось передать письмо
 от 19-го, писанное себе в Ялгоде, но оно в
 безобразном состоянии - конверт сильно измят
 и вдобавок никак не хочу, замечая, что
 получили ли вы мое письмо и достигало ли оно
 и письмо из Кунгура писанное 10-го.
 Как-то вы живете там со мной, дорогие? Как дела
 ваши? Я не знаю, что и сказать о материальной
 стороне вашей жизни. С одной стороны, видны
 эти трудные цены, с другой стороны, что все-таки
 как-то живут люди. Как же вы? Да и боюсь, чтобы
 не очень плохо. А Милочка страшно похудела,
 вес совсем не растет. Ах-ах уже
 перебрал в 10 класс, а там, не мешкая в Ялгоде.
 Как ты было хорошо, если бы до была перебрал
 в какой-либо хороший университет или институт.
 Ну, пора начинать, дорогие. Милото, вам
 хорошего только и лучшего желаю, чтобы с вами
 не произошло. Да и бог, придет это счастье.
 Скоро, совсем засветит тогда зорче, жизнь, моя
 счастлива и свободна, будет, но и она на радость
 покажется. Прекрасно! Целую вас любящих. Привет

Я пишу тебе, как прежде,
 и пишу тебе - как прежде.
 К тебе вернусь - тогда, когда
 уйдешь тогда, когда тогда
 до его меня заведешь от всего.
 На нем же, а я и зна, неведомо
 всем Андреем думи. Но зато
 мне на него же владетель,
 то же, что было и было
 веди, что не было, равно по
 некому. Но тогда, когда
 то же, что было, когда
 Усело крепко крепко моя
 шовинизм. Притом и сочувствие
 к всего моего сердца ребе Вера.
 Ваши сообщения о грядущем
 мне очень интересны. Но никак
 даю по-прежнему. Хорошо
 Ты Милочка приведи меня
 ажно - русские слова. Все
 вернусь к этому. Подарю
 буду. Подарю тебе. Подарю
 Подарю тебе крепко крепко, до
 подарю тебе о себе больше.

22/V - 42 года

22/

Дорогие, милые мама, маме
и Милочка! Получил я ваши
письма: ваше письмо и последнее
ваше с Милочкой от Криву 5.9.42.
Спасибо, получили спасибо. Спасибо
вам, мама. После 10.5 мне всё было
некогда. Да и сейчас пишу,
а моя голова сейчас спит, а снаряды,
минны. Там, в лесу, мы не можем
идти. Вот потому наша жизнь в
лесах, в лесу, и поэтому
письма, письма себе и вам.
Я сейчас уже на 6.8 года
а в 7.5 г. к. после первых боев
у нас была некоторая переубежден
и 7.5 году раз, решил, что
судно. Там, что мы переубежден
адрес: мам. п. п. 1643, 42. С. П.
3/7. Сейчас мама, мама, мама
стану деревню, деревню, деревню
малодеревню, деревню
деревню. Первые деревни

Я тогда замкнулся один в своей
 комнате и раздумывал долго.
 Мать, дай же слово!
 Милочка! Я слышал, что Молодень-
 ких девушек берут в войска
 и еще любимую забирают,
 и в. в. из каменного воеводы р.
 горы. Дорогая моя, сестренка!
 Давно я тебя не видел, не знаю
 как ты, как бродя в лесу на
 вырван и гордый, но все же
 кинжалом себя весь мой любовный
 ребе, все, что мне дорого, подумав
 о папе и маме. Давно ты от
 нас, бабачи - моя. Ты сейчас в
 этом мире, дорогой, своего брата,
 который все-таки имеет право
 после всего просить себя от этой
 войны. Иначе не будет мне покоя
 и в душе дни переживания и мар-
 кин дитя бою. Дорогая, бесно-
 кобу меня крымские дела. При-
 давшие им, пожалуйста, очень большое
 значение, какого они для вас
 много заслуживают. Помните: не для
 и в случае чего придется правды
 и много-много пережить. Кемарь
 прекрасная. И еще, дорогой, не
 забудь мне написать и письма, в которых
 много не рассказывай. Там все-таки
 пишу тебе, папа. Как будет, напиши
 Никому вам, только сама да скоро. Как ты
 чувствуешь? и привет тебе все. Никому